

ГИДЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Режи Буайе

Средневековая ИСЛАНДИЯ

История освоения
Эпоха саг
Ярлы, скальды и бонды
Походы викингов
Религия Скандинавского Севера
Руническая магия

Исландия — холодный остров в приполярном океане между Европой и Гренландией, край скал и гейзеров, пристанище бесстрашных викингов и мудрых песнопевцев-скальдов... Духовное наследие Исландии — это бесценный заповедник северной культуры, неповторимый мир скандинавских саг и рунической тайнописи, причудливый, словно магический лабиринт. Вступайте в этот мир без страха заблудиться, ведь путеводитель по нему — у вас в руках.

- [Режи Буайе](#)
 -
 - [Исландия](#)
 -
 - [Введение](#)
 - [I](#)
 -
 - [Заселение](#)
 - [Эпоха саг \(söguöld, около 930–1030\) и эпоха мира \(friðaröld, около 1030–1120\)](#)
 - [♦ Установление порядка](#)
 - [♦ Открытие Гренландии \(и Америки?\)](#)
 - [♦ Официальное принятие христианства](#)
 - [♦ Ни короля, ни князя](#)
 - [♦ Распространение христианства](#)
 - [♦ Годары и годордсмены \(goðar и goðorasmenn\)](#)
 - [Эпоха Стурлунгов и утрата независимости \(1120–1264\)](#)
 - [♦ Сага о Стурлунгах](#)
 - [♦ Конфликт между законами божественными и гражданскими](#)
 - [♦ Норвежская интервенция](#)
 - [♦ Старый договор \(Gamli Sattmali\)](#)
 - [♦ От норвежского ярма к датскому](#)
 - [Основная хронология](#)
 - [II](#)
 -
 - [Социальная структура](#)
 -
 - [♦ Формирование слоя бондов](#)
 - [♦ Годордсмены](#)
 - [♦ Общественные слои](#)
 - [♦ Врачи](#)
 - [♦ Законоведы](#)
 - [♦ Ремесленники](#)
 - [♦ «Рабь»](#)
 - [♦ Бедняки и бродяги](#)
 - [Административные структуры](#)
 -
 - [♦ Тинг и альтинг](#)
 - [♦ Фьордунги](#)

- [Войско](#)
 -
 - [♦ Вооружение](#)
 - [♦ Исландцы и викинги](#)
- [Ш](#)
 -
 - [Сельское хозяйство](#)
 - [Недра](#)
 - [Рыбная ловля](#)
 - [Торговля](#)
 - [Викинги](#)
 -
 - [♦ Торговцы](#)
 - [♦ Торговые пути](#)
 - [♦ Эволюция и ее фазы](#)
 - [♦ Четыре стадии походов викингов](#)
 - [♦ Предметы торговли](#)
 - [Меры длины и веса; валюта](#)
- [Исландцы](#)
 - [IV](#)
 -
 - [Краткое отступление: о достоверности источников](#)
 - [Календарь](#)
 -
 - [♦ Зимы и ночи](#)
 - [♦ Названия месяцев](#)
 - [♦ Наименования дней](#)
 - [Обычный день](#)
 - [Этапы жизни и сопровождавшие их основные обряды](#)
 -
 - [♦ Несколько необходимых слов о качестве наших источников](#)
 - [♦ Рождение исландца](#)
 - [♦ Брак](#)
 - [♦ Похороны](#)
 - [♦ Об инициации молодых людей](#)
 - [V](#)
 -
 - [Мифология и боги](#)
 -
 - [♦ Поклонение силам природы](#)
 - [Эпоха викингов: итог](#)
 -
 - [♦ Боги Севера](#)
 - [♦ Непримиимый трехфункционализм](#)
 - [♦ Любовь к порядку и организации](#)
 - [История мира и космогония](#)
 -

- [◆ Иггдрасиль](#)
 - [Культ богов, главные обряды](#)
 - [◆ Культовая сторона религии](#)
 - [◆ Годары \(священники\)](#)
 - [◆ Существовали ли в Исландии «храмы»?](#)
 - [◆ Священное: heilagr или vé](#)
 - [◆ Домашний культ, общественный культ](#)
 - [◆ Ритуалы, связанные с равноденствиями и солнцестояниями](#)
 - [◆ Пиво и мед](#)
 - [◆ Три великих магических обряда](#)
 - [◆ Homo religiosus scandinavicus](#)
 - [Магия](#)
 -
 - [◆ Душа](#)
 - [◆ Мир двойников](#)
 - [Переход к христианству](#)
 -
 - [◆ Немного истории](#)
 - [◆ Результаты официальной христианизации](#)
 - [◆ Церкви и монастыри](#)
 - [◆ Религиозная практика в повседневной жизни](#)
- [VI](#)
 -
 - [Исландский язык](#)
 -
 - [◆ Руны: два футарка](#)
 - [◆ Произношение в исландском языке](#)
 - [◆ Немного о морфологии](#)
 - [Поэзия скальдов](#)
 -
 - [◆ Немного о ритмике стиха](#)
 - [◆ Немного о словаре](#)
 - [◆ Синтаксис](#)
 - [«Эдды»](#)
 -
 - [◆ Перечень песен «Старшей Эдды»](#)
 - [◆ «Младшая Эдда», или «Эдда Снорри»](#)
 - [Саги](#)
 - [◆ Подходы](#)
 - [◆ Генезис: устная традиция или «книжная проза»?](#)
 - [◆ Разновидности саг](#)
 - [◆ Ценность саг. Стиль](#)
 - [Церковная литература](#)
 - [◆ Несколько предварительных оговорок](#)
 - [◆ Другие литературные жанры](#)
 - [◆ Научные труды](#)
 - [Римур](#)

- [Наиболее выдающиеся авторы](#)
 -
 - [♦ Ари Торгильссон Мудрый](#)
 - [♦ Эгиль Скаллаgrimссон](#)
 - [♦ Эйстейн Асgrimссон \(умер в 1361\)](#)
 - [♦ Гуннлауг Лейфссон \(умер в 1218\)](#)
 - [♦ Хальфред Оттарсон Трудный скальд \(X век\)](#)
 - [♦ Хаук Эрлендссон \(XIV век\)](#)
 - [♦ Карл Йонссон \(умер в 1213 году\)](#)
 - [♦ Кормак Огмундарсон \(X век\)](#)
 - [♦ Одд Сноррасон \(конец XII века\)](#)
 - [♦ Олаф Фрордарсон Белый скальд \(конец XIII века\)](#)
 - [♦ Сэмунд Сигфуссон Мудрый \(1056–1133\)](#)
 - [♦ Сигхват Тордарсон \(995?–1045\)](#)
 - [♦ Снорри Стурлусон \(1178/9–1241\)](#)
 - [♦ Стурла Тордарсон \(1214–1284\)](#)
 - [♦ Стюрмир Карасон Мудрый \(1170?-1245\)](#)
 - [♦ Тормод Берсасон, скальд Черных Бровей \(XI век\)](#)

- [VII](#)

-
- [Архитектура](#)
- [Живопись](#)
- [Музыка](#)
- [Скульптура](#)
- [Декоративное искусство](#)

- [VIII](#)

-
- [Игры и «спорт»](#)
- [Домашние игры и развлечения](#)

- [IX](#)

-
- [Повседневные дела, прием пищи](#)
 -
 - [♦ Зимние ночи](#)
- [Женщина и ребенок](#)
- [Сексуальность](#)
 -
 - [♦ Сожительство](#)
- [Жилище и обстановка](#)
 -
 - [♦ Ваег](#)
 - [♦ Skáli, или жилое пространство](#)
- [Одежда](#)
- [Транспортные средства](#)

- [Словарь некоторых основных понятий](#)

- [Иллюстрации](#)

- [notes](#)

- 1
 - 2
-

Сразу следует отметить: очень важно, что в серии, предназначенной для популяризации знаний о древних культурах, появилась книга, посвященная средневековой Исландии. Наконец-то признана вполне очевидная ценность одной из великих культур, оказавшей огромное влияние на западный мир. То, что ей пришлось ждать так долго, чтобы занять заслуженное место, нельзя, к сожалению, отнести только на счет нашего незнания. Мифология Севера, особенно в «викингском» варианте, куда менее знакома европейцу из-за ее удаленности во времени и в пространстве и невесть откуда взявшейся пристрастной слепоте, заставляющей нас проявлять куда больший интерес к Китаю, Японии, Египту и даже Америке доколумбовой эпохи, и вынуждающей противиться признанию того несомненного факта, что на нашем же континенте добрую тысячу лет существовал мир, тесно связанный с нашими привычками и чувствами, оказавший влияние на ту реальность, в которой мы существуем и от которой во многом зависим. Пусть культура его иная, однако ее нельзя назвать чужеродной и экзотичной для нас.

Настоящая книга призвана не просто заполнить эту удручающую пустоту, но и исправить вопиющую несправедливость. Она посвящена Исландии, какой была эта страна в период между 870 и 1350 годами, но это также означает, что мы будем проявлять интерес к средневековым Дании, Норвегии, Швеции. На этих страницах мы собираемся говорить обо всем средневековом Севере, а не только об Исландии — самом прекрасном его цветке, и я просто счастлив, что люди, ответственные за формирование настоящей серии, остановили на этой книге свой выбор. В конце концов, культурному человеку известны труды Саллюстия, Софокла и Конфуция, некоторые слышали и о валлийском «Мабиногионе», но что известно среднему представителю нашего общества о Снорри Стурлусоне, о *Прорицании Вэльвы*, о великих скальдах и о так называемой исландской «демократии»: республиканском строе этого маленького общества, просуществовавшего добрых четыре века? Обыкновенным ответом на этот вопрос станут рассказы о чудесном и «туманном» Севере, основанные на мистических преданиях о мрачной Гиперборее, или о полной разнузданности северян, возникшие вследствие плохой информированности, не упоминая уже о явно скандальных вагнеровских или «германских» заимствованиях.

Итак, пришло время пролить свет на историю этого уголка нашей планеты, столь долгое время пребывавшего во мраке неизвестности. И я всемерно приветствую инициативу, побудившую к созданию этого труда. Пора воздать должное культуре этой страны, — настолько необыкновенной, что трудно оценить по достоинству само значение ее. Увлекательные сведения, содержащиеся на страницах этой книги, безусловно, пополнят багаж знаний читателя, позволят ему отказаться от некоторых замшелых представлений и, конечно, помогут убедиться в величии северной культуры и цивилизации!

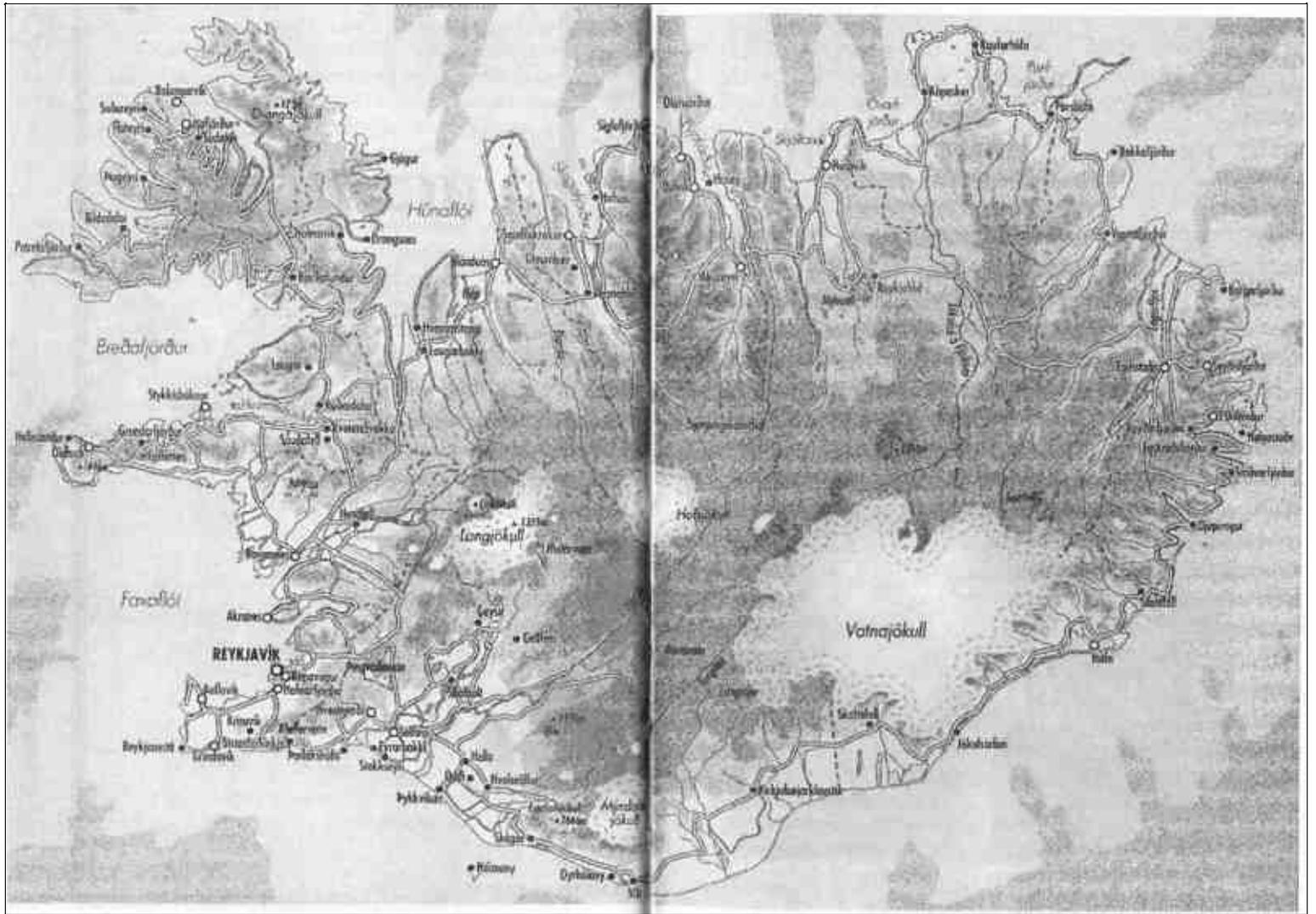
Уже в самом начале стоит высказать утверждение, которое кому-то может показаться на первый взгляд чрезмерным: в средневековой Исландии все было исключительным, все было поразительным. Несколько десятков тысяч мужчин и женщин (в Средние века численность населения этой страны никогда не превышала тридцати пяти тысяч человек), обосновавшихся в этой *Ultima Thule*, вдруг создали, как по волшебству, свой тип социума, свое законодательство и властные структуры, не имеющие аналогов в других местах, не говоря уже о религии. Их потомки ныне представляют собой очень немногочисленный народ (насчитывающий чуть более трехсот тысяч душ), и по сей день отличающийся редким культурным своеобразием (поскольку

чудо все еще продолжается)! Более того, лучшие умы этого народа оставили нашему восхищенному вниманию собрание удивительных текстов, свидетельствующих о существовании в средневековой Исландии очень яркой литературы, демонстрирующей уникальное представление о мире, жизни и человеке, бросающей вызов нашим взглядам, которые мы почитаем за высокоцивилизованные!

Природа исландской цивилизации остается *terra incognita* для многих наших эрудитов. Даже наиболее внимательные наблюдатели не могут найти ей объяснения и потому предпочитают укрываться за утверждениями об «исландском чуде». Однако точно так же можно говорить и о чуде греческом или ирландском! И я отлично понимаю, почему, не имея возможности растолковать природу этого чуда, специалисты ограничиваются простой констатацией самого явления!

Впрочем, это не столь уж существенно! В следующих главах этой книги я как раз попытался описать это исландское чудо без каких-либо претензий на исчерпывающее или хотя бы удовлетворительное разъяснение. Это дело настолько благородное, что оно заслуживает того, чтобы хотя бы взяться за него. К слову, в известной английской книжной серии, посвященной истории великих цивилизаций (*Great Civilizations Series, Faber & Faber*) представлены тома, рассказывающие о культуре Шумера, Ассирии, Египта, Греции, Рима и т. д., а восьмой том, написанный в соавторстве Питером Дж. Футом и Д.М. Уилсоном, называется «Достижения викингов» (*The Viking Achievement*). В нем рассказывается, в частности, о том, как викинги, пришедшие «колонизировать» Исландию, стали в итоге исландцами: это событие совершилось в рамках так называемых походов викингов, имевших место приблизительно в 800–1050 годах. Между тем в общественном сознании и отчасти в научной литературе сохраняется упорное непонимание того факта, что если эти немногочисленные воины могли долгое время терроризировать всю Европу, если они сумели расселиться едва ли не во всей тогдашней ойкумене, если они сумели существенно раздвинуть границы ее, создавая одни государства и преобразуя другие, если они заставили другие народы ощутить свое единство, то называть их просто пиратами или грабителями невозможно! За их плечами была целая культура в самом широком смысле этого слова, традиция, цивилизация, без которой они просто не могли бы существовать. И оказывается, что эта цивилизация выкристаллизовалась и расцвела именно в Исландии! Ей и будет посвящена данная книга, в которой мы попытаемся уточнить основные аспекты этого «чуда».

Исландия

Введение

География Исландии

С точки зрения геологии Исландия является страной совсем молодой, созданной лавой и льдом, малопригодной для жизни и наделенной суровым климатом. Хотя в Исландии не так холодно, как можно предположить по ее названию («Исландия» буквально означает «ледяная страна»), все же эта страна выглядит достаточно негостеприимной. Не люди формировали здешний пейзаж, чтобы сделать его обитаемым, напротив — здесь именно пейзаж диктует людям поведение, формирует их характер и образ жизни.

Исландский пейзаж диктовал здешним людям образ жизни и формировал характер

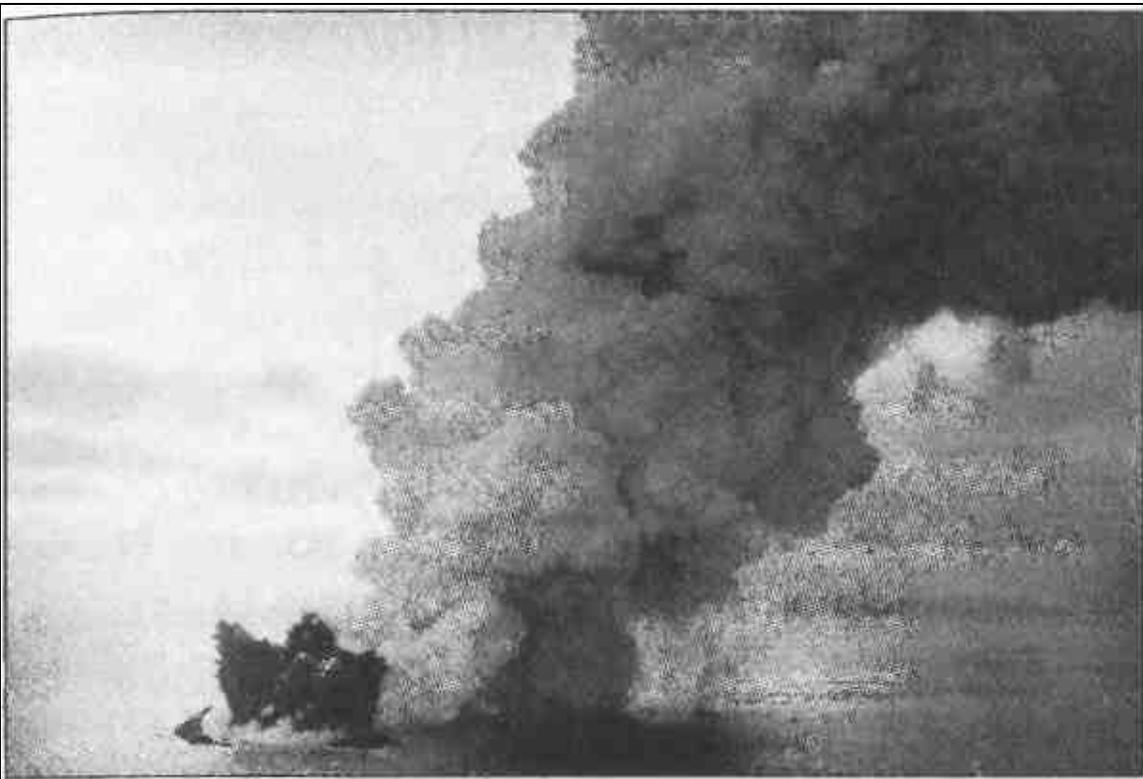
Приведем ряд фактов, характеризующих природные условия, в которых возникла и развивалась исландская культура.

Исландия, вопреки своему названию «ледяная страна», не является ледяной. Остров окружен петлей теплого течения Гольфстрим, смягчающего суровость климата, присущего этим высоким широтам; здесь, конечно, не тропики, однако температура на острове очень редко снижается ниже нуля, и лето может быть относительно мягким. Так что не стоит уподоблять этот остров соседствующей с ним Гренландии! Далее: жителей Исландии следует считать полноценными европейцами, скандинавами, и их культура — а она, в частности, является предметом этой книги — выдерживает сравнение с наиболее развитыми европейскими культурами. Исландия, в связи со спецификой ее истории и географической удаленностью от континента, долгое время оставалась довольно бедной страной, даже можно сказать, нищей, особенно во время так называемых темных веков ее истории (XV–XIX вв.). В настоящее время она располагает таким уровнем жизни и валовым национальным продуктом, которые ставят ее в один ряд с наиболее развитыми странами Запада, несмотря на очень небольшое число жителей (сегодня это около 320 000 человек), и только языковые проблемы в соединении с некоторыми

предубеждениями виноваты в том, что мы мало знаем эту страну, особенно в том, что касается ее современной литературы и искусства. И, наконец, никоим образом не следует путать **Исландию** с **Ирландией**, даже при том, что в Средние века между этими двумя странами существовали определенные отношения.

В геологическом отношении остров Исландия очень молод. Он возник в третичном периоде, имеет вулканическое происхождение и располагается на Срединном Атлантическом хребте. Формирование поверхности острова еще не закончено. В исторических анналах зафиксированы нередкие землетрясения, опускания различных участков поверхности и иные проявления вулканической активности. В частности, в исландских летописях упоминаются страшные вулканические извержения. По словам Андрэ Сарра-Бурнэ, «здесь нередки разломы, трещины, ортоскопические участки рек; рифты Рейкьянеса или Тингвеллира обнаруживают следы процессов сжатия и расширения земной коры». Недавние извержения, как, например, происшедшее на острове Хеймаэй из группы Вестманских островов (на юго-западе страны), свидетельствуют о непрерывной вулканической деятельности. Прежде считалось, что дорога в ад начинается от здешних вулканов Гекла и Катла; не стоит забывать и о том, что путешествие к центру Земли Жюль Верн начал описывать от исландского ледника Снэфилл. Вулканическая активность на острове никогда не прекращалась, хотя проявляется она в разных формах и нередко находит выражение в деятельности бесчисленных фумарол, извергающих различные соединения серы, и гейзеров, многие из которых функционирует постоянно. В среднем в Исландии одно извержение вулкана происходит приблизительно раз в пять лет. В частности, в результате одного необыкновенно красочного извержения в 1963 году к юго-западу от острова возник маленький островок Суртсей.

Бесконечное разнообразие пейзажей, изменяющихся от голых и мрачных скал до невероятно живописных мест, делает эту страну настоящим раем для фотографов. Самые невероятные потоки лавы, грандиозные, поросшие лишайниками провалы, маленькие круглые озера, базальтовые колонны, залежи пемзы, разнообразные кристаллы, угольно-черный обсидиан, переливающиеся купола риолита, бурлящие пузырями лужи грязи или «чертовы котелки», выделяющие запах тухлых яиц, теплые источники, высокие скалы, с которых спадают немислимые по своей красоте водопады, поражают воображение. Добавим к этому списку расположенные по берегам рек живописные зеленые низины, являющиеся хорошими пастбищами.

*Одно из обычных для Исландии извержений вулкана,
в результате которого возник островок Суртсей*

В то же время не следует забывать про широту, на которой расположена Исландия, — ее можно назвать страной ледников, которые покрывают 11 800 кв. км поверхности острова, то есть 11,5 % его общей площади. Здешние ледники, йокули по-исландски, не соответствуют нашему привычному представлению. Их ледяные шапки покрыты землей и обломками камней, что придает им грязноватый вид, в отличие, например, от белоснежных альпийских ледников. Площадь самого большого из них, Ватнайокуля, равна территории Корсики. Необычное соседство вулканов и ледников объясняет название, закрепившееся за этой страной, — «земля льда и огня».

Приведем несколько цифр.

Исландия располагается между 63°24' и 66°33' северной широты и между 13°30' и 24°32' западной долготы — можно сказать, посреди Атлантического океана. Через маленький остров Гримсей, находящийся близ северного побережья Исландии, проходит полярный круг: здесь в пору летнего солнцестояния (в июне) солнце вообще не заходит. Наоборот, во время зимнего солнцестояния (в декабре) северная часть Исландии погружается в полную темноту, в то время как в остальной части страны световой день — впрочем, очень сумрачный — продолжается пару-тройку часов. Отметим, однако, что «полярная ночь» переносится в конечном счете легче «полярного дня». Площадь Исландии составляет 103 000 кв. км, что делает ее вторым по величине островом Европы после Великобритании. Наибольшую длину остров имеет в направлении с запада на восток — 500 км, с севера на юг его протяженность составляет 300 км. Берега невероятно изрезаны заливами, бухтами, фиордами, полуостровами и мысами, так что в целом длина побережья весьма значительна. Ни одна точка острова не удалена от побережья более чем на 120 км. Исландия отстоит от Гренландии на 287 км, от Шотландии — на 798 км, от Норвегии — на 970 км, от Северной Америки — на 3000 км.

Рельеф местности здесь сильно пересеченный в силу того, что он создавался за счет выдавливания пород: почти повсюду высятся горы, вершины которых достигают высоты 2000 м. Горные пики окружены участками высокогорий, разделенных глубокими долинами. Равнины

занимают только 5–6 % общей площади страны. Крайнее разнообразие пейзажей является результатом бурной геологической истории острова. Стоит упомянуть фиорды (fjörðr, мн. ч. firðir), представляющие собой ледниковые долины, фьоллы — горы, частично сглаженные ледниками и усеянные озерами самых разных размеров, сандуры — покрытые черным песком равнины, каменистые пустыни, которые можно найти в центре острова, и лавовые поля (hraun), усеянные похожими на кротовины буграми, или туфурами (þúfur). В целом природа острова не слишком благоприятствует разнообразию флоры и фауны, и земли его, за исключением некоторых прибрежных районов, трудно назвать пригодными для проживания.

Лавовое поле

Исландия — страна преимущественно горная. Лишь 25 % ее территории располагается ниже отметки 200 метров над уровнем моря, и эрозия, прежде всего вызванная водой (дожди, снег, лед, мороз), безостановочно трудится над формированием ландшафта. Вода присутствует повсюду, в самых разных формах: в первую очередь это, разумеется, морская вода (море, окружающее остров, считается одним из наиболее суровых в мире). Это также вода в бесчисленных, самой разной величины озерах, в реках, образующих несколько наиболее красивых водопадов мира (например, Годифосс, Деттифосс, Гулфосс), в болотах, то и дело преграждающих тропы и дороги. Это и непрерывные дожди, в сочетании со шквальными порывами ветра, туманами и холодами. Но самым ужасным бедствием для Исландии является ветер: именно из-за него на острове такая скудная растительность. Деревьев на острове практически нет, несмотря на значительные усилия по восстановлению лесов (слово «восстановление» связано с тем, что, согласно легендам, Исландия во времена ее заселения была покрыта лесами). Из-за ветра здесь порой бывает трудно дышать, именно ему путешественники, приехавшие открыть для себя этот остров, обязаны всеми своими удачами и неудачами...

Впрочем, Исландию нельзя назвать и негостеприимной страной: не впадая в дифирамбы, которые расточали этой земле ее первые переселенцы, следует отметить, что этот островной край наделен удивительной красотой, и равного ему отыскать трудно. Однако жить здесь нелегко, неудивительно, что исландцам пришлось развить в себе любовь к порядку и при этом сохранить незаурядную целеустремленность, присущую викингам прежних лет!

Невзирая на отсутствие исторической традиции, возникшая в конце IX века Исландия смогла сразу же создать собственную, не похожую на другие государства общественную организацию и прожить в мире более трех веков, после чего положение страны ухудшилось, и в конце концов в ней воцарился хаос. Впоследствии страна подпала сначала под власть норвежской короны, а затем датской. Однако память о независимости средневековой Исландии остается увлекательной темой для исследований и размышлений.

Заселение

(Landnámstíð, 874–930)

В настоящее время считается, что Исландия оставалась неизвестной европейцам в античное время и в течение почти всего первого тысячелетия нашей эры. В последние годы укрепилось мнение, что этот остров не является тем Ультима Туле, который посетил известный в древности уроженец Массилии Пифей: скорее всего он побывал на Лофотенских или Фарерских островах. Археология, вопреки возникающим время от времени шумным дискуссиям, не обнаружила в Исландии никаких древностей, относящихся к временам более ранним, чем VIII век н. э. В конечном счете колонизация Исландии прекрасно вписывается в рамки походов викингов и достаточно точно соответствует второй фазе их активности: фазе заселения и колонизации.

Все свидетельства — в частности археологические, обнаруженные в течение двух последних десятилетий, — указывают на то, что этот остров до викингов был известен ирландцам. Он соответствует основам отшельнического жития в том виде, в котором оно практиковалось в Ирландии, требовавшем от монаха отдаться на волю волн и уплыть как можно дальше (наиболее известным примером таких плаваний является путешествие святого Брендана). Ирландский монах-географ Дикуил, около 825 года написавший труд *De Mensura Orbis Terrae* («Об измерении земного круга»), сообщает об острове, который он уподобляет Ультима Туле древних: «Даже в полночь солнце светит там достаточно ярко, чтобы можно разглядеть вшей на рубашке!» Подобные ему отшельники, или папары (papar — этимология этого слова достаточно прозрачна), вскоре, по-видимому, осели в Исландии, что следует не только из свидетельств Ари Торгильссона Мудрого (в *Книге об исландцах*) и из *Книги о взятии земли*, но и из современной исландской топонимики, в которой есть Рапеу (остров папаров), Рап/þ/ýli (жилище папаров), Рапóсс (устье папаров) и т. д. Рассказывают, что ступившие на остров первые скандинавы постарались прогнать этих отшельников, которые оставили после себя кресты и книги.

Таким образом, кельты-ирландцы были знакомы с этим островом. Неважно, что полноценное открытие и колонизация острова стали в итоге уделом скандинавов, а точнее норвежцев, к которым присоединилось некоторое количество датчан, шведов, а также фламандцев и англосаксов. О причинах этого переселения написано довольно много. Не будем останавливаться на утверждениях Снорри Стурлусона (XIII век) и его соперников, согласно которым это произошло с целью бегства от тирании короля Гаральда Харфагра (Прекрасноволосого), который собирался подчинить себе всю Норвегию, поправ права местных властителей, уходящие корнями в незапамятные времена. Это привело к исходу будущих исландцев: они погрузились на корабли вместе со своими женами, детьми и всем «движимым имуществом», как говорится в текстах, не оставив на родной земле ни одной головы скота; их

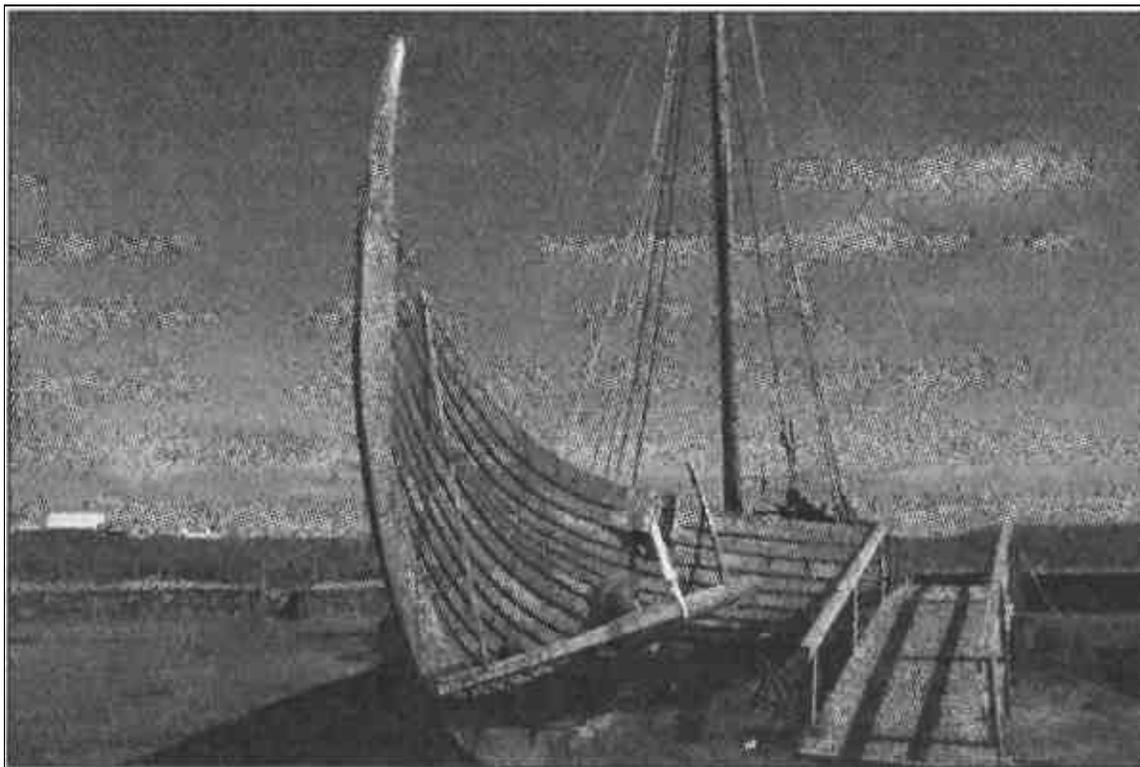
замечательные корабли, кнорры, скейя и лангскипы, были способны перевозить подобные грузы. Можно предположить, что переселение было также вызвано тягой к приключениям и перемене мест, жадной наживы и отличными мореходными качествами кораблей. Переход от Бергена до Рейкьявика в некотором роде представлял собой подвиг, так как для его успеха нужны были первоклассные кормчие и превосходные корабли. Однако заселение Исландии происходило, как мы уже говорили, в то время, когда викинги бороздили моря, отодвигая известные на тот момент границы ойкумены. В конечном счете необходимо сказать, что плавание до Исландии все же не идет ни в какое сравнение с переходом от мыса Норд в Мурманск и Архангельск через Баренцево и Белое моря: викинги совершали подобные плавания, этот факт полностью установлен и не вызывает споров!

*Харальд Прекрасноволосый
и его отец. Средневековая
миниатюра*

Мы располагаем важнейшим документом, *Книгой о заселении Исландии* (*Landnámabók Islands*) — оригинальным трудом, дошедшим до нашего времени в довольно большом количестве версий и повествующим как раз об интересующем нас событии. Из нее следует, что первым Исландию посетил норвежец Наддод, который назвал эту страну Снэланд — Страна снега. За ним последовал швед Кардар Сварарссон, окрестивший ее именем Гардарсхольм, и, наконец, другой норвежец, Флоки Вильгердарссон, дал этому острову имя Исландия — Страна льда, Ледяная страна. Ряд древних легенд сообщает, что Исландия прежде была обильно покрыта лесами, однако при внимательном прочтении это описание заметно напоминает библейское описание страны Ханаан; кроме того, ветер, хозяйничающий повсюду в Исландии, не благоприятствует росту высоких деревьев. Повторим, что климат острова не слишком холоден, и его название совершенно не соответствует положению дел: Исландия окружена теплым течением Гольфстрим, так что зимы здесь совсем не суровые. Впрочем, и лето не

назовешь знойным, однако же оно не является и холодным. Почва на острове не слишком плодородна, но тем не менее вполне подходит для разведения овец и крупного рогатого скота. Скот и рыба остаются на сегодня основным ресурсом продовольствия для населения острова. Конечно, известные неудобства способна причинить активная вулканическая деятельность, но в целом климат острова вполне приемлем для жизни, особенно в западной и южной частях острова.

Корабль викингов в одном из исландских музеев

В 874 году норвежец Ингольф Арнарсон и его сводный брат Лейф, прозванный Хьорлейфом, первыми обосновались на месте нынешнего Рейкьявика (Залива Дымов — собственно, не вулканических, а пара, поднимающегося над источниками теплой воды). Археологи обнаружили остатки жилища, которое могло служить этим первопоселенцам. Далее, с 874 по 930 год население колонии постоянно возрастало за счет новых переселенцев. 930 год считается датой окончательного установления местной административной и юридической системы, просуществовавшей более трех с половиной веков. К 1000 году численность населения вырастает с 25 000 человек до 30 000, а затем до 35 000 в 1100 году (согласно переписи, проведенной по приказу епископа Гизура Ислейфссона). Исландцы обживают все пригодные для жизни области острова, то есть главным образом его периметр, поскольку покрытая лавовыми полями и ледниками середина не пригодна для жизни даже в наши дни. Этим людям суждено было оставить свой яркий след в истории страны.

Следует сделать несколько важных замечаний. Приблизительно сорок семей (в широком смысле этого термина), прибывших на жительство в Исландию в период с 874 по 930 год, потратили на дорогу из Скандинавии отнюдь не несколько дней. Обыкновенно кормчие делали остановки, иногда довольно длительные, на островах северной части Атлантического океана (Оркнейских, Шетлендских, Гебридских и Фарерских), в Северной Шотландии, на острове Мэн, на севере Ирландии, где захватывали женщин и рабов (см. Рабы, глава 2) и в редких случаях брали попутчиков. В результате население Исландии представляет собой с точки зрения происхождения смесь представителей германских племен (главным образом, скандинавских) и кельтов. И те, и другие обладали развитой культурой, многовековыми традициями,

техническими навыками. Как известно, союз подобного рода всегда и везде дает весьма плодотворные результаты, и, возможно, в нем следует видеть первую из причин «исландского чуда», о котором мы упоминали вначале. Легко заметить сходство и следы взаимного влияния в общественной структуре, административной системе и, главным образом, в литературном творчестве.

Рыба до сих пор является существенной частью рациона населения Исландии

Колонизация острова происходила в темпе завоевания американского Дикого Запада (принимая во внимание все различия двух этих процессов), осуществлявшегося при тех же исходных данных: в нем участвовали молодые и предприимчивые люди, свободолюбивые и независимые. Как уже говорилось, они вели достаточно суровую жизнь, что нашло отражение в их обычаях.

Следует уточнить, кем были люди, севшие на суда, чтобы отплыть к неведомой земле. И сразу скажем, рискуя разочаровать приверженцев установившегося мнения (впрочем, являющегося заведомо ложным): независимая средневековая Исландия не являлась ни республикой, ни народной демократией. Далее мы еще вернемся к этому вопросу, а пока

удовольствуемся констатацией того факта, что люди, оседавшие на острове, начиная с конца IX века, не были заурядными обитателями Норвегии той поры. Это были *бонды* (boendr, мн. ч. bóndi) — термин, к которому следует относиться с величайшим вниманием. Мы намеренно не используем здесь слово «аристократия», которое могло бы отослать читателя к совершенно другой реальности, но совершенно ясно, что речь здесь идет не о среднем классе, и уж тем более не о тех, кого мы бы сейчас назвали пролетариями. Как ни странно, во всех текстах, которые служат нам источниками информации, упоминаются одни только бонды: простой народ там отсутствует, а понятие «раб» (broell) в средневековой Исландии также не соответствует нашим привычным представлениям. Не объясняется ли это тем, что мы имеем здесь дело с обществом, не имевшим себе подобия? И еще одно важное замечание: до 1262–1264 годов в Исландии никогда не было короля, а также ярла, херсира или иного правителя. Рискну повториться, но уже этот факт ставит исландское общество за пределы привычных представлений той эпохи.

То же, что мы отмечаем в отношении мужчин, следует сказать и о женщинах (см. *Женщина и ребенок*, глава 9): их жизнь также происходила в рамках принадлежности к определенному клану. И в том, что женщины занимали внутри этого необычного сообщества место, отличное от того, которое занимали их сестры в континентальной Европе, отнюдь не следует видеть победу феминизма: женщина в Исландии прежде всего являлась хозяйкой дома, чего нередко не понимают наши современные исследователи.

Как уже говорилось, в Исландии все необычно, все невероятно, все идет вразрез с нашим привычным пониманием истории. Обратимся к эпохе заселения страны, о которой повествует *Landnámabók* (*Книга о заселении Исландии*, составленная в XIII веке, то есть приблизительно спустя четыреста лет после самих событий). Эта книга напоминает современную телеэкскурсию, где гид знакомит остающихся в своих креслах зрителей с окрестностями, обращая внимание публики на особенно интересные объекты и объясняя различные подробности. Содержание *Книги о заселении Исландии*, известной нам в восьми различных редакциях, организовано очень просто: оно соответствует движению корабля вдоль побережья, начиная с крайней юго-западной оконечности острова, и объезду его по часовой стрелке. На всем этом пути делаются остановки (не исключено, что у этого текста, с точки зрения авторов, имелась юридическая ценность, так как в нем говорится о принадлежности определенных участков тем или иным лицам), называется имя первого поселенца этого места, рассказывается о прошлом его семьи, о причинах отъезда и выбора участка исландского побережья, обыкновенно продиктованного судьбой, богами или же обеими высшими инстанциями одновременно, а иногда — некими значительными событиями. Рассказывается о перенесенных им приключениях, потомках и т. д. Подобное повествование могло бы превратиться в унылое и сухое перечисление фактов и имен, однако талантливый рассказчик умеет вставить уместный анекдот, упомянуть тот или иной обычай, очертить контуры эпизода, который впоследствии станет сагой, процитировать подходящие строки из поэмы и т. д. Таким образом, мы получаем удивительно живую и яркую картину шестидесяти лет истории страны, содержащую множество самых разнообразных отступлений на темы, покрывающие весьма широкий диапазон областей общественной жизни, начиная от повседневного быта и кончая языческими верованиями.

Эпоха саг (söguöld, около 930–1030) и эпоха мира (friðaröld, около 1030–1120)

◆ Установление порядка

930 год. Образовавшееся всего полсотни лет назад маленькое сообщество вспомнило о

своём германском происхождении, ощутив потребность в справедливых законах, учреждениях и администрации. Согласно германским представлениям закон священен, существует даже миф, устанавливающий его ценность: миф о боге Тюре, согласившемся оставить правую руку в пасти олицетворяющего силы хаоса волка Фенрира, чтобы обеспечить сохранение миропорядка.

Волк Фенфир кусает Тюра.
Из средневекового манускрипта XVIII в.

Уместно будет вспомнить старинную исландскую поговорку: *með lögum skal land byggja en með ólögum eyða* — «При помощи законов создадим страну, а от беззакония она погибнет». Понимая это, первые поселенцы Исландии, не забывшие, что они в подавляющем большинстве происходят из Норвегии, решили послать в эту страну одного из своих сограждан по имени Ульвьют, известного своими юридическими познаниями. Он отправился на юго-запад Норвегии, где заучил основные своды законов, и вернулся обратно в Исландию, где создал собственный свод законов, названных его именем — Ульвьютслог (*Úlfjótsslög*). В дальнейшем мы еще поговорим на эту тему (см. Административные структуры, глава 2). Сейчас же следует упомянуть только тот факт, что эти законы сумели обеспечить надежное функционирование совершенно самобытного общества в течение более чем трех веков.

Около 965 года исландцы решают разделить страну на четыре «четверти», или фьордунги (*fjórðungar*, мн.ч. *fjórðungr*), каждую со своим собственным тингом (*þing*) и со своими полномочиями, которые мы назвали бы региональными. Некоторые специалисты предпочитают разделять историю независимой Исландии на четыре фазы:

- эпоха саг (930–1030),
- эпоха мира (1030–1120),
- эпоха письменности (1120–1220),
- эпоха Стурлунгов (1220–1262).

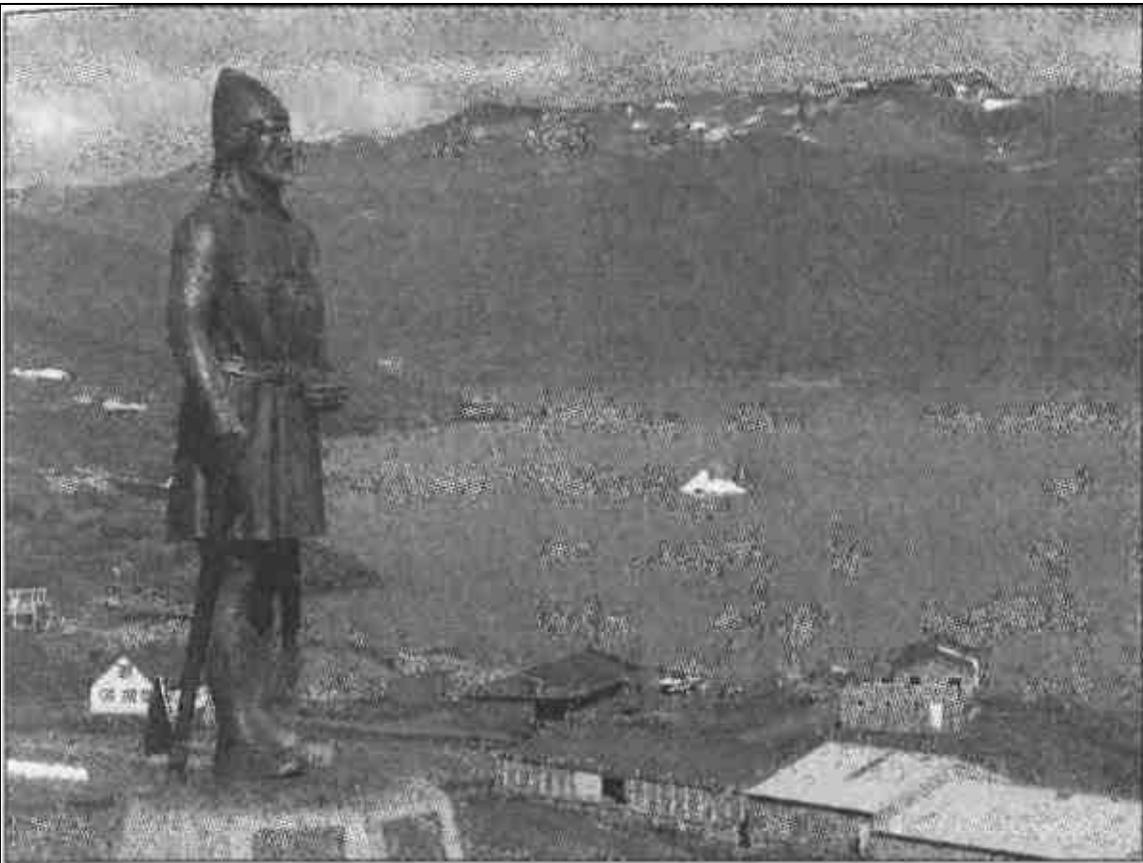
Мы не придерживаемся этого деления. На самом деле все это время Исландия

переживала период крайней стабильности, в течение которого, в результате официальной христианизации и ее последствий, страна пребывала в относительном покое или, точнее, в состоянии удивительного равновесия. Мы датируем этот период 930–1120 годами, выделяя из него 999 год, в который произошло главное, с нашей точки зрения, событие в истории страны. С 1120 года начинает проявляться новая тенденция, которая довольно быстро приведет страну к гибели, то есть к утрате ею независимости почти на семь веков.

Применительно к начальному периоду истории Исландии можно говорить об «эпохе саг», поскольку именно в это время предположительно происходили события великих саг и жили упоминающиеся в них герои, — как саг, повествующих главным образом об исландцах (*íslendingasögur*), так и миниатюрных саг, называющихся «пряжками», *þóettir* (мн. ч. *þáttr*). Мы еще покажем (см. Саги, глава 6), что саги нельзя рассматривать как подлинные исторические документы, но при этом большая часть действовавших в них персонажей и происходивших событий не всегда являются вымышленными. К тому же множество мелких подробностей, безусловно, соответствует суровой исландской действительности. Тексты саг позволяют нам представить достаточно реальную картину общества, действий его представителей и правил их поведения, конечно, при условии, что не следует слепо доверять нередко приукрашенным описаниям и принимать их за чистую монету.

◆ Открытие Гренландии (и Америки?)

Первым заметным событием, попавшим в местную хронику, было открытие Гренландии и ее заселение, так же как последовавшее за этим весьма вероятное открытие Северной Америки. Об этом событии очень много писали, и чаще всего весьма необдуманно — без должной сдержанности. Можно не сомневаться в одном: около 985 года знаменитому Эйрику Рыжему пришлось по ряду причин отправиться на запад и, основываясь на сведениях, полученных от его предшественников, высадиться в Гренландии (Зеленая страна), согласно текстам *Саги об Эйрике Рыжем*, а до этого *Саги о гренландцах*, и названной им так потому, что такое имя якобы могло вызвать у людей желание переселиться в эту страну (кажется странным, что Гренландия могла показаться «зеленой» своим первооткрывателям!). Однако предложенный сагой аргумент относится к числу совершенно фантастических: если рассуждать таким образом, Исландия (Страна льда) вообще не имела шансов привлечь к себе внимание переселенцев! Интересно, что в некоторых недавно обнаруженных документах упоминается «Страна Крона», то есть Хроноса или Сатурна, что может дать новое направление обсуждению этого вопроса!

Памятник Лейфу Эйрикссону в Гренландии

Но оставим до поры подробности в стороне. Точно известно — и археология это подтверждает — что приплывшие из Исландии люди основали свои поселения-колонии на крайнем юге Гренландии, в двух регионах, названных Вестербюгден (*Vestribyggð*, Западная область, то есть западная часть южной оконечности острова) и Эйстрибюгден (*Eystribyggð*, восточная часть той же части острова). Известно, что скандинавы поддерживали хорошие отношения с местными жителями-инуитами, и вполне вероятно, что число поселенцев достигло к концу XIII века шести тысяч душ. Эти «гренландцы» построили фермы и церкви, развалины которых сохранились до сих пор, организовывали рискованные экспедиции к западному побережью Северной Америки вплоть до Северных поселений (*Norðrsetr*). Чтобы завершить эту тему, следует сказать, что население Гренландии внезапно и полностью исчезло в XV веке: исследователи так и не смогли найти причин этого явления. Согласно недавним исследованиям, это могло произойти не только вследствие каких-либо природных катаклизмов, эпидемий или голода, — этих людей могли «депортировать» португальцы на побережье Канады, в область, которую они окрестили Лабрадором.

Однако мы несколько удалились от темы. Как бы то ни было, именно гренландцы скорее всего стали первооткрывателями Северной Америки. Об этом очень много писали, особенно во Франции — Бог знает почему, поскольку мы крайне плохо информированы в подобных вопросах. Мы слишком поспешно прочитали и приняли за чистую монету две исландские саги — *Сагу об Эйрике Рыжеми Сагу о гренландцах*, которые, как это легко показать, являются чисто литературными произведениями, и к историческим источникам их можно отнести лишь в самой незначительной степени. Весьма вероятно, что один из сыновей Эйрика Рыжего, Лейф, прозванный Счастливым, примерно в 1000 году отплыл в направлении вест-зюйд-вест, следуя авантюрному духу своих предков и будучи столь же великолепным мореходом, как и они. Весьма правдоподобно и то, что, открыв несколько новых, покрытых растительностью земель (Хеллуланд, Маркланд), он высадился в месте, получившем название Винланд, что вовсе не

обязательно означает «Страна Винограда»: скорее, его следует переводить как «Страна Лугов». Все остальные подробности — и я на этом настаиваю — являются полностью вымышленными, даже при том, что наделенные богатой фантазией услужливые картографы разных времен смогли предложить фантастические и изобретательные схемы возможного расположения этой земли, названной ими *Promontorium Vinlandiae* («Мыс Винландии»). Впрочем, раскопки, проведенные норвежскими археологами Хельге и Анной Ингстад в 1960–1964 годах в Ланс-о-Медоуз, на острове Ньюфаундленд, обнаружили несомненное поселение древнескандинавского типа. Однако гиперкритически настроенные исследователи не спешат пользоваться этим доказательством: речь, по их мнению, может идти о временных постройках или стойбище, устроенном инуитами во время сезонной миграции по подсмотренному у скандинавов образцу. Действительно, обширные размеры открытого норвежцами поселения не только не соответствуют древнескандинавским текстам, но и неправдоподобны. Тем не менее необходимо отметить, что, хотя мы не располагаем еще абсолютно неопровержимым научным доказательством этого факта, прочие соображения — здравый смысл, знание региона и достоинств скандинавских мореходов — явно указывают на то, что открытие Америки скандинавами, безусловно, имело место. В конце концов, пройти по морю от южной оконечности Гренландии до Ньюфаундленда — дело намного менее сложное, чем переход от норвежского мыса Норд до местоположения современных Мурманска и Архангельска по Баренцеву или Белому морю — а этого достижения, не в пример более сложного, никто и не думает оспаривать у средневековых скандинавов. Эта тема очень подробно рассмотрена в длинном комментарии к «Сагам о Винланде» (см. сборник *Sagas Islandaises*. Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade, 1987; 4-е издание, 2000).

Музей в Ланс-о-Медоуз

Следует отметить, что это событие вписывается в период, называемый эпохой саг: его так называют потому, что, предположительно, большая часть знаменитых персонажей исландских саг (*íslendingasögur*) жила до 1030 года. Это, безусловно, очень интересная эпоха — период

расселения, открытий, основания нового государства, складывания новой нации. В дальнейшем мы проследим за формированием общественных учреждений и всевозможных социальных структур: два-три века спустя великие основатели престижных родов смогут опереться на эти достижения. Главная цель настоящей книги состоит в том, чтобы попытаться объяснить, насколько это возможно, феномен «исландского чуда»: в эпоху раннего Средневековья найдется немного других примеров сообществ, обосновавшихся на нетронутых землях и создавших там настоящую цивилизацию — со всеми атрибутами, что вытекают из этого понятия. Мы будем говорить о настоящем культе Истории, с заглавной буквы или без, историю, которую исландцы воспевали во всех своих произведениях: следует заметить, что эта история в основном писалась по памяти и передавалась из уст в уста.

Итак, к 1030 году, приблизительно в течение века, тридцать пять тысяч мужчин и женщин, живших в Исландии, образовали народ, населивший *terra nova et incognita* (землю новую и неизведанную), обнаруженную их предками. Теперь рассмотрим способ формирования и фиксации этого оригинального общества.

◆ Официальное принятие христианства

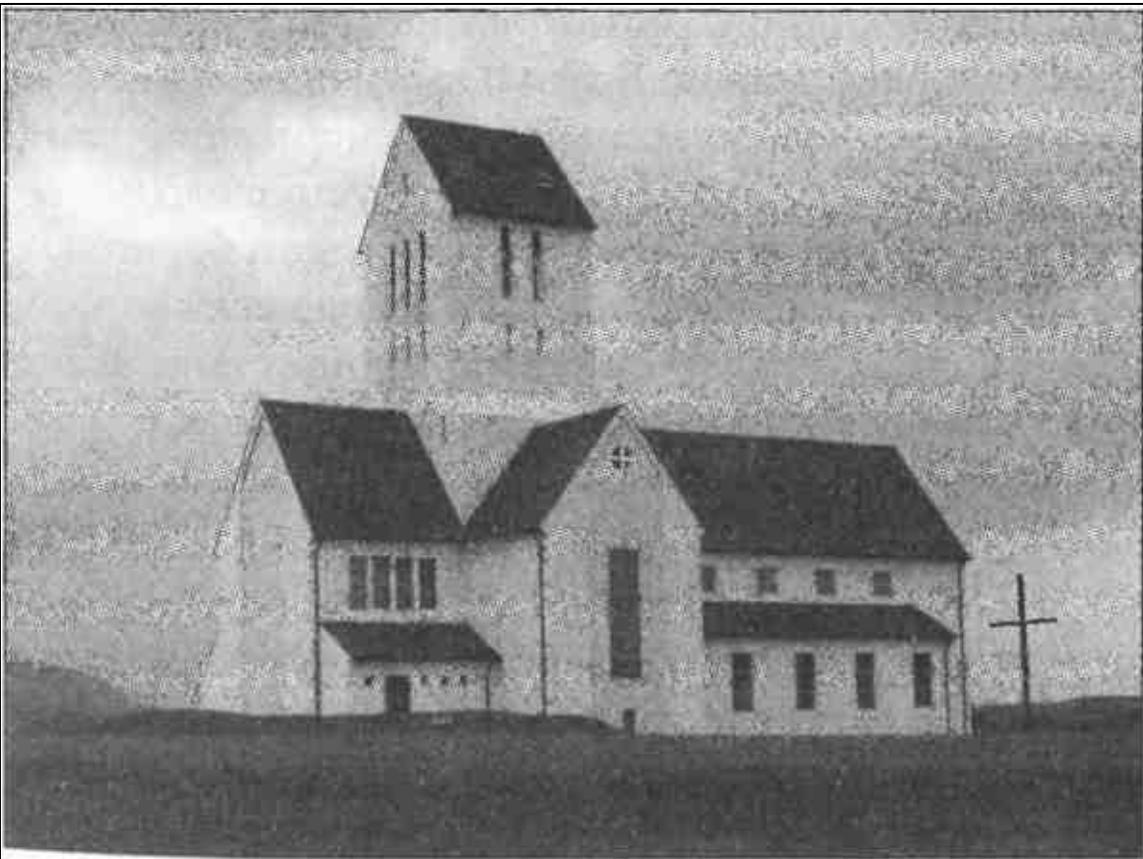
Следует сразу выделить 999 год, когда альтинг единогласно постановил, что вся Исландия должна принять христианство, поскольку, если исландцы хотят иметь один общий закон, они должны также иметь и единую веру. Об этом факте много писали, порой не слишком обдуманно. Далее (см. Мифология и боги, глава 5) мы подробнее рассмотрим языческие верования древних исландцев и их значение для поселенцев. С другой стороны, следует считаться с возможностью того, что некоторые из сообщений, оставленные самими исландцами о своем крещении, могут являться преувеличенными и основанными на образцах, взятых из агиографической литературы, получившей в то время огромную популярность как в средневековой Исландии, так и во многих других странах Запада. Следует кратко упомянуть походы викингов — явление, исторически присущее периоду между 800 и 1050 годами, однако зародившееся намного раньше. Главнейшей принадлежностью их являлись замечательные корабли северян — кнорры (*knörr*), скейды (*skeið*) или лангскипы (*langskip*) — а также удобные для набегов драккары. С самого начала своего существования — то есть, по всей видимости, с VI века, — викинги были прежде всего торговцами, которых исторические обстоятельства (слабость Каролингской империи, рост арабского влияния в Средиземноморье) побудили отдаться приключениям, стать хищниками там, где это было возможно и когда ситуация позволяла. Но в любом случае в первую очередь они заботились о продаже своего янтаря, кож, мехов, вадмели (грубая шерстяная ткань) и т. д. Их вероятные партнеры были преимущественно христианами. Это означает, что викинги находились в устойчивых отношениях с христианским миром и были более или менее хорошо знакомы с его верой. Иными словами, «крещение» 999 года, скорее, стало актом официального принятия этой религии, чем сменой *siðr* (этим словом называли религию, привычную практику, обычай). Поэтому общий энтузиазм, о котором рассказывает нам наряду с другими текстами *Kristni Saga*, или Сага о крещении, составленная спустя два с половиной века после описываемых событий, должен восприниматься с некоторой долей скептицизма. В 999 году Исландия произвела то, что мы назвали бы сегодня необходимой модернизацией, отлично сознавая подвигнувшие ее на это причины. Впрочем, история не донесла до нас никаких следов религиозных раздоров на острове — ничего, что указывало бы на оппозицию новой вере.

◆ Ни короля, ни князя

Есть еще один вопрос, на который, как ни странно, почти никогда не обращали внимания специалисты: как могло случиться, чтобы этот остров никогда не хотел иметь никакой исполнительной власти в лице короля, ярла или какого-нибудь другого облеченного властью лица? Если говорить об особой оригинальности этой страны, то ее прежде всего следует искать именно в этом факте. Впрочем, современники-неисландцы не упустили возможности отметить эту своеобразность. Тем не менее поразительно, что за три с небольшим века в этой стране так и не сформировалось никакого аппарата принуждения — в виде короля, армии, полиции, светской власти! Каждый раз, когда будет появляться претендент на абсолютную власть, его претензии будут заканчиваться смертью, и подлинная причина окончательной утраты независимости Исландией заключается в несогласии или в неспособности исландцев принять власть, способную закрепить свое господство над островом.

◆ Распространение христианства

Теперь обратимся к христианизации страны. Людям, сомневающимся в реальности и значимости этого явления, небезынтересно будет узнать, насколько глубоко христианство закрепилось в Исландии. За несколько десятилетий весь остров покрылся церквями и монастырями, которые нас интересуют в первую очередь, так как именно из их скрипториев выйдут все великие произведения исландской литературы. Церковное управление было разделено на два епископства, одно на юге, в Скалахольте (1056 год; ныне Скаульхольт), а другое — на севере, в Хоуларе (1106 год). Исландия дала миру трех собственных святых (согласно обычаям той эпохи канонизированных местными инстанциями, решение которых так и осталось не утвержденным Римом): это епископ Торлак Торхальссон, горячий последователь григорианской реформы, активно боровшийся, например, против вступления священников в брак (по этой части у него самого были серьезные проблемы: его собственная сестра стала сожительницей самого влиятельного человека страны, Иона Лофтссона, ставшего воспитателем Снорри Стурлусона, и от их союза родился племянник и преемник епископа Торлака, епископ Палль Йонссон, ставший одним из наиболее значительных прелатов страны); епископ Йон Огмундарсон, великий поборник распространения письменности и образования, и неугомонный епископ Гудмунд Арассон, горячий поборник францисканской духовности. В дальнейшем можно будет обратить внимание на увеличение роли классической и церковной литературы в жизни страны, к которому привело подобное положение дел: пока же мы хотели бы только подчеркнуть решительность перехода всей страны в новую веру, не свойственную процессам обращения в христианство других стран и народов.

Современная церковь в Скалахолте

◆ Годары и годордсмены (*goðar* и *goðorasmenn*)

Важно отметить, что обращение в христианство привело к созданию совершенно оригинальной — полуполитической, полурелигиозной — общественной системы. Древний Север располагал неким вариантом религии (см. Религия, глава 5), которую не следует подравнивать под «средиземноморские» практики; религии, не имевшей строгих догм, а возможно, и храмов, и обходившейся без сословия священников, получающих сан лишь после официального посвящения. На Севере жреческое или священническое сословие составляли *годары*, функции которых в полной мере неясны и о которых мы не знаем почти ничего достоверного.

Похоже, что древнегерманская северная языческая «религия» представляла собой скорее ритуальную практику, и ее сопровождавшиеся определенными действиями обряды производились в ключевые дни года (дни равноденствия и главным образом солнцестояния, особенно зимнего, называвшегося Йоль (*Jól*), а также во время значительных событий в жизни семьи (рождение, брак, похороны). Исполнителем подобных обрядов был глава клана или семьи, называвшийся *годи* (*goði*). Его власть была одновременно духовной и светской, так как предполагалось, что он отвечает за выполнение главных обрядов, требовавших финансовых вложений со стороны участников, подразумевавшихся при совершении *blót*, кровавых жертвоприношений. Нам известно, что в языческой Исландии существовали годары, наделенные огромными полномочиями и соответственно, имевшие колоссальный авторитет. Очень важен тот факт, что, когда страна стала христианской, годары, а затем и их сыновья стали священниками и ответственными за церкви, число которых, как мы уже говорили, умножалось с поразительной скоростью. Таким образом возникла действительно оригинальная Церковь — *годакиркья* (*goðakirkja*), или Церковь годаров (*goðar*). Очень важно не забывать, что именно

годары обеспечивали существование и функционирование церкви. Таким образом, мы имеем превосходный пример если не синкретизма, то слияния двух разновидностей религиозной идеи. После принятия закона о десятине в 1096 году эта институция станет определяющим фактором: довольно значительная доля этого налога возвращалась в Церковь и к своему владельцу. Совмещающий обе прерогативы *годи*, таким образом, становился получателем большой доли десятины, что его значительно обогатило. Можно сказать, что этот факт обусловил развитие материального благосостояния, о чем мы будем говорить позднее.

Но прежде чем обратиться к подробностям этого важного вопроса, попробуем несколько развить тему. Похоже, что с самого начала годары обладали властью, — отчасти духовной, отчасти светской, конкретизированной понятием *годорд* (*godorð*), которому трудно дать точное определение. Речь идет о прерогативах, одновременно политических и географических, некоторых (а может быть, и всех) годаров. Изначально их насчитывалось тридцать шесть, к 965 году их число увеличилось до тридцати девяти, их называли *готордсменами* (*godorðsmenn*). Предположительно, их владения были наследственными, и власть разделялась согласно географическому принципу, распространяясь на любого, кто хотел обитать в их владениях в качестве тингмана, *þingmaðr* (мн. ч. *þingmenn*, то есть лиц, подчиняющихся тингу — учреждению, о котором мы будем говорить ниже, — см. Административные структуры, глава 2) вместе с *godorðsmaðr*, которых они свободно выбирали, обязуясь помогать своему главе во всех начинаниях, получая право пользоваться духовной, юридической, политической и экономической поддержкой указанного *godorðsmaðr*. При необходимости *þingmaðr* выплачивали ему нечто вроде налога, или *þingfararkaup*, который мог включать в себя *hoftollr* (спорный термин, толкуемый как храмовая десятина), возможно, также существовавший с древних времен. Чем большим числом сторонников располагал *godorðsmaðr*, тем большим становилось его влияние. Как уже указывалось, подобный баланс сил просуществовал больше века, но затем положение дел стало быстро меняться, и, наконец, наступил день, когда вся власть сосредоточилась в руках пяти властителей, стремившихся к утверждению своего положения на острове. Наступила эпоха Стурлунгов, к которой мы сейчас перейдем.

Эпоха Стурлунгов и утрата независимости (1120–1264)

◆ Сага о Стурлунгах

Изменение ситуации, о которой мы уже говорили, нарушило баланс сил между богатыми семьями, с самого начала олицетворявшими историю Исландии. Все меняется с течением времени, и к 1120 году на исторической арене появляются выскочки, то есть люди, лишенные уходящей в глубь времен родословной, не признающие традиций, готовые совершить невозможное, чтобы достичь высокого положения и стать первыми, таким образом разрушая создавшееся за два столетия фактическое положение дел. Основная часть длинного текста *Saǰu o Sturlungum* (*Sturlunga Saga*), представляющей нечто вроде учебника по политологии, а также *Islendinga saga*, или *Saǰu ob islanǰum*, вышедшая из-под пера Стурлы Тордарсона (племянника Снорри Стурлусона, которого не следует путать с его дедом, носившим то же самое имя), содержит подробную хронику событий. В ней рассказывается о жизни наиболее знаменитого из этих разбогатевших выскочек — Хвамм-Стурлы Тордарсона и его потомков. Название Хвамм носил родной для него уголок Исландии. Стурла был талантливым разночинцем, вознамерившимся пробиться в первые ряды общества, вопреки старинным обычаям и укоренившимся нормам. Цели этой он добивался при помощи жестокости, насилия,

несправедливостей, различного рода беспорядков, о которых со скорбью упоминается в *Саге о Стурлунгах*. Жестокие и буйные стычки, участия в которых Церковь старательно избегала, объяснялись простой причиной: среди двух десятков наиболее важных семейств, в конце IX века разделивших между собой власть над Исландией, началась беспощадная борьба, в которой каждый род пытался пробиться на первое место.

В это же самое время, как нередко бывает в подобные периоды смут, парадоксальным образом вспыхивает, так сказать, подлинная культурная горячка. Исландцы начинают составлять свои своды законов (первый из них по времени, *Хафлидаскра*, или *Список Хафлиди*, по имени своего создателя, восходит к XII веку), появляются первые исторические книги, написанные Ари Торгильссоном Мудрым, *Книга об исландцах* и *Книга о заселении страны*, написанные по образцу латинских житий, завезенных на остров при посредстве монастырей. Первые саги были записаны одновременно с *Эддами* произведениями скальдов (см. Поэзия, глава 6).

Эта блестящая эпоха, которой мы обязаны лучшим из того, что нам известно о культуре средневековой Исландии, одновременно являлась временем разгула насилия и жестокости. Пытаясь найти мирное разрешение множеству споров, величайший из бондов острова, знаменитый Йон Лофтссон, потомок норвежского короля Магнуса Босоногого, попытался сдержать властного Хвамм-Стурлу Тордарсона, предложив, согласно обычаю *fóstr*, взять у него на воспитание к себе в Одди, являвшийся тогда чем-то вроде «культурного центра», его сына Снорри (Стурлусона). Проявив там свое литературное дарование, он стал одним из величайших писателей Средних веков на западе Европы. Однако усилия Йона не увенчались успехом.

◆ Конфликт между законами божественными и гражданскими

Сформировавшейся на острове крайне своеобразной Церкви бондов (*bóndakirkja*) был присущ следующий важный момент: владелец церковного здания, чаще всего являвшийся и служителем культа, получал значительные средства в качестве десятины и таким образом соединял духовную и светскую власть. В 1190 году, под давлением Рима, эта особенность была официально упразднена, и «законы Бога» (*guðslög*) оказались отделенными от «законов страны» (*landslög*), что привело сперва к незначительному укреплению власти вождей над прочим населением, приведшему тем не менее к ожесточенной внутренней борьбе за достижение максимальной личной власти. *Сага о Стурлунгах* является хроникой этих непрерывных усобиц, входивших в противоречие с законами и нередко сопровождавшихся проявлениями невероятной жестокости.

◆ Норвежская интервенция

В 1211 году норвежская Церковь впервые сочла для себя возможным вмешаться в исландские дела. Архиепископ Нидароса (сегодня Тронхейм) призвал к себе исландских вождей, чтобы попытаться утихомирить их.

С этой поры медленно, но неумолимо начинается искусное, постоянно возрастающее вмешательство во внутренние дела Исландии, с большим мастерством осуществленное норвежским королем Хаконом Хаконарсоном (1217–1263). Этот умный и честолюбивый монарх страстно желал покорить остров. Сколь ни удивительным это может показаться нам сегодня, Исландия в те времена считалась достаточно богатым краем: рыбная ловля и разведение овец обеспечивали острову относительно высокий уровень благосостояния. Не следует забывать о

том, что в ту пору строго соблюдались церковные ограничения на употребление мяса (длительные и еженедельные посты), так что рыба оказывалась ценным товаром; с другой стороны, шерсть и изготавливавшееся из нее сукно делали выгодным разведение исландских мериносовых овец. До той поры норвежцы неоднократно предпринимали попытки захвата Исландии, пока остававшиеся безрезультатными. Теперь же (около 1250 года) время пришло. С помощью своего тестя, ярла Скули, и, вполне вероятно, при большем или меньшем участии Снорри Стурлусона, король все в большей и большей степени укрепляет свои позиции на острове, вербует сторонников среди представителей богатых и влиятельных семей, разжигает внутренние раздоры, достигшие кульминации во время сражения при Орлюгстадире (*Örlyggsstaðir*) в 1238 году, в котором участвовало около двух тысяч человек. По-видимому, король Хакон сделал Снорри «секретным ярлом», однако последний отдавал себе отчет о возможном развитии событий, и на требование переехать на жительство в Норвегию ответил знаменитыми словами: «Я хочу жить в Исландии», после чего привел в исполнение свое решение. Однако 23 сентября 1241 года Снорри по повелению короля был убит у себя в Исландии, в подвале собственного дома — усадьбы Рейкьяхолт. На этом борьба закончилась. После десятилетий боев, ужасных пожаров, пыток большинство глав исландских родов отправились в Норвегию, чтобы отдаться под власть Хакона, которому больше никогда не пришлось повторять свой приказ дважды!

◆ Старый договор (*Gamli Sattmali*)

Так пришел конец независимости острова. В 1247 году норвежский епископ Хейнрек Карссон впервые обосновался в Холаре. Хакон Хаконарсон постепенно принял присягу всех глав исландских родов, которые обязались соблюдать верность королю и платить ему дань. Глава рода Хаукделиров, одной из богатых семей, соперничавших с буйным кланом Стурлунгов, Гизур Торвальдссон, был провозглашен ярлом всей Исландии. В его обязанности входило представлять там интересы короля. В 1264 году между странами был подписан так называемый Старый договор (*Gamli Sáttmáli*), в котором было сказано, что в случае необходимости король Норвегии придет на помощь Исландии и предоставит ей корабли (на острове не было своего леса, что исключало всякое судостроение) и продовольствие, в котором она будет нуждаться. Исландия сохраняла свою самостоятельность и свой альтинг. Но эти соглашения почти не соблюдались. Начался период истории Исландии, который получит название «долгой ночи» — период мучительной нищеты, усугубленной всевозможными природными катастрофами: эпидемиями, в частности Великой Чумой, или Черной Смертью, которая свирепствовала на острове начиная с 1402 года, голодом, землетрясениями и вулканическими извержениями (в основном вулкана Гекла), из которого страна сумеет выйти лишь в XIX веке. А вернуть себе былую независимость Исландии удастся только в 1944 году!

◆ От норвежского ярма к датскому

Когда в 1380 году Норвегия в свою очередь попала под датское ярмо, Исландия последовала за ней, но господство Дании оказалось ничем не лучше норвежского. Не впадая в крайности и не прибегая к одной только черной краске, как это сделал в 1943 году лауреат Нобелевской премии Халлдор Лакснесс в своем знаменитом романе «Исландский колокол», и не увеличивая сверх меры вину датчан, все-таки можно задаться вопросом: как же сумела выжить Исландия, практически уничтоженная за столько веков? Тем не менее страна уцелела — не забывая

родной язык, язык несравненных шедевров XII–XIV веков, который она сохранила в настолько неизменном виде, что разница между современным разговорным исландским языком и письменным языком Средневековья весьма незначительна. И сейчас, бережно храня память о своем блестящем прошлом, Исландия с удивительным мужеством и стойкостью поддерживает свою оригинальность.

Таким образом, можно говорить об «исландском чуде» не только в области литературы. Исключительная, необычная во всех отношениях маленькая страна заслужила право выйти из тени нашего незнания, хотя бы по чисто историческим и общечеловеческим причинам. Очевидно и то, что мы ограничиваем продолжительность исландского Средневековья периодом между 874 годом и серединой XIV века.

Основная хронология

Около 870 года: Исландия открыта несколькими викингами, одним из которых был норвежец Флоки Вильгельдарссон. Однако остров был известен и ранее, в первую очередь ирландским монахам: географ Дикуил писал о нем в своей «*Mensura Orbis Terrae*» (825) как о стране, где в полночь так светло, что можно разглядеть вшей на рубашке! На острове вполне могли обосноваться ирландские отшельники. Скандинавские поселенцы называли их папарами (*papar*).

С 874 года: постепенное прибытие первых поселенцев, пришедших вслед за Ингольвом Арнарсоном, высадившимся на месте современного Рейкьявика.

С 874 до 930 года: заселение острова. Четыре сотни семейств, главным образом выходцев из Норвегии, увеличивших свою численность за счет «рабов» или ирландских жен и наложниц, а также англосаксов, обживают различные участки острова. Результаты этого процесса описаны в *Книге о заселении страны (Landnámabók)*. Эти люди и их прямые потомки создадут впоследствии великие исландские саги.

930 год: Созыв первого альтинга согласно законодательным положениям, привезенным Ульвльотом из Норвегии. Бонды собирались раз в год, во второй половине июня, чтобы совместно обсудить вопросы юридического, законодательного и экономического порядка, хотя и не имели никакой исполнительной власти. Избрание Храфна Хенгссона первым главой альтинга — законоговорителем (*lögsögumaðr*).

965: Альтинг решает разделить Исландию на четверти, или *фьордунгу (fjórðungar)*, ориентированные согласно четырем сторонам света.

985: Эйрик Рыжий, отправленный в изгнание, открывает Гренландию, где основывает колонию.

999: Альтинг единогласно принимает решение об официальном принятии Исландией христианства, опираясь в качестве аргумента на то, что для сохранения мира единой стране нужна единая вера и единый закон.

999 — начало XII века: эпоха мира (*fríðaröld!*). В стране устанавливается равновесие, которое поддерживается тем фактом, что годары принимают на себя одновременно светскую и духовную власть. Хрупкое равновесие между интересами богатых родов сохраняет мир. В этот период происходят события, легшие в основы составленных впоследствии саг. Записываются сказания «Эдд», не говоря уже о множестве других текстов, особенно юридических.

Около 1000 года: открытие Лейфом Счастливым, сыном Эйрика Рыжего, побережья Северной Америки — Ньюфаундленда или Лабрадора (Хеллуланд, Маркланд, Винланд и т. п.).

1056: Основание на юге острова епископства в Скалахольте. Рукоположение в Бремене Ислейфа Гизуарссона, первого епископа Исландии.

1096: Принятие закона о десятине, делающего годаров влиятельными и богатыми людьми.

1106: Основание епископства в Холаре на северо-западе острова. Йон Огмундарсон, первый епископ Хоулара, будет впоследствии объявлен местным святым. С начала XII века и до 1264 года продолжается так называемая эпоха Стурлунгов — потомков Хвамм-Стурлы Тордарсона, весьма деятельного выскочки, попытавшегося захватить власть в стране, примеру которого последовали его потомки, — время насилия, жестокости и беспорядков, раздоров между примерно двадцатью богатыми родами, оспаривавшими первенство в стране. Церковь также будет пытаться захватить власть. Эпоха Стурлунгов начинается в 1117 году со знаменитой ссоры, разразившейся между главами двух крупных кланов — Торгльсом и Хафлиди. Последний из них записал законы страны, названные *Хафлидаскра* (Список Хафлиди).

1159: Первая большая стычка между Хвамм-Стурлой Тордарсоном и одним из влиятельных вождей страны.

1178: Торлак Торхальсон, епископ Скалахольта, горячий последователь григорианской реформы, восстанавливал церковные нормы со всей строгостью, особенно в отношении безбрачия священников (совершенно не соблюдавшегося) и конфликтов между Церковью и «государством». Канонизирован в качестве местночтимого святого.

1181: В попытке урегулирования конфликта между Хвамм-Стурлой и его врагами влиятельный вождь одного из исландских кланов и потомок норвежских королей, Йон Лофтссон, берет у него на воспитание сына Снорри в расположенный в центре страны Одди. Снорри много выиграл от этого, поскольку именно там проявился его литературный талант, сделавший его одним из величайших писателей западного Средневековья.

1211: Норвежская Церковь в первый раз вмешивается в исландские дела: архиепископ Торир из Нидароса (Тронхейм) созывает исландских вождей.

1220: Король Норвегии Хакон Хаконарсон и его тесть, ярл Скули, привозят Снорри Стурлусона в Норвегию и дают ему звание *lendr maðr* (барона), стремясь сделать его своим агентом в Исландии.

1238: Сражение при Орлюгстадире, наиболее кровавое в истории Исландии. Снорри Стурлусон снова отправляется в Норвегию. Похоже, что король Хакон сделал его своим «секретным ярлом», обязав его привести Исландию под свою корону. Снорри тайно отказывается и возвращается в Исландию, не получив разрешения у короля.

23 сентября 1241 года: Король Хакон не прощает Снорри Стурлусону непослушания и приказывает пятерым зятьям Снорри убить его в подвале собственного дома.

1246: После десятилетий междоусобиц и сражений большинство глав исландских родов отправляются в Норвегию, чтобы присягнуть на верность норвежскому королю Хакону.

1247: норвежский епископ, Хейнрек Карссон, впервые обосновался в Холаре.

С 1262 по 1264: король Хакон Хаконарсон по очереди принимает присягу на верность у всех вождей исландских родов. Гизур Торвальдссон становится ярлом всей Исландии. В его обязанности входило представлять на острове интересы короля. В 1264 году между странами был подписан так называемый Старый договор (*Gamli Sáttmáli*), предусматривавший военную и материальную помощь Исландии со стороны короля Норвегии. По условиям договора Исландия сохраняла свою автономию и свой альтинг, но в реальности эти соглашения практически не соблюдались.

1380: Норвегия переходит под власть Дании, Исландия следует за ней. Датское господство было довольно жестоким, но маленькая Исландия живет воспоминаниями о своем Средневековье и культом своего языка, который сохранит в неприкосновенности, что поможет стране защитить свою самобытность, несмотря на многочисленные изменения политической обстановки.

1402: начало Великой Чумы, или Черной Смерти. Вкупе с жестокими извержениями вулкана (особенно Геклы), землетрясениями, оползнями и другими бедствиями, чума почти уничтожила население острова.

II

Общество

Социум, образовавшийся в Исландии, не просто уникален и не имеет аналогов в остальной части Европы, но еще и обладает абсолютно своеобразным и даже удивительным лицом: в нем не было непреодолимого социального расслоения и феодализма, а женщине отводилось достойное место. Кроме того, к беднякам там относились с удивительным вниманием. С другой стороны, в этом увлеченном правом и законами обществе отсутствовала исполнительная власть, и его благополучие покоилось на хрупком равновесии между могущественными главами кланов.

Социальная структура

Оригинальной чертой исландского общества является отсутствие классов. Конечно, как и повсюду, определенный отпечаток на него оказала окружающая среда. Общественный слой свободных крестьян-рыболовов-землевладельцев, или бондов, держит в руках вожжи власти, однако он не является ни замкнутым, ни окончательно оформившимся. Но особенно оригинальной чертой Исландии является отсутствие королей и князей.

◆ Формирование слоя бондов

Тема эта является трудной по многим причинам, главная из которых состоит в том, что при обращении к истории средневековой Исландии необходимо заранее освободиться от привычных представлений. Вторая причина, как мы уже подчеркивали, состоит в самой природе местного населения, постепенно сформировавшегося на острове, начиная с конца IX века. Напомним, что первоначально заселявшие страну скандинавы, смешиваясь при этом с кельтами и даже англосаксами, с самого начала представляли собой, не будем говорить элиту — термин этот неточен и опошлен неуместным использованием, — но, бесспорно, отборную популяцию. Человек не покидает обжитое место ради великого приключения, если не имеет для этого, с одной стороны, железной воли, а с другой стороны, не готов к тому, чтобы жить какое-то время не только что в трудных, но даже в экстремальных условиях. Мы уже отмечали, что заселение острова происходило в темпе колонизации Дикого Запада — естественно, с сохранением должных пропорций.

Книга о заселении Исландии ясно говорит по этому поводу: *landnamsmenn*, или поселенцы, не принадлежали к *vulgumpecus* (простонародью); в большинстве своем они являлись достаточно значительными персонами, обладавшими внушительной родословной (о чем *Книга о заселении Исландии* повествует отчасти по юридическим соображениям, так и интереса ради) и определенной властью. Предки некоторых из них были королями, ярлами или *херсирами* (*hersar*, мн. ч. *hersir*) — то есть принадлежали к дворянскому сословию в нашем понимании этого слова, хотя европейские представления об аристократии никогда не были в ходу на Севере, как и сама феодальная аристократия. В этом отношении необходимо отказаться от привычных нам представлений.

Основой и подлинной ячейкой этого общества с самого момента его зарождения были бонды. Как показывает само название (слово *bóndi* образовано от *búa*: наделять землю плодородием, «жить»), бонд являлся крестьянином, свободным рыбаком, хозяином хутора,

пользующимся всеми правами и властью, связанными с этим состоянием. Например, он имел право заседать в тинге, где обладал правом голоса и правом требовать возмещения в случае оскорбления. Именно из их числа выделялись годары и годордсмены, о которых мы уже говорили (см. соответствующий раздел в главе 1), они играли важную роль в судах и в общине (*hreppar*); бонды всегда старались выгодно выдать замуж своих дочерей, увеличивая при этом собственное состояние и престиж своего клана. Бонды, бесспорно, представляли собой элиту страны; после христианизации Исландии именно они становятся священниками или епископами, владельцами церквей; именно они, согласно всем дошедшим до нас текстам, являются рабочим хребтом нации, которая, по самой своей природе, никогда не станет — и это следует настоятельно подчеркнуть, чтобы разрушить укрепившуюся в умах абсолютно неверную идею, — ни республикой, ни демократией. Часто приводившиеся модели, например греческие, являются совершенно ошибочными. Так что, избегая таких жаргонных определений, как плутократическая олигархия (или олигархическая плутократия), скажем лучше, что страной управляли те, кто владел недвижимостью.

◆ Годордсмены

Итак, власть в Исландии оказалась сосредоточенной в руках примерно сорока богатых и влиятельных в политическом плане семейств, державших в своих руках одновременно и все богатства страны. Власть осуществлялась в форме *годорда*, о которой мы уже рассказывали (см. Эпоха саг: *годари годордсмэнн*), хотя это понятие и остается неопределенным: *годорд* являлся наследственным и передавался соответствующим образом, хотя им могли обладать совместно несколько человек; его можно было продать, частично уступить, выкупить. Годорд мог принадлежать и женщинам, хотя подобные ситуации встречались достаточно редко. В его основу было положено географическое деление (*Bvellingagodorð*, *Reyknesingagodorð*, *Dalverjagodorði*, позднее, *Snorrungagodorð* — все эти термины указывают на место жительства членов рода, к которому принадлежит *годордсмадр*; Рейкьянес — название местности, Рейкнесингом именуется житель Рейкьянеса, хотя это не обязательно). И хотя закон о десятинах тщетно пытался уточнить, что это понятие олицетворяет собой «нажитое добро, а не власть» (*veldi er þat, eigi fé*), практика без труда доказывает, что такая формулировка являлась скорее теоретической.

◆ Общественные слои

Таким образом, в Исландии существовало отнюдь не бесклассовое общество — подобный термин может ввести в заблуждение. В этой стране присутствовали по крайней мере три общественных слоя, допускавшие взаимное проникновение, что подтверждается большим числом примеров. Необходимо, однако, отметить — и не из лишнего усердия — что «простонародье» просто не принималось во внимание в текстах законов и саг.

Долгое время в данном вопросе было принято, в отличие от настоящей книги, буквально воспринимать сведения, приведенные в одной из наиболее интересных поэм «Эдды» (приводившей в восторг, например, Жоржа Дюмезиля), так называемой *Ригстулы* (*Песни о Риге*). В ней повествуется о том, как бог Риг, неизвестный в других районах Севера и уподобленный Хеймдаллю (*Heimdallr*), божеству, в имени которого отражена идея фундаментальности — *dallr*, возможно понимаемая как «опора», — создал три «класса» общества (рабы, бонды и ярлы/короли), последовательно нанося визит Прабабке и Прадеду,

Деду и Бабке, а затем Отцу и Матери, которые, согласно законам гостеприимства, принимают его. Риг-Хеймдалль (*Rígr-Heimdallr*) каждый раз проводит по три ночи с хозяйками, рождающими детей, становящихся последовательно прародителями рабов, бондов и ярлов. За исключением отдельных моментов, где политика довлеет над наукой, исследования не позволяют подвергнуть сомнению сфабрикованный характер этого текста и главным образом его кельтские истоки: в ирландском языке *rígr* означает могущественный, король. Более того, идея этого сказания, как мы еще увидим, не соответствует скандинавской, и особенно исландской, реальности. Следует учитывать, что невозможно четко разграничить бонда и раба-трэла, потом мы уже знаем, что в независимой Исландии никогда не существовало ни ярлов, ни королей.

• Стурбонды

На вершине социальной лестницы в Исландии стояли бонды, о которых мы уже говорили. Бонды, занимавшие положение годордсманнов или, что одно и то же, обладавшие *tannaforráð* (властью магистрата), назывались *стурбондами* (*stórboendr*, сильные бонды). Им принадлежала административная власть, они составляли «правительство» страны, управляли важными делами, определяли судьбу общества. Именно о них прежде всего рассказывают нам все существующие источники. В так называемых сагах об исландцах (*íslendingasögur*), также с полным правом именующимися семейными сагами, рассказывается именно о семьях, или кланах, с особым вниманием к наиболее знаменитым представителям рода, при этом с обязательным упоминанием их потомков и предков. Таким образом, такие саги, как *Сага о людях из Лососьей Долины* или *Сага о людях из Озерной Долины*, действительно описывают жизнь рода на протяжении нескольких поколений.

Эти стурбонды (*stórboendr*) не страдали излишней скромностью и нередко прибегали к силе, чтобы навязать свою власть, но это было в порядке вещей. Тем не менее именно они с нуля создали совершенно оригинальное исландское общество, именно им мы обязаны созданием и расцветом культуры и цивилизации этого острова, плодами которой мы так восхищаемся. Большое значение они отводили праву, создав законы, соблюдать которые заставили всех. Естественно, они не были способны выйти за рамки своей семьи даже в широком смысле этого слова (следует понимать, что понятие *oetti* и *kyр* охватывает не только единокровных родственников и распространяется в некоторой степени во все стороны, по горизонтали и по вертикали, образуя то, что в европейском Средневековье называлось «сторонниками», друзьями, приверженцами, «собратьями по духу» и т. д.). Надо сказать, с современной точки зрения эти люди являлись «интеллектуалами», что отражает их умственный вклад в «исландское чудо». Этими фигурами, имеющими для истории Исландии первостепенное значение, невозможно пренебречь при любом раскладе.

• Малые бонды

Разумеется, население Исландии — в которой насчитывалось к концу XIII века около тридцати пяти тысяч человек, — не могло полностью состоять из одних только стурбондов. Ниже их находились простые бонды, которых в текстах называют *smáboendr*, «малые» бонды. Они составляли нижнюю прослойку исландского общества и, хотя права их не отличались радикально от прав стурбондов, то привилегии и главным образом условия жизни

обнаруживают весьма серьезные отличия: они, скорее, представляли собой мелких фермеров. Исторические источники, о которых впоследствии будет сказано более подробно (см. Экономика, глава 3), свидетельствуют о том, что эти малые бонды не были богаты, что не мешало им гордиться собой и ревниво относиться к соблюдению своих прав. Обычно они присоединялись к какому-либо *годордсмадру*, чтобы он защищал их интересы, поддерживал их в случае споров и защищал их права. Стоит повториться: речь здесь не идет о полном подчинении, прежде всего потому, что эта связь не являлась закрепленной, а также потому, что бонд всегда мог по своему желанию расторгнуть этот своеобразный контракт. Разумеется, что чем больше у *годордсмадра* было сторонников, тем большее могущество обретал он и, таким образом, получал возможность более убедительно защищать своих людей в альтинге, в результате чего подобные отношения разрывались не так уж легко. Однако в последние годы существования независимой Исландии использовались различные комбинации, при помощи которых *godordsmenn* привлекали на свою сторону сторонников глав других кланов.

• *Особые сословия*

«Обычные» и малые бонды образовывали костяк исландского общества. Возможно, внутри этих общественных групп существовала некоторая специализация. Выделялись как будто бы несколько профессий, однако сколько их было точно, сказать нельзя, поскольку бонд представлял собой тип человека, готового заниматься любым делом: решать государственные вопросы или толковать тексты законов, строить дома, ловить рыбу в море, украшать алтари церквей, чинить после зимы сани, слагать саги, добывать в болотах железную руду, выплавлять из нее железо и ковать его и т. д.

Однако некоторые из этих людей в полной мере посвящали себя определенной профессиональной деятельности. Существовали профессии врача (*loeknir*), юриста (*lagmaðr*), ремесленника (*smiðr*) и священника. О священстве мы поговорим в разделе, посвященном религии (см. Переход к христианству, глава 5), а сейчас обратимся к первым трем профессиям.

◆ **Врачи**

Врач не мог не занимать особого положения в суровом исландском обществе, где любое телесное повреждение подлежало очень точному техническому определению: различные виды повреждений или оскорблений действием следовало оценить должным образом для того, чтобы определить размер компенсации. С другой стороны, саги свидетельствуют о мастерстве исландских врачей: например, хирурги умели применять криотерапию. В качестве примера назовем Храфна Свейнбьярнасона, играющего весьма заметную роль в *Саге о Стурлунгах*, где ему посвящена отдельная глава, и признанному впоследствии святым. Из *Саги о союзниках* следует, что ее автор был просвещенным человеком и обладал достаточными знаниями по анатомии. Из текстов саг можно понять, что некоторые из исландских врачей учились в итальянском городе Салерно, или филиале Салернской академии — Монпелье. Важно отметить, что местные врачи не были знахарями или колдунами, как в других областях Европы, а обладали одновременно практическими и теоретическими навыками, полученными в Салерно, — то есть в результате далекого путешествия, чем можно только восхищаться.

◆ Законоведы

В отношении законоведов (*lagmaðr*) самое поверхностное знакомство с сагами свидетельствует о том, что любой из обладавших такой квалификацией бондов досконально знал действующие законы и при этом умел трактовать их, оспаривать, вести процесс, находить решающие условия и т. д. Возьмем, например, Торхаля, сына Эллита Гримсона, являющегося персонажем *Саги о Ньяле Сгоревшем*, ставшей в конечном счете чем-то вроде учебника по юриспруденции. В свое время (в начале XI века) он был одним из трех человек, лучше всего знавших исландские законы. Сага утверждает, что он умел развалить выигрышное для противников дело и выиграть дело, считавшееся провальным. Как мы уже говорили, закон имел сакральный характер: стремление специализироваться в этой области вызывало большое уважение. В конечном счете не случайно в Исландии было создано столько последовательных кодексов законов, которые были сведены воедино в конце XIII века в *Grágáasi Jónsbók*: человек, не знавший законов, не имел права на существование! Мы уже цитировали — правда с другой целью — знаменитую поговорку островитян: *með lögum skal land byggja en með ólögum eyða*. Стоит напомнить о том, что самым важным человеком исландского общества являлся *lögsögumaðr*, то есть законоговоритель, исполнявший функции председателя альтинга, который не мог осуществлять свои функции без безукоризненного знания этих текстов. Добавим, что он должен был уметь ответить на любой вопрос, касающийся юриспруденции.

В исландском языке существовал также термин *lögmaðr* (буквально «человек закона»), соответствовавшее нашему современному адвокату. Такой человек «был сведущ в законах», как уточняют некоторые тексты. И про Ньяля, героя саги, говорится, что «он был таким великим законоведом, что ему не было равных».

◆ Ремесленники

Теперь перейдем к персонажу, называемому термином *smiðr* (сравните с английским *smith* или немецким *Schmidt*). Этим термином называли ремесленника, занимающегося тем или иным техническим ремеслом, то есть кузнецов, плотников, столяров, каретников, литейщиков, шорников, кожевников, оружейников, золотых и серебряных дел мастеров, красильщиков и т. д. Скандинавы во все времена были, и остаются сейчас, первоклассными мастерами (и инженерами!), умевшими создавать высококачественные изделия. Они прекрасно работали — и работают — с любым видом материалов, доводя его обработку до совершенства, обладая прекрасным чувством функциональности и эстетики. Удачным примером этого является корабль викингов, соединяющий красоту и эффективность. Разумеется, не случайно волшебный кузнец, так же, как в других мифологиях — греческой (Гефест, Икар, Дедал) или латинской (Вулкан), — занимал в германской языческой религии особое место; Вёлунд или Виланд, персонаж одноименной песни «Старшей Эдды» — *Völundarkviða*) был возведен в ранг героя, почти такого же, как знаменитый Сигурд, убивший дракона Фафнира.

Сошлемся на *Сагу об Эгиле, сыне Грима Лысого*: в ней с большим уважением говорится о Гриме Лысом, который был очень одаренным кузнецом, металлургом, великим плотником и т. д. Показательно, что в *Песне о Риге*, входящей в состав «Старшей Эдды», слово *Smiðr* стало именем собственным, которым называли одного из сыновей свободного человека — бонда.

Ненадолго покинем Исландию, чтобы познакомиться с содержимым ящика, обнаруженного в могиле кузнеца, раскопанной археологами в Бигланде, Норвегия, и датированного интересующей нас эпохой. В этом ящике находилось четыре меча, четыре наконечника для

копий, семь топоров, два шишака для щитов, девять ножей, тринадцать наконечников стрел, четырнадцать погремушек (весьма распространенный предмет, вешавшийся на шею пасущемуся коню или корове), восемь гвоздей, два пинцета, молотки различной формы, маленькая наковальня, ножницы для стрижки овец, два напильника, разливательная ложка для расплавленного металла, изложница для серебра, железная плашка, кузнечные мехи и т. д. Конечно же, подобные инструменты использовались и в Исландии.

Кроме того, нам известно, что исландские мастера не ограничивались созданием одних бытовых предметов: сама организация общества и местное законодательство свидетельствуют о большом опыте ремесленников и об огромной потребности в произведениях искусства.

Не исключено, конечно, что могли существовать и другие профессии, а также то, что один и тот же человек мог одновременно являться врачом, юристом и ремесленником, но, как бы то ни было, расслоение общества уже имело место. Поэтому понятно, почему мы постарались уделить столько внимания бондам как таковым; едва овладев грамотой — скорее всего после официального принятия христианства — они произвели из своей среды *sagnamaðr*'ов и скальдов, и именно бондам мы обязаны шедеврами, свидетельствующими о величии средневековой культуры острова. Мы присоединяемся к мнению современного исландского ученого Германа Пальссона, который отмечает, что великолепные произведения, оставленные нам его далекими предками, явились следствием их духовного роста — как в героическом или эпическом плане, так и в самой повседневной и банальной реальности. Саги и родственные им тексты являются законченными произведениями, меру совершенства которых задали их авторы — обыкновенные бонды.

◆ «Рабы»

Обратимся теперь к более трудной проблеме — положению «рабов». Они обозначаются словом *proell* (мн. ч. *proelar*), и таковой термин фигурирует в текстах законов, сагах или в так называемых «прядах» (*þoettir*), коротких рассказах об исландцах. Разумеется, в независимой Исландии, по крайней мере до христианизации, существовала категория лиц, которые реально не считались «свободными», то есть не имели права предъявить иск в суде, а также получить компенсацию в случае оскорбления. Похоже также, что авторы некоторых саг (например, *Саги о Снорри*) считали своим долгом особым образом выделять эту категорию лиц. Однако именно литературное обращение к этой теме заставляет несколько усомниться в реальном существовании самого института рабства — по крайней мере, в традиционном его виде.

Давайте вспомним, что колонизация Исландии и начало ее истории прочно вписываются в рамки феномена викингов, имевшего место приблизительно с 800 по 1050 год (см. Викинги, глава 3). Следует добавить также, что скандинавские мореплаватели, которые носили это имя, главным образом являлись талантливыми торговцами, охотно превращавшимися при возможности в грабителей. Их главной и почти единственной целью, как показывают обнаруженные рунические надписи, было получение денег, «приобретение богатства» — естественно, всеми доступными средствами (то есть, разумеется, грабежом, а также путем наемничества, расселения в пригодных для этого местах и т. д.), но более всего предпочитали они торговлю, обмен, и в этом виде деятельности они эффективно упражнялись на протяжении нескольких веков, непрерывно совершенствуя ее методы. *Afla sér fjár* (*Приобрел богатство*) — обыкновенно говорят рунические надписи в отношении подвигов усопшего. Такие надписи представляют собой важные свидетельства, так как наряду с поэмами скальдов являются единственными историческими свидетельствами, дошедшими до нас от времен викингов, и собственно ими и созданными. Мы знаем, что викинги торговали балтийским янтарем, кожами

и мехами северных зверей, клыками моржей и другими ценными и редкими товарами и наживались на них.

Менее часто говорят о том, что во время своих набегов, или *strandhögg*, викинги захватывали мужчин и женщин (вполне возможно, являвшихся уроженцами других областей Севера) и превращали их в «рабов». Таких людей доставляли в Хедебю (Дания), откуда они отправлялись далее — в Константинополь, поскольку оба эти города в рассматриваемый период являлись крупными центрами работорговли. Ясно, что викинги старались получить хорошую цену за захваченных людей, однако «остатки товара», если можно так выразиться, они отвозили к себе, где пленникам навязывалось подчиненное положение. Таким образом, северные грабители являлись крупными рабовладельцами своего времени, и «рабы», несомненно, составляли наиболее важный из их «товаров».

Однако, обращаясь к этому вопросу, следует в первую очередь избавиться от шаблонов, которыми мы привыкли пользоваться благодаря чтению классической литературы. «Рабов» — не станем отрицать их существование — не обирали и не эксплуатировали без какой-либо оплаты, их не отождествляли с рабочим скотом, не могли безнаказанно убить или изуродовать: короче говоря, раб не был лишен человеческого достоинства. Поэтому он довольно легко мог вернуть себе свободу, либо выплатив фиксированную сумму, либо женившись на свободной женщине, либо оказав своему хозяину значительную услугу, заставляющую последнего в обязательном порядке освободить его.

Термин *broell* не слишком часто встречается в текстах; более часто в них можно столкнуться со словами *leysingi* (тот, которого сделали свободным) или *frjálsgjafi* (тот, которому дали свободу), которые можно понимать как означающие вольноотпущенника. Следует отметить, что подобные люди, если у них имелись достаточные способности для этого, быстро и беспрепятственно достигали состояния бонда, то есть в полной мере свободного человека. Предполагается, что, отправляясь в поход (*í víkingu*), бонд оставлял дома жену, которой рабы помогали в выполнении домашних работ. Однако так было не всегда (похоже, что в данном случае сказывается влияние житийной литературы). Невозможно не усомниться, особенно после прочтения, например, первых глав *Книги о заселении Исландии*, в том, что подобная дискриминация могла действительно существовать в столь удивительном, эгалитарном, или, по крайней мере, мало иерархизированном обществе.

◆ Бедняки и бродяги

Нельзя завершить эту тему, не сказав хотя бы несколько слов о бедняках и бродягах, являвшихся язвой на теле исландского общества, как, впрочем, и многих других западных стран того времени. Это особенно четко описано в *Саге о Стурлунгах* или в *Сагах о епископах*, составляющих нечто вроде литературного жанра, называемого сагами об исландцах. В дальнейшем мы рассмотрим вопрос о ресурсах Исландии: несмотря на то, что мы говорили о рыбной ловле и овцеводстве, не следует сомневаться в том, что страна эта все же была не слишком богата. С другой стороны, вышеприведенные определения производят впечатление довольно жестких и малоподходящих для людей, не имеющих постоянного места жительства и определенного места в обществе (их называли *einhleypingr*; то есть: «*тот, кто бежит совсем один*») или не относящихся к одной из трех описанных выше категорий. Однако нередко бывало так, что в результате неурожая или неудачи малые бонды лишались средств к существованию. Таким образом, не стоит удивляться частоте появления в сагах нищих и других бедняков; например, в *Саге о Ньялле Сгоревшем* нищенки играют определяющую роль.

Однако подобные ситуации предусматривались, и законодательство пыталось сгладить трудности, создав совершенно оригинальное для того времени учреждение — *hreppar* (мн. ч. *hreppir*), представляющее собой разновидность страховой кассы на случай любых бедствий, управляемой несколькими избираемыми и достаточно видными лицами (образовать *hreppar* могли двадцать бондов). В их обязанности входило оказывать помощь пострадавшим в случае пожаров, наводнений и ущерба любого рода. Исследователи так и не сумели пока определить истоки этого специфически местного учреждения (ничего подобного в других Скандинавских странах не существовало), и читатель — это еще не последний сюрприз — может оценить несомненную оригинальность этой островной культуры. В Исландии существовала также система помощи беднякам, которая сохранилась во всей Скандинавии вплоть до начала XX века. Сведения о нуждающихся, особенно детях, поступали в выделенную для этого группу людей, занимавшихся их проблемами в течение некоторого времени — вплоть до переселения пострадавшего в другое место. Лютеранство подхватит эту систему и будет систематически применять ее. Таким образом, фразу «дети прихода» следует понимать как «дети, порученные попечению прихода».

К категории бедняков — термин *fátoekr* буквально означает «тот, кто получает немного», — можно также отнести и малоимущих, живущих в определенном доме или в семье, однако не способных прокормиться самостоятельно, по причине старости, болезни или недуга. Эта категория также была очень многочисленна, и достаточно почитать семейные саги, чтобы понять, что такие люди представляли собой предмет одной из главных забот общества. Их называли *úmagi* — буквально, «тот, кто не может обеспечить себя», и в исландском языке даже имелось существительное *útegð* для описания людей такого рода. В текстах саг нередко упоминается обо всех лишних ртах, представляющих задачу для хозяйки дома, занимавшейся содержанием неимущих (*úmagahald*). Разумеется, *úmagi* также находился на попечении *hreppir*.

Итак, чтобы завершить эту тему, можно сказать, что в Исландии существовало устоявшееся, лишенное внутренних противоречий общество, каждый член которого исполнял точную и зафиксированную преданием роль. Мы уже отмечали, что в нем существовали и маргиналы, однако не стоит искать в этом обществе бунтовщиков и людей, по-настоящему неприспособленных к жизни (за исключением физически или умственно дефективных). Симпатичные нам черты викингов, само собой разумеется, относятся и к исландцам: люди эти жили в сообществе, которое ввиду жесткой необходимости склонялось к прагматизму и реализму. Они были людьми дела, уважающими поступки. То же самое можно с полным правом сказать о политической и административной системах.

Административные структуры

Властные институты Исландии прежде всего представлены коллективными органами, называемыми *тингами*, в которых все свободные мужчины имели право голоса и совместно принимали решения, имевшие общественную значимость в любой области. Закон и право олицетворяли единственную власть в этой стране, не имевшей органов исполнительной власти и аппарата принуждения.

◆ Тинг и альтинг

Прежде всего следует рассмотреть институт, который можно назвать и скандинавским, и общегерманским. Речь идет о тинге: этим словом называется сезонное собрание свободных

людей, которые собираются в заранее определенное время, чтобы рассматривать нерешенные проблемы, интересующие все сообщество, при необходимости заниматься законотворчеством, изменять или отменять действующие законы, и также обсуждать текущие вопросы. В эту ассамблею входили свободные люди, изначально имевшие право голоса. В ней решались вопросы любого порядка. Похоже, что главным образом там решались юридические вопросы, но не исключено, что эта ассамблея носила поначалу и законодательный характер. Поскольку право, закон считались в исландском обществе священными, существовал бог тинга, которым, без сомнения, был «основной» бог Тюр (имя которого означает просто «бог») (см. Мифология и боги, глава 5). В любом случае это учреждение имело священный характер, его следовало открывать и закрывать согласно точным ритуалам.

• Организация тингов

Поначалу в Исландии был один или несколько тингов. Скорее всего существовало по одному тингу в каждом территориальном или административном округе. По-видимому, основной принцип состоял в сборе воедино трижды в год свободных людей: весной (весенний тинг, или *вартинг*), имевший своей целью подготовку к следующему сбору, имевшему наибольшее значение для всей страны и проходившему во второй половине июня, в летнее солнцестояние. Этот второй тинг занимался законодательными вопросами (и представлял собой альтинг, организующий центр, что можно понять из любой саги), а третий тинг созывался осенью (*лейт*), когда окончательно утверждались решения, принятые в июне. В Исландии, оригинальной в этом отношении (как и во всем прочем), существовало двенадцать или тринадцать тингов, соответствовавших округам или, в редких случаях, четырем фьордунгам страны; несомненно, существовали также весенний и осенний тинги, но наиболее значительным учреждением был альтинг, приходившийся на вторую половину июня. Однако в таких собраниях мог участвовать только тот, кто оплатил *þingfararkaup*— нечто вроде специализированного налога.

• Главный из тингов: альтинг

Во всех исландских сагах любовно упоминается альтинг, с давних пор являвшийся в этой стране главным событием общественной жизни. В 930 году исландцы, осознавшие, как мы уже отмечали, что страна не может существовать без законов, послали в Норвегию, страну своих предков, человека по имени Ульвльот, «наполненного знаниями о законах»; он был обязан подробно изучить своды законов, употреблявшихся на юге Норвегии, откуда по большей части происходили исландцы. Ульвльот возвратился, заучив наизусть свод законов, пригодных для управления всей Исландией. Однако Ульвльот этим не ограничился: он начал поиск места, способного удобно вместить множество мужчин (женщины в расчет не принимались), которые занимались бы составлением законов для своей страны. Ульвльоту улыбнулась удача, и он сумел найти необычное место, получившее название Тингвеллир (*þingvellir*, буквально — поле для тинга), расположенное перед естественным базальтовым уступом, способным отражать звук, так что слова оратора, расположившегося лицом к этой стене (на возвышении, называемом *Lögberg*, или Горой закона), без труда могло услышать много людей.

Тингвеллир, место проведения альтинга

Согласно местности был устроен и альтинг: на естественных земляных ступеньках размещались тридцать шесть, а затем тридцать девять высокопоставленных лиц — годаров, каждого из которых сопровождали один-два советника. Этим «парламентом», называвшимся *Lögretta*, руководил человек, выполнявший роль английского спикера и называвшийся *логсёгумадром* (*lögsögumaðr*), или законоговорителем. Он выбирался на три года и в случае необходимости сменялся. Главная его функция состояла в том, чтобы трижды произносить текст закона, для того чтобы никто не мог отговориться его незнанием. Очевидно, что на эту должность выдвигались самые значительные люди страны — чаще всего упоминается Снорри Стурлусон, который неоднократно избирался законоговорителем. Приходившие или приезжавшие на две недели люди возводили на месте тинга «временные лагеря» (*búð*), над каменными основаниями устанавливая палатки из ткани. У каждого крупного вождя был свой *búð*, где проводились всевозможные сделки, обсуждались различные вопросы и т. д.

Памятник Снорри Стурлусону

Таким образом, на альтинге прежде всего занимались законотворческой деятельностью, то есть там изменялись существующие законы или при необходимости создавались новые. Напомним еще раз о совершенно исключительной особенности, которая отлично вписывается в общую необычность этой страны: в Исландии не было исполнительной власти — не было ни армии, ни полиции. Заинтересованное лицо должно было самостоятельно добиваться правосудия в случае победы в судебном процессе, и нетрудно понять, как далеко могли завести подобные отношения. Так, например, человек, выигравший процесс, должен был лично явиться к своему осужденному по закону противнику для взимания наложенного судом штрафа. Это называлось *féránsdómr* (или судебным разграблением имущества). Естественно, такие претензии не осуществлялись в одиночку, однако обе стороны не всегда оставались удовлетворенными, что порождало долгие ссоры, о которых повествуется в сагах.

И все это в отсутствие короля или другой высшей и абсолютной власти... Понимает ли читатель всю необычность этого сообщества? Совершенно ясно, что в стране должно было существовать нечто вроде основополагающего консенсуса между всеми свободными людьми, чтобы, с одной стороны, истец мог добиться правосудия, а с другой стороны, обвиняемый чувствовал себя обязанным повиноваться. Само собой разумеется, как мы уже говорили, такой консенсус не всегда достигался, однако можно утверждать, что в целом победа оставалась за законом.

Альтинг не только занимался законотворчеством, но и при необходимости выступал также в качестве суда: дела рассматривались по порядку, методами, которые также могут показаться совершенно невероятными современному человеку. Истец излагал свои претензии, приводил своих свидетелей и в случае необходимости предъявлял вещественные доказательства; обвиняемый имел все возможности для своей защиты. Существовали адвокаты обвинения и защиты; при этом следует упомянуть одну существенную и характерную для этой культуры подробность: как уже говорилось, закон в этой стране был священным понятием, так что оказаться виновным мог скорее не тот, кто был действительно виноватым, но тот, кто не был способен вести процедуру надлежащим образом, согласно букве закона. Пренебрежение ею почиталось признанием (хотя и косвенным) неспособности доказать свою правоту, а следовательно, свидетельством виновности. Оправдаться можно было принесением клятвы или вызовом своего противника на поединок. Приговор выносился должным образом аккредитованными судьями, действовавшими совместно в виде суда (*kviðr*), — учреждения, которое, похоже, действительно являлось германским изобретением, особенно если речь шла о «суде соседей» (*bùakviðr*) часто использовавшемся для решения не слишком значительных споров.

• Решения

Приговор не предусматривал смертной казни, за исключением строго определенных случаев; гомосексуализм, изнасилование, кража, а после христианизации — без сомнения, колдовство и магия, считались настолько серьезными преступлениями, что выходили за рамки закона, можно сказать, в силу самой своей природы. Виновный в этих прегрешениях в буквальном смысле переставал быть человеком: он выпадал из-под действия человеческих законов, его преступление объявлялось *óbótamál*, то есть не способным ограничиться выплатой компенсации.

Наиболее обыкновенным наказанием являлась выплата компенсации, виры — *Wehrgeld* по-немецки, *bótна* старонорвежском. Нанесенное оскорбление оценивали в буквальном смысле этого слова и требовали от виновника выплаты компенсации, эквивалентной оскорблению. Не обращаясь к абстрактным принципам римского права, германское законодательство требовало проводить конкретный анализ конкретной ситуации, завершая рассмотрение утверждением: за совершенное правонарушение полагается такая-то выплата. Как правило, эта выплата производилась на конкретную сумму наличными или натурой. В исландской истории сохранились воспоминания о баснословных штрафах, которые те или иные осужденные должны были выплатить, чтобы вернуть себе свое достоинство. В сводах законов перечисляются поразительно мелкие детали. В них содержатся перечни ран или возможных оскорблений и устанавливаются, так сказать, расценки на них. Штраф мог выражаться в коровах, в локтях вадмели — грубой шерстяной ткани, упоминания которой нередко встречаются в документах; использовались и другие конкретные средства урегулирования разногласий.

Однако такая практика соблюдалась в случае не слишком серьезных преступлений. В более значительных ситуациях применялись два других вида наказания. Первым было *fjörbaugsgarðr*, или изгнание. Могло назначаться изгнание из страны в целом или из конкретного округа, за пределы определенных границ; его срок был ограничен обыкновенно тремя годами. По истечении этого срока осужденный считался очищенным и мог без ущерба для себя вернуться к родному очагу. Эта мера и следующая, еще более суровая, свидетельствуют о том, что исландское общество считало нормой только жизнь в коллективе и самое тяжелое из наказаний

предусматривало разлуку человека с родным ему обществом. В *Речах Высокого (Hávamál)* — великом этическом тексте из «Старшей Эдды», упоминается «человек, которого не любит никто» и который поэтому не может «жить долго».

Другим типом наказания являлся *skóggangr* (буквально «идти, удаляться в леса» — интересный термин, явно заимствованный из норвежского языка, поскольку в Исландии не было лесов). Это было полное, абсолютное и крайне строгое лишение прав: никто не мог оказывать помощь такому осужденному, он оказывался абсолютно отрезанным от сообщества людей, и его могли безнаказанно убить, как животное. Этот случай занимает заметное место в коллективном бессознательном, не только потому, что подобный персонаж описывается в двух из наиболее интересных исландских саг, *Сага о Греттире* и *Сага о Гисли, сыне Кислого*, а также потому, что этот тип героя занимает особое место в народных сказках.

• *Другие действующие лица альтинга*

Однако разговор об альтинге еще не закончен. Как мы уже говорили, это весьма оригинальное мероприятие продолжалось две недели. Так происходило потому, что дело не ограничивалось исключительно судебными процедурами. На альтинге скальды декламировали свои поэмы, читали недавно составленные саги, рассказывали о путешествиях и предприятиях. Предания сохранили воспоминания об одном из особенно шумных и беспокойных альтингов, на котором волнения вдруг прекратились, потому что только что вернувшийся из-за моря епископ привез с собой уйму интересных новостей! Кроме того, именно во время альтинга заключались важные соглашения, оформлялась передача наследства, велась торговля, заключались сделки; отцы семейств договаривались о замужестве дочерей и вообще устраивали будущее своих детей. Нетрудно себе представить, до какой степени это собрание могло быть красочным и живым, и в какой мере оно было сердцем жизни исландского общества, — подтверждение чему можно найти в любой исландской саге.

В целом, скелет общественной жизни в стране образовывала цепочка тингов. Как мы уже говорили, исландцы жили довольно далеко друг от друга по чисто географическим причинам: каждая «ферма» образовывала нечто вроде маленького самоуправляемого сообщества; таким образом, тинги играли важную роль, позволявшую личности выходить за пределы своего замкнутого мирка. Отсюда следует, кстати, и одновременно индивидуалистический, и общественный характер исландцев: этот вывод можно сделать на основе знакомства с великими сагами.

◆ *Фьордунги*

Важно отметить, что в Исландии очень рано — примерно около 965 года — появилась система тесных связей между тингами. Страна оказалась разделенной по сторонам света на четверти, или фьордунги: *nordlendingafjórðungr*, *austfirðingafjórðungr*, *sunnlendingafjórðungr* и *vestfirðingafjórðungr* (соответственно северная, восточная, южная и западная четверти). В каждой четверти было три вартинга, в каждом вартинге назначалось три годара, хотя в северной четверти было четыре тинга и соответственно двенадцать годаров, что позволяет нам оценить численность населения каждой части острова. Как уже говорилось выше, фьордунги занимались бедняками (см. Общественное устройство, глава 2).

Следует отдать должное организационному и административному таланту исландцев, численность которых не превышала двадцати тысяч человек. В основном они были людьми

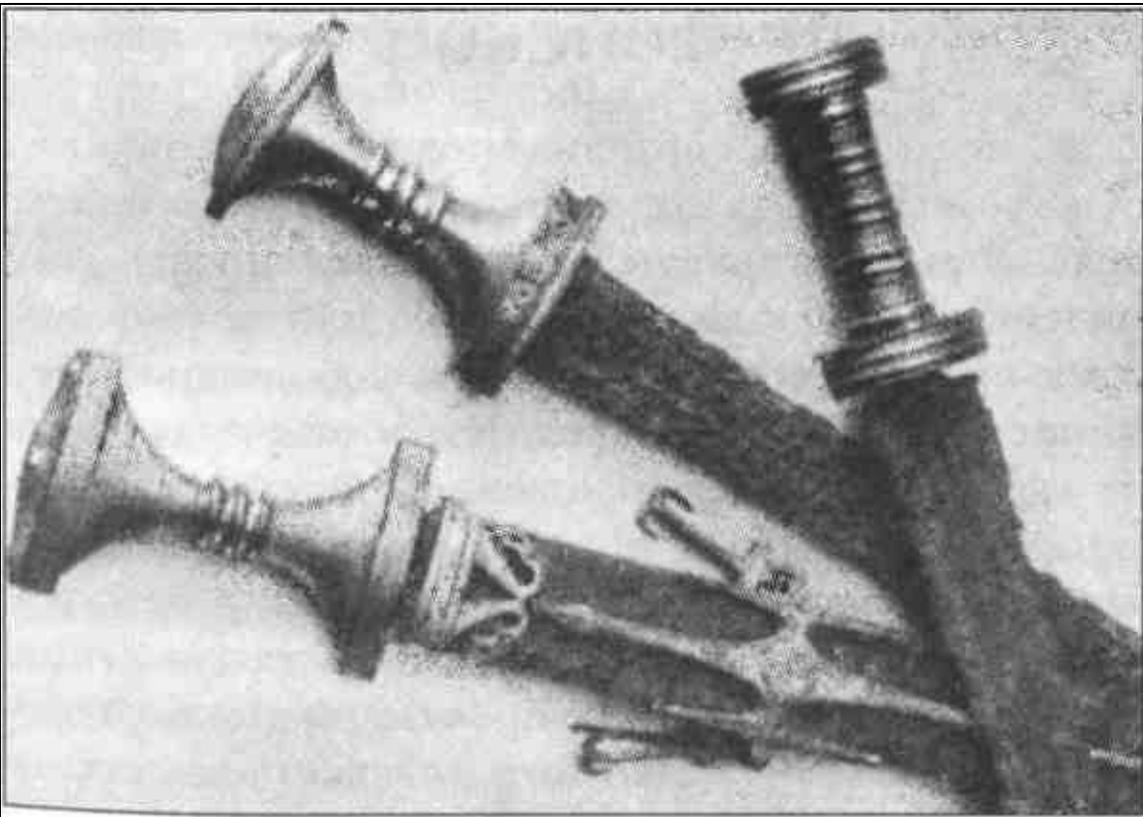
долга, которых, как мы уже говорили, вынуждали держаться вместе суровые условия окружавшей их действительности. Точно так же, в противовес лживым романтическим клише, Викинг с большой буквы никоим образом не мог быть одиноким героем (требовались значительные средства, чтобы оплатить строительство корабля, фрахт, груз и собрать экипаж — в одиночку этого не мог себе позволить даже богатый человек). Бонд, и не только исландский, не мог выжить, не прибегая к помощи других людей. Все важные повседневные дела совершались совместно. Северян с самого начала их бытия соединяло очень глубокое ощущение единства, и именно в этом следует видеть одну из причин успеха, которым ныне пользуется социал-демократия в высоких широтах.

Отсюда вытекает и принятый у древних скандинавов обряд побратимства, или *фелаг* (*félag*), зафиксированный во многих источниках, при которых соединялись (*lag*, от глагола *leggja*, помещать) товары (*fé*, первоначально скот, позднее богатство, а затем любое имущество; подобное преобразование прослеживается и в греческом языке — *rokos*, и в латыни — *pecus*) для торговли или иной доходной операции. Полученный доход побратимы-фелаги (отсюда в английском языке пошло слово *fellow*— друг, приятель, товарищ) делили соразмерно своим вложениям. Эта распространенная практика является всего лишь наиболее красноречивым примером объединения людей в целях получения выгоды, являвшегося правилом для исландского общества. В фелагах могли состоять даже женщины: известно несколько примеров этого.

Вообще говоря, в этом мире ничто не происходит случайно: учитывается любая мелочь, люди стремятся использовать любую возможность, и это можно сказать о любой области бытия. Мы уже несколько раз настойчиво повторяли, что викинг был прежде всего торговцем, а такая деятельность невозможна без тщательной организации и отличного понимания конкретных реалий. То же самое можно сказать и обо всем исландском обществе (и в целом скандинавском).

Поэтому, как нам кажется, наступил момент обратиться к идеалу исландского общества, связанному одновременно с идеями порядка и объединения — *дренг* (*drengr*, *drengr góðr*). Эти слова знакомы не только исландцам — они понятны любому скандинаву; но поскольку эта книга в первую очередь посвящена исландцам, то мы рассмотрим это понятие именно на их примере.

В сагах, и что особенно примечательно — в рунических надписях (не являющихся, строго говоря, исландскими), часто встречается следующая оценка людей и поступков: *drengr góðr*; великолепный *drengr*: Слово это происходит от *drengskapr*, примерно соответствующему французскому *courtoisie*, которое в свою очередь в наши дни имеет несколько иное значение, чем в старофранцузском языке. Основная идея этого понятия заключается в том, что человек, обозначаемый этим термином, является одновременно надежным товарищем и человеком, подчиняющимся порядку, человеком долга как в материальном, так и в моральном плане. Во французском языке можно провести параллель с «добрым малым», однако в этом словосочетании отсутствует значение, связанное с порядком и организованностью. Таким образом, если у *drengr góðr* есть возможность и желание оказать услугу ближнему, он считает нормальным отнестись к нему так, как хотел бы, чтобы отнеслись к нему самому; он всегда готов прийти на помощь бедным и обездоленным. «Именно *дренгскап* помогает старикам и бедным», — говорится в *Саге о Храфнкеле годи Фрейра*. Снорри Стурлусон также отмечает, что мужа, стремящегося к совершенству, называют *дренгом*.

Рукояти мечей викингов

Войско

У исландцев, с их невероятно обостренным чувством личного достоинства, крайней чувствительностью, которая не позволяла им сносить даже малейший намек на оскорбление или недомолвку, с их преувеличенным чувством собственной значимости, было нечто вроде страсти к сражениям или вооруженным столкновениям. Остается только удивляться тому, что почти за три века эти воинственные люди не перебили друг друга!

Викинги были хорошо оснащены для участия в больших сражениях, что, впрочем, им приходилось делать достаточно редко. Гораздо чаще они вступали в мелкие стычки и поединки, осуществлявшиеся по тщательно разработанным правилам. Однако, когда доходило дело до битвы, то велась она без какого-либо соответствия средневековому рыцарскому кодексу. Сражения всегда начинались с обоюдного обстрела всевозможными снарядами, камнями и различными предметами; то же самое касалось морских боев — об этом повествуют многие саги.

*Инкрустированное серебром лезвие боевого топора.
Найдено в Маммене (Дания, около 970 года).
На рисунке изображена схема нанесения
серебряной инкрустации*

◆ Вооружение

Если исландцу предстояло драться, то он предпочитал использовать для этой цели топор, существовавший в самых разных вариантах: с широким или узким лезвием, с длинной или короткой рукояткой и т. д. Среди топоров были очень красивые — с лезвием, инкрустированным золотом или серебром. Считалось, что инкрустация имеет магические свойства! Топор является преимущественно рубящим оружием, однако его можно было также использовать в качестве метательного — при abordаже; в любом случае он представлял собой оружие очень грозное и даже считавшееся «колдовским» — оно часто фигурирует в *кенингах* скальдов. Естественно, что топор при этом оставался и привычным орудием труда — плотницкое ремесло считалось очень почетным занятием.

С топором могло соперничать только копье, или рогатина — *spjót*, представлявшее собой достаточно грозное колющее или метательное оружие. Наконечник копья, нередко также покрытый инкрустацией, имел весьма характерную форму удлиненного ромба и прикреплялся к древку гвоздями, или *geirnegl*, имевшими, как считалось, магическую силу. По не известным нам причинам клятвы нередко приносили именно на этих гвоздях.

Что касается мечей (*sverd*), то следует сразу отрешиться от многочисленных легенд о них; мечи у исландцев существовали, конечно — в своем континентальном германском виде, то есть имели прямое длинное лезвие приблизительно метровой длины и две плоские гарды, располагавшиеся перпендикулярно лезвию и параллельно друг другу и ограничивавшие рукоять, обычно оплетенную металлической нитью (которая могла быть и золотой). Рукоять нередко заканчивалась полукруглым навершием, иногда украшенным или покрытым инкрустацией. Эти мечи были очень красивы, и владельцы справедливо гордились ими, однако качество самого этого оружия оставалось сомнительным. При всех украшениях рукояти клинок чаще всего не получал достаточно хорошей закалки, так что во время сражения бойцам приходилось останавливаться и выпрямлять согнувшееся лезвие при помощи сапога! Лучшими мечами

считались привозные из Рейнланд-Пфальца — оружейники ставили на таких лезвиях свои клейма. Тем не менее, в отличие от топоров, действительно являвшихся серьезным оружием, мечи скорее представляли собой декоративные предметы.

Добавим к этому арсеналу разнообразные кинжалы, саксы — то есть короткие мечи с одним лезвием, и алебарды. В общей сложности здесь нет ничего такого, что могло бы удивить знатока вооружений. Похоже, что применялись также лук и стрелы, хотя примеров их использования не слишком много. Арбалет (*lásbogi*) появился только в XII веке.

Разумеется, к оружию относились с огромным уважением. Ему давались звучные имена: *Svedja*— Распластай-тело; *Himmintelgja*— Высотой до неба; *Snaga*— Рогатая; *Jarl bani*— Смерть ярлам; *Brynjubítr*— Убийца; *Saettarspill*— Разрушительница согласия; *Fulltrúi*— Верный друг.

В отношении оборонительного оружия начнем со шлемов, на которых НЕ БЫЛО РОГОВ, не говоря уже о крыльях птиц, пиках, остриях и т. д.! Одному Богу известно, почему мы так долго стараемся украсить северный шлем рогами! Возможно, эта ошибка обрела столь постоянный характер потому, что в континентальной Скандинавии были обнаружены шлемы с длинными кривыми выпуклостями, которые можно при желании принять за рога; однако оказалось, что подобные «шлемы» представляют собой обрядовые головные уборы, которые жрец надевал при определенных обстоятельствах, и восходят они к началу нашей эры, то есть почти на тысячелетие отстоят от эры викингов!

Вернемся, однако, к шлему: он был коническим, гладким, изготовленным из вываренной кожи или металла, естественно с переносом и бармицей, иногда с шипами. Другим оборонительным оружием был окованный металлом круглый щит из дерева с ремнем и умбоном. Как и в других странах, в Исландии было принято украшать щит (который мог быть четырехугольным или — очень редко — даже треугольным, *skjöldr*) мифологическими или историческими сценками. Самый древний известный скальд (норвежец), Браги Боддасон (IX век), влюбленно описывает в своей поэме *Ragnarsdrápa* (*Драпа о Рагнаре*), историю одного из таких четырехугольных щитов.

Кольчуги, обычно типа *brynja*, похоже, стали применяться в относительно позднее время. Им предшествовали панцири — *treuja* или *panzari*, первый тип делался из шерсти, а второй из кожи.

Отметим одну неожиданную деталь: все исландское вооружение, а также конская сбруя и особенно стремяна, свидетельствует о сильном влиянии мадьяр (венгров): стоит напомнить, что этот кочевой народ азиатского происхождения вторгся в Европу в первой половине VIII века, и во время своих походов мадьяры нередко контактировали с викингами. Одной из наиболее правдоподобных причин военных успехов последних, возможно, стал тот факт, что, отбросив древние традиции, касающиеся типов вооружения и ведения войны, они стали учиться у восточных народов, только-только появившихся на европейской сцене.

◆ Исландцы и викинги

Здесь следует упомянуть еще одну особенно существенную деталь: отнюдь не все исландцы были викингами. Хотя невозможно оспорить тот факт, что появление викингов стало одной из самых интересных страниц последних двух тысячелетий истории Запада, следует позаботиться об искоренении многочисленных сомнительных и неверных представлений по этому поводу. Важно понять, что это явление никоим образом не могло возникнуть, так сказать, само собой: оно предполагает определенный культурный фон в наиболее широком смысле, — то есть наличие материальных, экономических, политических и даже интеллектуальных предпосылок, без которого оно было бы просто невозможно. Обычно мы датируем походы викингов периодом приблизительно между 800 и 1050 годами, но в действительности это явление уходит своими корнями намного глубже — по крайней мере в VI век нашей эры.

Также следует заметить, что «исландское чудо», о котором мы рассказываем, требует глубокого анализа. Оно было немыслимо без всего того, что предшествовало высадке на берег острова первых поселенцев в 874 году. Так что не следует просто отождествлять средневековых исландцев с викингами, равно как не следует делать и обратного. Исландцы и викинги представляют собой две ветви обширного колониационного движения. Действительно, колонизация Исландии вписывается в общую историю викингов, однако это не дает нам права свести одно явление к другому; конечно же, оба явления являются порождениями одного и того же духа, но смешивать их все же не стоит. Не надо соединять в единое целое шведа, отправившегося через Готланд в Византию по сети русских рек и озер около 900 года, датчанина, оставившего Данию в 895 году, чтобы осадить Париж, норвежца, осевшего в Шотландии и основавшего там нечто вроде королевства приблизительно в то же самое время, и исландца, явившегося на недавно основанный альтинг около 935 года. Здесь весьма существенны местные особенности. Бесспорно, исландцы достаточно оригинальны. Цель настоящей книги и заключается в том, чтобы выделить чисто исландские детали из этой многонациональной мозаики.

Средневековая Исландия располагала скудной почвой и незначительными ресурсами. Страна жила рыбной ловлей, разведением овец и торговлей: именно об этом следует помнить, говоря об исландской истории, писавшейся в рамках такого явления, как викинги. Она стала прямым следствием и одновременно самым прекрасным проявлением их походов, и об этом следует помнить, рассматривая историю этих северных грабителей.

Сельское хозяйство

В данном случае позволим себе относительную краткость, поскольку мы уже неоднократно касались этой темы. В Средние века Исландия не только не могла похвастаться разнообразием ресурсов, но и ничем не отличалась в этом отношении от других Скандинавских стран. Процветанию этих северных территорий препятствовали географическая широта и климат, так что пришлось дожидаться наступления индустриальной эпохи, чтобы около двух веков назад эти страны начали выходить из относительной бедности.

Итак, двумя основными ресурсами страны являлись рыба и овцы. Их использование считалось делом настолько обычным, что авторы древних текстов редко считали необходимым останавливаться на них свое внимание. В этом отношении положение изменилось только в течение нескольких последних десятилетий. Добавим к двум основным источникам пропитания еще крупный рогатый скот и, таким образом, молочные продукты, которые высоко ценились, особенно *sýra*, вид кислой молочной сыворотки, использовавшейся обычно как питье, и *skýr* — нечто вроде очень жирного творога. Крупных по современным представлениям хозяйств практически не существовало: например, персонаж одной из так называемых саг об исландцах (*Saga о людях из Свинаяфелла*) уводит с фермы весь имеющийся скот — всего около пятидесяти животных! Однако страна изобиловала прекрасными зелеными лугами, и сено, ценный продукт питания для скота, часто становилось предметом раздоров. Вот, например, какой образ рисует *Saga о Храфне Свейнбьярнарсоне*. Амунд и его жена отправились косить сено: «Он косил, а она шла за ним и сгребала граблями траву, неся на спине младенца».

Однако сельским хозяйством в узком смысле этого слова в Исландии практически не занимались: вулканическая почва и ледники плохо сочетаются с подобной деятельностью. Впрочем, и здесь можно было выращивать целые поля зерновых, вызывавшие всеобщее восхищение. Например, в *Saga о Ньяле Сгоревшемони* являются темой одного из наиболее красивых мест повествования. Саги не часто упоминают о злаках и, там, где это случается (главным образом в сагах о епископах), чувствуется скорее иностранное влияние.

Необходимо также отбросить явно легендарные упоминания о лесах в текстах, описывающих первый период заселения Исландии — таких, как *Книга об исландцах* священника Ари Торгильссона Мудрого. Возможно, археологам когда-нибудь удастся найти какие-либо факты, подтверждающие их существование. Однако овцы и ветер — два заклятых врага мелкого лесостоя — были просто обязаны быстро погубить эти «леса», если таковые и существовали. В текстах XIII века о них уже не упоминается.

Недра

Что касается недр, то ресурсы острова были очень скудными и почти не позволяли

организовать добычу полезных ископаемых. Чаще всего упоминается добыча гематита, разновидности железной руды, довольно часто встречающейся в болотах, весьма многочисленных в Исландии. Гематит упоминается в нескольких сагах об исландцах, однако не стоит видеть в нем ощутимый источник доходов. Такое положение дел сохранилось и до наших дней: современная Исландия сильно зависит от импорта.

Рыбная ловля

Единственным реальным источником доходов исландцев, за исключением торговли, о которой мы вскоре будем говорить, служила рыбная ловля. Здесь ловили различные разновидности трески (*þorskr*) и пикшу. В реках и озерах в изобилии водились лосось и форель. Рыбу было принято вялить на открытом воздухе на стойках в виде перевернутой буквы V; сушеная рыба, или *skreidd*, употреблялась в пищу вместе с водорослями, также сушеными. Приготовленная таким образом рыба долго хранилась и использовалась как продовольствие; ее перевозили на кораблях вместе с соленым маслом.

Не стоит забывать о китах и прочих китообразных. Не то чтобы средневековые исландцы занимались активной охотой на них: китобойный промысел, скорее, являлся прерогативой норвежцев. Однако этих огромных животных нередко выбрасывало на берег, и они оказывались не в состоянии вернуться в море. Естественно, такие случаи считались огромной удачей для местных жителей. Впрочем, в Исландии, расположенной в месте слияния нескольких крупных морских течений — напомним, что своим исключительно умеренным климатом остров обязан тому факту, что он почти полностью окружен широкой петлей Гольфстрима, — которые нередко выбрасывают на берег различные предметы, деревья, китов и т. д., явление это считалось настолько распространенным, что законодательство вынуждено было заняться этим вопросом, и в своде законов относительно этих «обломков» (*rekar*) была предусмотрена специальная глава: в основном они считались принадлежащими владельцу участка берега, на который оказывался выброшенным предмет. Однако выбросившийся на мель кит, вследствие огромной стоимости туши, нередко становился предметом ожесточенных споров, и в сагах приводится множество примеров серьезных конфликтов, возникших именно по этой причине. Кроме того, выброшенные на берег моржи и нарвалы являлись также источником «рыбьего зуба», то есть клыков — ценного материала, из которого вырезались прекрасные произведения искусства, сохранившиеся подчас до наших дней.

Торговля

В Исландии, как и во всей Скандинавии, торговля являлась одним из важнейших видов деятельности. Напомним еще раз, что первоначальная колонизация Исландии происходила в рамках такого явления, как походы викингов (то есть приблизительно с 800 по 1050 год). И снова обратим особое внимание на факт, порой с большим трудом принимаемый, но тем не менее очевидный: викинги в первую очередь являлись торговцами, весьма умелыми и отлично оснащенными. При удачном стечении обстоятельств они не брезговали и грабежом, но все, абсолютно все источники — археологические, свидетельства представителей нескандинавских народов, письменные произведения нехристианских авторов — доказывают, что основным их занятием все-таки была торговля.

Викинги

Исландцы принимали непосредственное участие в походах викингов, — открытие и колонизация острова идеально вписываются в третью фазу этого процесса. Первоклассные торговцы, викинги при первой возможности и там, где предоставлялся удобный случай, охотно превращались в хищников. Испытанная тактика с течением времени создала им ореол непобедимых завоевателей, которыми они никоим образом не являлись. В исландцах мы видим образ викингов, свободный от какого-либо романтизма или идеологии, характерных для датских, норвежских или шведских викингов. Поэтому экскурс в историю «северных пиратов» целесообразно провести именно в разделе, посвященном торговле.

Возможно, здесь следует сделать несколько уточнений относительно того, кем были викинги и чем они занимались. Мы уже несколько раз касались этой темы, но, поскольку Исландия одновременно и испытывала влияние походов викингов, и сама ощутило влияла на них, кажется не лишним остановиться на этом вопросе подробнее.

◆ Торговцы

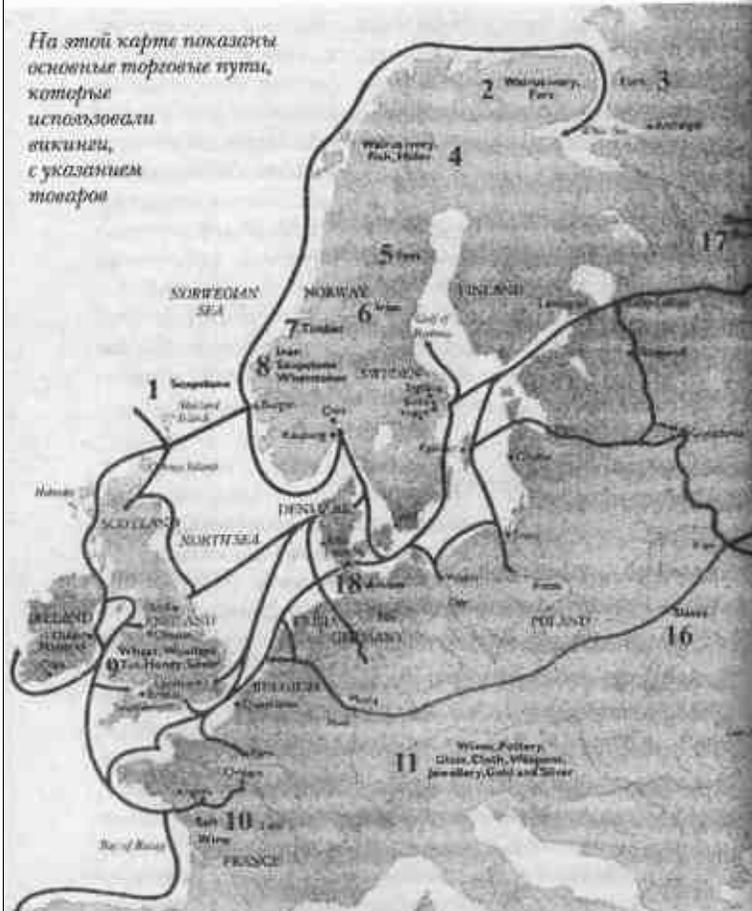
Мы уже говорили, что викинги (800–1050 гг.) были прежде всего очень предприимчивыми торговцами, которых благоприятное стечение обстоятельств (развал Каролингской империи, и особенно арабская интервенция на Средиземном море) превратило в грабителей, а затем и в

колонистов. Располагая великолепным средством передвижения — кораблем, достоинства которого невозможно переоценить (способным выдержать сильный шторм на море и плавать даже по небольшим рекам ввиду своей незначительной осадки и маневренности, однако не рассчитанным на перевозку объемных и тяжелых грузов, и чаще всего использовавшимся для торговли предметами роскоши: балтийским янтарем, шкурами и мехами, ценными породами древесины, костью, тканями и рабами, о которых мы уже говорили), они пускались в длительные походы, следуя путевым заметкам, сделанным в стародавние времена, используя уже известные ориентиры и стоянки. Вполне возможно, что они пользовались услугами людей, которых мы сейчас назвали бы торговыми агентами. Можно выдвинуть следующее утверждение: викинг сделал корабль, без которого он просто не мог бы существовать. И когда, по неизвестным причинам, скандинавский кнорр потерял былую популярность и был вытеснен фризскими когами, викинги исчезли как таковые. Конечно же, на развитие скандинавов оказывали определенное влияние и другие элементы — исторические и политические. Однако благосостояние и судьба викинга были неразрывно связаны с любимым средством передвижения.

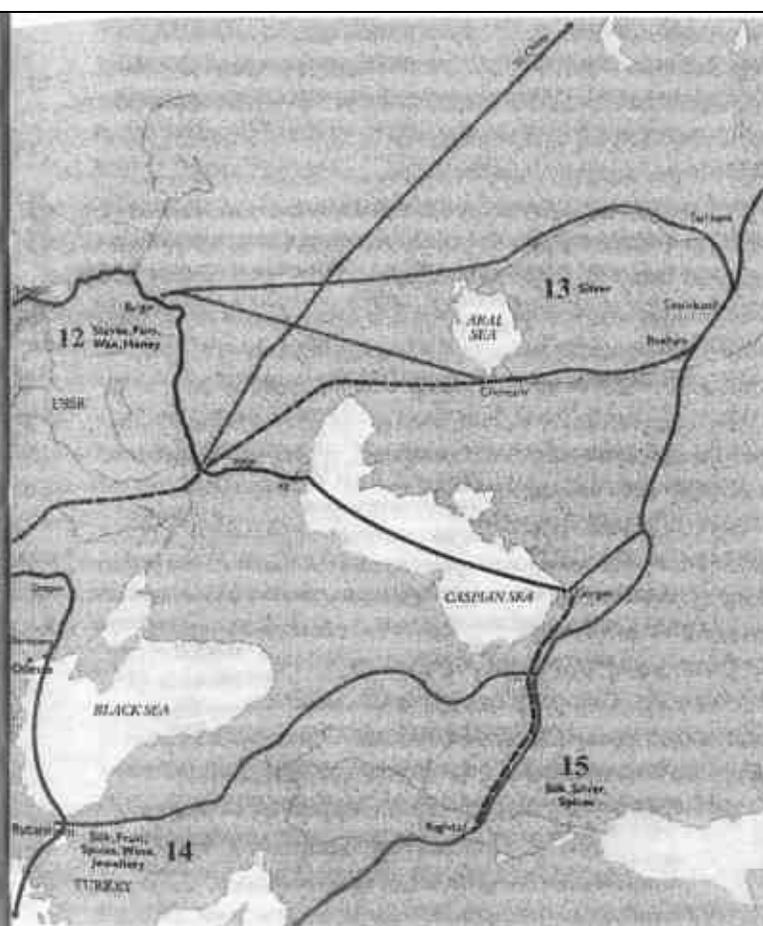
◆ Торговые пути

Нам известны северный торговый путь (*Norðrvegr*), шедший вдоль берегов Норвегии, доходя до мыса Норд, а затем далее, до Мурманска или Архангельска; ответвление от этого пути проходило вдоль Балтийского моря, вокруг острова Готланд; западный (*Vestrvegr*), по которому скандинавы отправлялись в Великобританию, а затем к североатлантическим островам (Оркнейским, Шетлендским, Гебридским, Фарерским, возможно, к острову Мэн, северо-западу Шотландии или северу Ирландии), к Исландии и оттуда в Гренландию и даже в Америку; этот путь имел по крайней мере два важных ответвления: одно, наиболее известное, проходило вдоль западных берегов Европы и поворачивало через Гибралтар в сторону Византии (*Njörvasund*), другое — вниз по Рейну и далее до Северной Италии, по древнему маршруту, проторенному кимврами и тевтонами, превратившимися в начале нашей эры в датчан; и, наконец, восточная дорога (*Austrvegr*, по непонятным причинам историки очень часто пренебрегают ею), которая вела из глубины Финского залива в Византию, через сеть русских рек и озер; именно викинги, двигавшиеся по этой восточной дороге (местное население именовало их варягами), попутно основали русское государство, которое обязано им своим названием (византийские греки, славяне и арабы называли викингов русами). Этот путь весьма интересен тем, что он по крайней мере в двух местах пересекается с крупными, идущими с Востока караванными путями, указывая тем самым на бесспорное восточное влияние.

На этой карте показаны основные торговые пути, которые использовали викинги, с указанием товаров

- 1 - Мыльный камень; 2 - Бивни моржа, меха; 3 - Меха;
 4 - Бивни моржа, рыба, кожи; 5 - Меха; 6 - Железо;
 7 - Дровосина; 8 - Железо, мыльный камень, точильные камни;
 9 - Пшеница, шерсть, олово, мед, серебро; 10 - Соль, вино;

- 11 - Вино, керамика, стекло, одежда, оружие, украшения, золото и серебро; 12 - Рабы, меха, воск, мед; 13 - Серебро;
 14 - Шелк, фрукты, пряности, вино, украшения; 15 - Шелк, серебро, пряности; 16 - Рабы; 17 - Рабы, меха; 18 - Янтарь.

◆ Эволюция и ее фазы

Разумеется, эти деловитые торговцы (то есть викинги) быстро подмечали слабость государственной власти в тех странах, куда заносила их судьба, а превосходство обоюдоострого меча и топора с широким лезвием перед долгими переговорами было им и так хорошо известно. Они были отлично информированы и весьма плодотворно умели вести, так сказать, психологическую войну, проводя соответствующую обработку населения, о чем со страстной патетикой и неизбежными преувеличениями свидетельствуют рассказывавшие о современных им событиях средневековые клирики. Последние одновременно оказывались излюбленной жертвой грабителей-викингов и единственными, кто умел писать. Однако, не превращая скандинавов в честных, «пушистых» и голубоглазых поставщиков «экзотического и колониального товара», не будем изображать их и непобедимыми воинами, ужасными сверхлюдьми или приспешниками Сатаны, пришедшими наказать Запад за его грехи, и повторять прочий подобный вздор, которого более чем за тысячелетие накопилось немало. В конечном счете необходимо вспомнить, что викингов было очень немного, так что они никогда не могли образовывать большие армии; любопытно, что всякий раз, когда противнику удавалось навязать им сражение в чистом поле, викинги оказывались разбитыми! Везде, где викинги встречали серьезное и хорошо организованное сопротивление (например, как в битве при Уэссексе, Южная Англия, при Альфреде Великом), они отступали или предпочитали более мирные действия.

Повторим еще раз: единственной настоящей заботой викингов было обогащение всеми

доступными средствами, включая грабеж. Именно этим объясняется эволюция походов викингов, состоявших из четырех фаз, одна из которых напрямую касается темы нашей книги.

◆ Четыре стадии походов викингов

1. Начальная (примерно 800–850 гг.): появление викингов, организация, оценка обстоятельств, поиск возможностей. Торговые походы сопровождаются мелкими налетами. Древние традиции понемногу уступают место поиску уязвимых точек различных регионов и государств.

2. Стадия организованного разбоя (около 850 — около 900 гг.): практически во всех регионах определяются выгодные места и проводятся настоящие рейды под руководством вождей или «морских конунгов» (*soekonungar*). Одновременно, поскольку главной целью этих походов было получение прибыли, викинги не пренебрегают наемничеством, и, как только обстоятельства становятся неблагоприятными, возвращаются к своей торговой деятельности. Это и была великая эпоха викингов, наводивших страх на Запад. Такими запомнит их западный мир, таким клирики запечатлеют для потомства их образ. Викинги не боялись осаждать достаточно крупные населенные пункты (например, Париж в 885 году — впрочем, безуспешно). Они применяли технику налета или рейда боевой группы, называющуюся *strandhögg* (быстрая высадка на берег и поспешный захват людей и товаров), могли просачиваться повсюду благодаря необычайным достоинствам своего корабля. Они практиковали молниеносные высадки с поставленного на якоря корабля, избирая своей целью богатые и незащищенные церкви, аббатства, города, селения, где устраивались ярмарки, и т. д., после чего начинался методичный грабеж, нередко завершавшийся кощунственным поджогом церкви (викингов можно назвать большими любителями пожаров). Затем они быстро возвращались на корабль, грузили награбленное и отплывали искать новый объект нападения. Налеты их осуществлялись настолько быстро, что защитники не успевали организовать сопротивление. Подобная тактика повергала население в ужас, а слухи, искусно распространявшиеся викингами, становились средством психологической войны и обработки умов жителей Европы. Однако следует откровенно признать, что в значительной степени викинги были обязаны своими успехами неспособности противника по тем или иным причинам организовать сопротивление.

3. Стадия противодействия: осознав, наконец, опасность, западные правители организовали защиту, поэтому нападения становятся все реже, и предпринимают их викинги только там, где оборона плохо организована малодушными и нерешительными суверенами, типа английского короля Этельреда или французского Карла Простоватого. У этих правителей викинги вымогали выкуп, или *danegeld* («датские» деньги, так как на Западе викинги нередко назывались датчанами; впрочем, они точно так же могли быть норвежцами или шведами, к ним могли присоединяться и исландцы, так как в то время понятие национальности не имело большого значения).

Викинг в бою. Этот рисунок, как и рисунок на предыдущей странице, выполнен на основе археологических находок

Начиная с последней четверти IX века и до 980 года (в разных местах по-разному) викинги пытаются обосноваться на чужой земле и колонизировать территории более приветливые и богатые, чем их собственные. Они расселились в Данло (область вокруг Йорка, Англия), во французской Нормандии (начиная с 912 года), в Южной Ирландии, проникли вглубь Восточной Европы, став основателями русских княжеств от Новгорода, который они называли *Hólmgarðr*; и до Киева, или *Koenugarðr*. Исследователей удивляет быстрота и глубина ассимиляции, которую демонстрируют эти скандинавы: спустя два, максимум три поколения это больше не датчане, норвежцы или шведы, но англичане, французы (нормандцы), славяне и т. д. И куда бы они ни переселились, везде они исследуют и колонизируют новые земли. Эта третья фаза наиболее важна для нашего повествования, так как она непосредственно касается Исландии, которая отлично вписывается в историю викингов и Гренландии. Следует напомнить, что Исландия была заселена в период между 874 и 930 годами, то есть в самой середине этой фазы.

Отсюда следует, что во всей этой удивительной истории Исландия является одновременно объектом и субъектом воздействия. Эта страна фактически появилась на свет в результате походов викингов, и этого нельзя не учитывать, если мы хотим понять различные стадии ее существования. Следует понять, насколько важным в формировании молодого исландца была степень его участия *í vikingu* (в набеге викингов). Его можно даже рассматривать как инициацию молодого человека. В так называемых Сагах об исландцах непременно присутствует описание того момента, когда будущий бонд поднимается на борт корабля, чтобы отплыть на Запад или на Восток. Вне сомнения, ему придется братья за оружие, однако главной целью его является

обогащение — торговлей или иным способом. Он возвращается, овеянный славой — одна из основных ценностей скандинавского общества, — и богатый!

4. Чтобы закончить с этой темой, стоит добавить, что в четвертой фазе (980–1050 гг.) произошло некоторое изменение образа викинга. На сей раз он становится полностью соответствующим стереотипному, хотя и совершенно неверному, представлению, которое сохранилось в легендах. Два датских короля (Свен Вилобородый, а затем его сын Кнут Великий) и два шведских авантюриста (Ингвар Великий Путешественник и Фрейштейн) организовали настоящие «армии» (по меркам этих малонаселенных государств): короли — чтобы попытаться обеспечить свою гегемонию над всем Севером, включая Великобританию, а вторые — чтобы отправиться завоевывать неведомые территории в Азии. И тот и другой проекты провалились.

Итак, около 1050 года походы викингов прекратились. Разумеется, это произошло по целому ряду причин: следует помнить, что Церковь, около 1000 года распространившая свое влияние на весь Север и закрепившаяся повсюду в Скандинавии, наложила суровый запрет на торговлю рабами, которая, как мы уже видели, являлась одним из источников существования викингов. Одновременно Церковь способствовала усилению и централизации молодых государств, в которых не было места мелким местным вождям, становившимся капитанами кораблей викингов.

Ранее мы говорили о торговле у исландцев. Как мы видим, эта деятельность являлась неотъемлемой частью занятий викингов, она диктовала их поведение в течение двух с половиной веков и на первый взгляд с ее помощью можно «объяснить» Исландию и исландцев. Если мы не торопимся с определением викингов как «северных пиратов», то только потому, что не меньшее внимание они уделяли торговле. Следующая фраза из «королевской» саги наилучшим образом описывает скандинава той поры, сообщая нам, что он *stundum i kaupferdum en stundum i vikingu*: находится то в торговой поездке, то в набеге викинга, тем самым благопристойно соединяя единое, в общем, понятие, так как во время «набега викинга» одновременно производились и торговые операции.

◆ Предметы торговли

В чем состояла торговая деятельность исландца *útan* — то есть за границей? Он торговал там вадмелью, толстой и грубой шерстяной тканью, которую изготавливали как мужчины, так и женщины на вертикальном ткацком станке долгими зимними вечерами, — легкой, теплой и непромокаемой. Отплывающие увозили с собой толстые рулоны вадмели, сушеную рыбу, возможно также моржовые бивни. Эти товары можно было выгодно сбыть в Западной или даже Восточной Европе: нам известно несколько примеров того, что исландцы знали «восточную дорогу», уводившую в Византию по русским рекам и озерам, начинаясь там, где ныне находится Санкт-Петербург. Особенно активно торговля велась с англосаксонским миром и, разумеется, с Норвегией. Возвращался домой исландец с медом, зерном, солодом (для изготовления пива, необходимого для любого праздника), строевым лесом и дегтем, а также одеждой.

В самой же Исландии торговля была основным видом общественных отношений. Существовали два главных порта, предназначенных для торговой деятельности: один на севере, Гасир (*Gásir*), другой, более крупных размеров, на юге — Эйрар (*Eyrar*). Можно найти их подробное описание, включая зарисовки кипевшей в них жизни. Любой прибывавший из-за моря корабль вызывал интерес не только благодаря привезенному им грузу. Довольно рано установился обычай, согласно которому глава или один из высокопоставленных людей округа собственной персоной приходил на корабль, чтобы осмотреть груз и назначить цену

привезенным товарам; можно ли усомниться в том, что при этом возникало множество поводов для взаимного недовольства!

Как бы то ни было, прибывшего гостя именовали как словом *farmaðr*, означавшим просто путешественника, так и более уместным здесь термином *kaupmaðr*; восходящим к глаголу *kaupa*, применявшимся для обозначения операций купли-продажи, то есть заключению торговых сделок и тому подобных действий. Таким образом, мы приходим к выводу, что исландский викинг IX–X веков был человеком, который путешествовал, чтобы вести торговлю! Не стоит удивляться и тому, что исландец, то есть обычный скандинав Средневековья, был человеком прижимистым, если не жадным, и обнаруживал склонность к многословию и нескончаемым переговорам — что вполне соответствует его любви к крючкотворству, столь ярко проявлявшейся в области юриспруденции.

Мы не опасаемся подобных заключений, считая необходимым разрушить общепринятое и ошибочное представление о том, что северная цивилизация опиралась прежде всего на силу, мужество и доблесть, забывая про более низменные соображения. Как это ни странно, но идеалом среднего исландца был мир (*friðr*). Мы уже упоминали на страницах этой книги о постоянном поиске равновесия между противоборствующими силами, характерном для всей истории независимой Исландии, поскольку стремление к нему являлось неременным условием торговой деятельности, являвшейся основополагающей для этого общества. К тому же следует отметить, что «война» обозначалась термином *úfriðr*; то есть «не-мир»: термина позитивного, если можно так выразиться в этом случае, то есть сформулированного не от противного, в исландском языке не существует!

Меры длины и веса; валюта

В отношении мер длины и веса мы не можем сделать никаких однозначных утверждений: с одной стороны, потому что система их восходит к истокам всей германской культуры, а с другой стороны, потому, что эти меры оказываются весьма различными в зависимости от эпохи и места. Ограничимся в этом отношении одним примером. Похоже, что число пять у древних германцев являлось базовым, а термин *hundrað* («сотня», по-английски *hundred*, по-немецки *hundert*) согласно древним источникам, применялся как к 100, так и к так называемой большой германской сотне, то есть к 120! Тексты различают *tólfroett hundrad* (сотня, считаемая по двенадцати) и *tíroett hundrad* (сотня, считаемая по десяти).

Серебряные монеты времен викингов

Для оценки стоимости удобнее всего было использовать вадмель, о которой мы уже говорили: отрезки ее измерялись в «локтях» (*alin*), под которыми понималась длина руки от локтя до кончика среднего пальца, что соответствует английскому полуярду. Такова была обычная единица стоимости. Удвоенная, она называлась *stika*, а утроенная равнялась одной унции. Шесть локтей составляли *eyrir* (одна унция; множественное число *aurar*, современный скандинавский *öre*). Другой мерой стоимости являлось серебро (*silfr*), в соответствии с его весовыми единицами. Существовало серебро различного качества согласно степени чистоты этого металла: *lögsilfr*; или «законные» деньги — так сказать, базовый эталон; *gangsilfr*; или обычные деньги; *brennt silfr*, или очищенное («обоженное») серебро, то есть рафинированное; *skirt silfr*, довольно редкое чистое серебро, а также *blásilfr*, или «голубое» серебро, то есть плохое; оно ценилось в треть стоимости *skirt silfr*.

Существовал еще один денежный эквивалент — стоимость коровы, *kúgildi*. Он играл важную роль, однако определить его современный эквивалент не представляется возможным.

Среди единиц длины следует упомянуть *sponn* (пядь): расстояние от конца большого пальца до кончика среднего, фут (*fótr*) и *faðm* (ср. английский *fathom* — морская сажень, фатом), эквивалентный французскому туазу.

Среди мер веса назовем фьердунг (*fjórðungr*), в котором как будто бы насчитывалось десять *pund* (ливров), *mörk* (см. французская марка), соответствовавший половине ливра и соответственно одной двадцатой фьердунга. Согласно Иону Иоханнессону, одна унция весила приблизительно 27 граммов, откуда следует, что вес марки составлял 216 граммов. 80 марок составляли *voett*. Еще более усложняет эту систему тот факт, что ее единицы иногда употреблялись как единицы веса, а иногда как обозначение цены. Иными словами, в области мер и весов царила полная анархия: даже в «сагах о епископах» упоминаются жалобы на неточность такой единицы измерения, как локоть. Любопытно, что упоминания о золоте очень редки и появляются уже в более позднее время (не раньше конца XIII века). Соотношение между стоимостью серебра и золота составляло восемь к одному.

Наконец, при взвешивании зерна применялся *sáid*, равнявшийся шести *moelar*, однако определить их величину в современных единицах не представляется возможным. В целом же доступная нам информация о величинах мер неточна, и значения их сильно колеблются;

очевидно, некоторое единообразие наметилось в этой области лишь после укрепления позиций Церкви.

Здесь также важно не проецировать на средневекового исландца опыт, почерпнутый из нашего собственного прошлого. Если его повседневная жизнь кажется нам несколько странной, принимая во внимание древние традиции, не соответствующие привычным среднему европейцу, то его восприятие морали и религии, при всем их отличии, все-таки допускает удовлетворительное разъяснение. Более того, нас поражают удивительные достижения исландцев в области литературы, а также изобразительного искусства. Достаточно сказать, что культура Исландии, недаром именуемая «исландским чудом», может гордиться тем, что она даровала Западу прекраснейшие цветы: обе «Эдды», поэзию скальдов и саги.

Краткое отступление: о достоверности источников

Здесь в первый раз — поскольку мы будем возвращаться к этому вопросу в дальнейшем, — следует позволить себе отступление от основной темы. Всем, что нам известно о средневековой Исландии и даже Скандинавии в целом, мы обязаны христианским клирикам: редкие известные нам документы, существовавшие до христианизации, происходившей в Скандинавии удивительно единовременно и единообразно приблизительно около тысячного года нашей эры, не могут позволить нам составить точное представление о том, что представляла собой исходная скандинавская культура. Это утверждение еще более справедливо для Исландии, страны «не имевшей» прошлого. Так что исследователи должны постоянно прилагать усилия, порой довольно изощренные, для того, чтобы представить себе ту почву, которую Церковь подвергла своей обработке. На предыдущих страницах мы говорили о мерах длины, веса и объема: читатель наверняка был сбит с толку неясностями, возникшими вследствие «западных» традиций, о которых прямо говорит выбор некоторых терминов. Так же дела обстоят почти во всех остальных областях. Все древние исландские документы представляют, условно говоря, «палимпсесты»: под тонким поверхностным христианским слоем скрывается исходная древняя германо-скандинавская основа. Конечно, особенным образом это справедливо для чисто литературных произведений, однако можно предположить, что этот тезис остается верным и в прочих областях.

Так, например, эта культура относилась к смерти не вполне с «христианских» позиций. Кончина не считалась решительным и окончательным прекращением земной жизни, ни даже необходимым испытанием. Похоже, что этот вопрос стал одним из моментов, затруднительных даже для Церкви. Смерть считалась просто переходом в новое состояние, не вызывавшим ни особых комментариев, ни скорбной патетики. *Eitt sinn skal hverr deyja* — однажды каждый должен умереть. Эта фраза становится лейтмотивом исландских текстов. В другом варианте: без соизволения Норн (богинь Судьбы) и вечера не прожить. В этих условиях нет разницы между прошлым, которое может предвосхитить будущее, и будущим, в котором можно вспомнить прошлое. Например, цикл посвященных Сигурду Фафниробойце героических поэм «Эдды» является неким подобием гобелена, на котором перед глазами зрителя одновременно разворачиваются все фазы этой истории. Безусловно, в исландских сагах присутствует динамика, но не такая, к которой мы привыкли; она скорее подтверждает хорошо известную в этих широтах пословицу, которая говорит, что ребенок — это отец человека.

К этой теме не так-то легко приступить, поскольку известно, что понятие времени и способ его использования меняются вместе с происходящими изменениями культур и эпох. Уже на языковом уровне становится ясно, что древний исландский язык не располагал разнообразием и богатством выражений, касающихся времени, которые есть во французском языке, например в отношении настоящего. Прошедшее время, к которому можно добавить, по крайней мере, описательное будущее, — вот все, чем располагал этот язык в своих текстах до прихода христианства. В поэтической песне *Прорицание Вэльвы* «Старшей Эдды», грандиозного эпоса, не уступающего «Божественной комедии» Данте, предсказательница рассказывает мифическую историю мира, богов и людей и без каких-либо сложностей смешивая настоящее, прошедшее и будущее. В результате возникает впечатление огромного застывшего мгновения. Похоже, что именно Церковь с ее способностью приравниваться к чуждым культурам привнесла в данное произведение видение времени, более соответствующее нашему современному мироощущению.

◆ Зимы и ночи

По большому счету время в Исландии считали не годами и днями, но зимами и ночами. Исландцы говорили: не «ему восемнадцать лет», но «он прожил восемнадцать зим», не «ее не было три дня», но «ее не было три ночи». Понятия «зима» и «ночь» не несут здесь негативного оттенка: практический опыт исландцев ставил их на первое место. В их году фактически было только два времени года: лето (*sumar*) — впрочем, очень короткое, и очень длинная зима (*vetr*). В исландском языке имелись слова *vár*, весна, и *haust*, осень, однако эти термины не входили в обычное исчисление времени. Интересно отметить, что слово *haust* применялось также для обозначения времени сборов! Возрастные периоды — старость и юность — конечно, осознавались, но не имели строгих обозначений. В таких случаях упоминали физическую силу, не опробованную молодым человеком и утраченную стариком, но никакого конфликта поколений практически не существовало. Бытие человека естественным образом вписывалось в течение времени, которое мы назвали бы почти неподвижным и напоминающим гобелен, целиком лежащий перед нашими глазами.

◆ Названия месяцев

В отношении месяцев положение кажется еще более сложным. Мы располагаем текстами, в которых упоминаются названия двенадцати месяцев (хотя некоторые из них объединяют части двух «наших» месяцев), однако латинское влияние здесь очевидно, и мы не можем не принимать это в расчет. Наиболее точные источники сообщают следующие названия зимних месяцев: *gormánaðr* (*mánaðr* =месяц), *ýlir*, *jólmánaðr* (*Jól* — праздник зимнего солнцестояния, наше Рождество) или *mörsugr*, *þorri*, *gói*, *einmánaðr*. О происхождении этих названий нам ничего не известно, кроме того, что в языческие времена термины *gói* *þorri* могли относиться к мелким божкам плодородия. Летнее полугодие, согласно Законам Серого Гуся (*Grágás*) — главному своду исландских законов, выведенным из употребления только в XIII веке, было разбито по видам сельскохозяйственных работ (*önn*): *várönn* (весенняя работа), *löggarðsönn* (работа в поле, «за оградой», занимавшая два наших месяца), *heyönn* (уборка сена, также два месяца), период осенних работ (*tvímánaðr*) и, наконец, «работа внутри ограды» (*gardlaggsönn*, также два месяца). Эти наименования кажутся за некоторым исключением слишком литературными, чтобы отражать реальную жизнь. Мы можем предложить следующую,

хотя и очень предположительную схему месяцев.

Январь *þorri*

Февраль *gói*

Март *einmánaðr*

Апрель *várönn*

Май *löggarðsönn*

Июнь *löggarðsönn*

Июль *heyönn*

Август *heyönn*

Сентябрь *tvímánaðr*

Октябрь *tvímánaðрили gormánaðr*

Ноябрь *garðlaggsönnили ýlir*

Декабрь *jólmánaðрили mörsúgr*

◆ Наименования дней

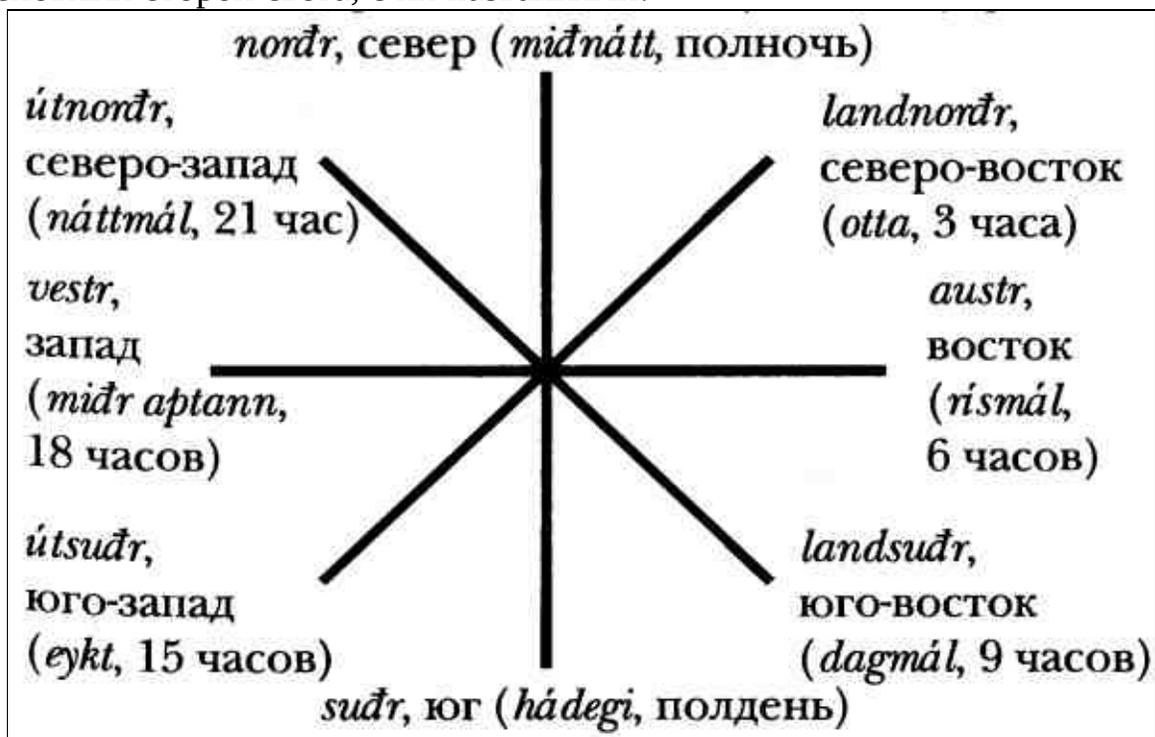
Нет окончательной ясности и с наименованиями дней. Здесь, разумеется, решающим было влияние Церкви. Нам известно мнение святого епископа Иона Огмундарсона, который жил в Холаре и возмущался использованием языческих названий дней; его критика в итоге принесла плоды, так как многие присутствующие в текстах названия дней носят, так сказать, «нейтральный» характер. Мы уже отмечали — хотя эти сведения нельзя считать абсолютно надежными, — что неделя у древних германцев насчитывала всего пять дней. В пору возникновения Исландии в неделе этой страны было семь дней, как и в других регионах Запада. Впрочем, поскольку имеются свидетельства того, что христианский епископ выступал против языческих названий дней, очевидно, что привычные термины были подсказаны Церковью. Таким образом, неделю образовывали: *mánadagr*, день Луны, понедельник, где *Máni*, Луна, может соответствовать языческому божеству, соперничавшему с *annardagr*, вторым днем (в древности первым считалось воскресенье); *tý(r)sdagr* (день Тира — очень важного бога), вторник, соперничал с *þriðjudagr* (третий день); среда носила название *óðinsdagr*, день Одина. Один является важнейшим богом языческого пантеона, уходившего корнями в древние времена. Атрибуты Одина позволяют провести аналогию с Меркурием и отметить некоторые параллели между днем Одина и днем Меркурия (*mercredi* по-французски), вытеснившим *míðvikudagr* (день середины недели); *þórsdagr* (пятый день, четверг) — день Тора, наиболее популярного из северных богов, вытесненный названием *fimmtudagr*, *frjádagr* (день Фрей, одной из главных богинь языческого пантеона) или *föstudagr* — «день поста или воздержания», пятница; *laugardagr* или *þváttdagr* (день, когда моются, занимаются стиркой; оба слова имеют одно и то же значение, суббота); *sunnudagr* (день солнца, воскресенье), быстро вытесненный названием *dróttinsdagr* — день Господа).

Дни недели	Названия языческие	установившиеся
Воскресенье	<i>sunnudagr</i>	<i>dróttinsdagr</i>
Понедельник	<i>mánadagr</i>	<i>annardagr</i> (редко)
Вторник	<i>týsdagr</i>	<i>þriðjudagr</i>

Среда	óðinsdagr	midvikudagr
Четверг	þórsdagr	fimmtudagr
Пятница	frjardagr	föstudagr
Суббота	laugardagr/þváttdagr	laugardagr/þváttdagr

Люди, знакомые с английским или немецким языками, не упустят возможности сравнить в разных языках названия дней недели. И сравнение это свидетельствует о необходимости обратить более пристальное внимание на вопросы религии, которые будут рассматриваться позднее (см. Переход к христианству, глава 5), так как там, где древние обычаи сохраняются достаточно долго, можно найти массу языческих пережитков.

Для завершения обзора осталось рассказать о том, каким образом исландцы считали часы: информация об этом приводится в исследовании Е.В. Гордона. Для определения часов дня использовалось положение солнца, поэтому время, обозначаемое одним и тем же термином, могло сдвигаться почти на час в зависимости от времени года, как показано на схеме, приведенной ниже. *Rísmál* (час подъема) находился между 5 и 6 часами; *dagmál*, час завтрака (букв, «час начала дня») соответствует 8.30–9.30; *hádegi*, или полдень — 12 час. дня (его противоположность *a miðnátt* — полночь); *eykt* — 14.30–15.30; *mið aptann*, буквально — середина вечера, соответствует времени с 6 до 7 вечера, а *náttmál* (букв, «время наступления ночи») — 9 вечера. *Ótta* соответствует 3 час. утра. Нам кажется интересным добавить к этой схеме положения основных сторон света, с их названиями:

Напомним еще раз о том, что летом в Исландии ночи очень коротки, а на севере полностью отсутствуют; зимой же они очень длинные, так что день даже не наступает. И поскольку зима здесь явно длиннее, чем лето, то время и считалось по ночам и зимам.

Обычный день

Теперь попытаемся представить типичный день среднего бонда:

— В пять часов утра, согласно нашей системе отсчета времени, бонд отправляется возить на телеге камни, чтобы подправить ведущую к его ферме дорогу, поврежденную недавним оползнем. Оползни в Исландии происходят довольно часто.

— В девять часов утра нашему бонду пришлось лечить корову, сломавшую себе ногу.

— Еще через час он идет косить сено, каковое занятие имело особую важность в стране, жившей разведением скота. Дело это одновременно являлось важным и ненадежным из-за сильных ветров и постоянных дождей, грозивших сгноить сено. Косить траву приходилось довольно часто, так что жизнь крестьянина подчас подчинялась ритму сенокоса.

— Около полудня ему пришлось мирить двух своих слуг, чтобы вовремя прекратить чреватую серьезными последствиями ссору.

— Около трех часов он берется за старательное изготовление полозьев для саней, на которых поедет на похороны дяди, жившего в двух днях пути от его дома.

— В пять часов дня он идет доить своих коров, перед этим посоветовав своему слишком пылкому сыну отвязаться от дочери соседа, которая, с одной стороны, еще слишком молода, а с другой стороны, не считается партией, достойной их семьи.

— В шесть часов дня (если говорить об июне) он берется за починку мостовой во дворе своей фермы, которую подпортил последний несвоевременный разлив протекающей неподалеку реки. Зимой в это время он скорее всего вернется домой, где займется резьбой по моржовому клыку, создавая великолепную резную рукоятку для своего ножа.

— В семь часов он отобедает большим куском белого палтуса.

— Час спустя он садится ткать вадмель.

— После девяти часов он слушает бродячего скальда (эти поэты очень часто бродили с места на место). Выслушав длинную и сложную песнь, он будет на досуге вспоминать и обдумывать ее текст.

— После десяти часов, прежде чем лечь спать, он будет долго разговаривать со своим двоюродным братом Вилхьялмом, совсем недавно вернувшимся из Аравии, где он повидал многое такое, «о чем стоит рассказать». После этого он отправляется в постель к молодой жене, чтобы там достойным образом закончить трудовой день.

Этапы жизни и сопровождавшие их основные обряды

В силу обстоятельств исландец, проводивший все свое время в рамках своей семьи или клана, обращал особое внимание на ритуалы, связанные с важнейшими событиями в жизни человека, то есть рождение, брак и похороны. Совершение этих важных обрядов состоит в том, чтобы показать, что понятие одиночества не имеет смысла. Речь идет о включенности человека в религиозный контекст или, по крайней мере, в систему предначертанного (рождение), или о культе семьи, во все времена очень почитавшейся в Германии, или о почитании предков, которое было, вероятно, точкой отсчета этой религии в ее языческой версии.

◆ Несколько необходимых слов о качестве наших источников

Теперь мы попадаем в область одновременно простую и деликатную. Простую — так как, естественно, рождение, брак, кончина были весьма важными событиями, когда следовало уделить наибольшее внимание действиям или обрядам, имевшим порой весьма красноречивый облик. Как и у других народов, переход от детства к зрелому возрасту или из состояния холостяка к состоянию женатого человека и отца семейства не могло произойти без соответствующего обряда.

Область эта имеет особый характер, потому что заставляет нас внимательно присмотреться к одной из наиболее острых проблем, которые ставит перед нами изучение средневековой

исландской — да и скандинавской в целом — культуры. Постараемся изложить ее в максимально ясном и обобщенном виде, заранее предупредив, что с этой проблемой мы будем сталкиваться почти везде.

Камень с самой длинной надписью на старшем футарке

Итак, речь пойдет об источниках. В общем, для изучения средневековой исландской культуры мы располагаем двумя видами источников информации: археологическими — их следует считать основными, всегда предпочитать прочим и использовать в первую очередь; и литературными, очень многочисленными и разнообразными.

Однако археологических свидетельств не так уж и много. Одна из причин этого состоит в том, что большая часть бытовых предметов изготовлялась из дерева — материала достаточно недолговечного. Мы уже говорили (и готовы повторить), что изделия из камня в Исландии встречаются очень редко, и большого числа достойных внимания каменных памятников до нас не дошло. Деревянные предметы, ткани любого рода, редкие предметы из металла не позволяют делать определенные и категоричные выводы. Возьмем в качестве примера рунические надписи, дошедшие до нас от эпохи викингов и позволяющие познакомиться с их деяниями. Руны *футарка* (так называется алфавит этой письменности), состоящего из шестнадцати знаков, появились около 800 года и использовались, по крайней мере, до XIII века, то есть на протяжении всего начального периода исландской истории. К рассмотрению письменности мы обратимся позднее (см. Скандинавский язык, глава 6), хотя она напрямую связана с изучением средневековой скандинавской цивилизации. В самой Исландии обнаружено удивительно малое количество подобных надписей, и по очень простой причине: как правило, они вырезались на древесине или камне. Мы уже упоминали об отсутствии на острове собственной древесины, а

также о непрочности этого материала и о почти полном отсутствии пород камня, на которых можно было бы наносить надписи. Таким образом, рунические надписи, представляющие собой первоклассные свидетельства эпиграфического и археологического характера, встречаются здесь крайне редко.

Можно спросить: а как же тексты? Ведь помимо множества саг существуют кодексы законов и ученые труды по математике, грамматике, естественным наукам, теологии и т. д. Здесь следует отметить, что в Средние века литературная продукция ни одной страны западного мира не могла соревноваться — по крайней мере количественно, — с исландской. Однако необходимо обратить особое внимание на факт, не оцененный должным образом вплоть до второй половины XX века, игнорирование которого привело к многочисленным искажениям сюжетов, почерпнутых из исландской литературы в течение по крайней мере трех веков.

Давайте вспомним факты: исландцы прочно обосновались на острове к концу IX века, принеся с собой традиции, обычаи и верования, которые к тому времени, возможно, не были уже абсолютно однородными, так как отчасти подверглись кельтскому влиянию. С другой стороны, еще раз напомним о том, что исландец X века — это прежде всего викинг. Как мы говорили выше (см. Заселение, глава 1), к этому времени викинги уже посетили многие европейские страны и близко познакомились с христианством, многие из них наверняка уже должны были получить предварительное крещение, дающее возможность познакомиться с основами христианского вероучения. В 999 году Исландия единодушно принимает христианское исповедание. Нет никаких оснований подозревать, что этот переход происходил под внешним давлением или допускал нерешительность: анализ религиозной жизни страны с этого момента и до конца XIV века не оставляет, как нам кажется, места сомнениям в серьезном приятии местным населением новой веры. В начале XII века возникает исландская литература: вершина ее расцвета приходится на XIII–XIV века. Вполне очевидно, что авторами всех сохранившихся текстов были или клирики, или светские люди, получившие церковное образование; ими могли быть также ученики известных клириков. Мы не намерены здесь приводить многочисленные примеры, поскольку подобная работа была неоднократно проделана за последние полвека.

Отсюда следует, что наши источники — все наши источники — нельзя считать абсолютно полноценными. Поскольку нам неизвестно, в какой мере авторы, составлявшие кодексы законов, ученые труды и саги, извлекали записанные ими сведения из подлинной местной традиции или же просто занимались пересказом кельтской, греческой и латинской христианской литературы.

В качестве примера упомянем об обряде *ausa barn vatni*, в ходе которого новорожденного обрызгивали водой, прежде чем официально «признать» его. Являлся ли он некоей имитацией христианского крещения, или здесь следует видеть возрождение архаичного германского обряда?

Саги как будто бы дружно утверждают, что Северная Америка была открыта осевшими в Гренландии исландцами. Очень хорошо. Однако критический анализ этих источников позволяет усомниться в этом факте, поскольку саги противоречат друг другу. Являются ли эти сведения подлинными, или авторы саг просто повторяли модные в то время (конец XIII века) мотивы распространенных в кельтском мире повествований о «высоких духом» или сказочных путешествиях? Так, например, бог Бальдр являлся персонажем двух противоположных легенд: одной, называвшей его красивым, добрым, справедливым и невинным богом, несправедливо принесенным в жертву; и другой, в которой он является воинственным молодцом, соблазнителем женщин и хвастуном. Которая из этих личностей является подлинной? В первом случае мы имеем дело с аналогом Христа, во втором — Ахилла. Ограничимся этим примером,

так как список подобных объектов может быть значительно увеличен. Наблюдателя может удивить значимость в древнегерманском религиозном мире всевозможных женских божеств (мы уже говорили об этом мимоходом — см. главу 2); здесь можно усмотреть или особенное распространение культа Девы Марии в XII веке, либо за всеми этими норнами, валькириями, фюльгьями, хамингьями, дисами и т. д. следует видеть возрождение древней Богини-матери, или Великой Богини, которая, как известно, правила миром древней скандинавской религии.

*Памятник Лейфу Эйрикссону
в Вирджинии*

Мы хотели привлечь внимание к этой проблеме, потому что, на наш взгляд, при исследовании древнескандинавского мира следует вооружиться умеренной критичностью. Мы не собираемся отрицать специфичность средневекового исландского мира, в особенности его обычаев, верований или основных обрядов; мы только хотим предостеречь читателя от чрезмерных и слишком скороспелых представлений, поскольку нам кажется, что дошедшие до нас тексты написаны поверх существовавших раньше, и следует научиться читать их между строк... То есть существует вполне реальная возможность выделить и освободить от внешних влияний древнескандинавскую часть обрядов, обычаев и верований.

◆ Рождение исландца

• *Посвящение могущественным силам*

Мы не располагаем описаниями обрядов, связанных с рождением; для приемлемой реконструкции приходится пользоваться материалами ряда источников.

Женщина рожала, стоя на коленях на утоптанной земле. В случае необходимости ей помогали одна или несколько повитух, которые могли исполнять магические действия, то есть

кричать, стенать или произносить заклинания. Таким образом, новорожденный попадал на землю. Возможно, что мать или ее помощница затем поднимали ребенка к небу — к солнцу, которое в германских языках является объектом женского рода, которому поклонялись и которое могло быть основной фигурой пантеона богов, олицетворяя Богиню — упоминавшуюся выше Богиню-мать. Потом ребенка обрызгивали водой, исполняя обряд *ausa barn vatni*, о котором осталось множество упоминаний. Мы уже говорили, что в отношении него особой определенности не существует, однако здесь выстраивается логический ряд: спуск на землю-мать, подъем к солнцу-матери и обрызгивание водой представляют собой посвящение трем природным стихиям. В любом случае обряд замечательно совпадает с «естественной» интерпретацией древней религии, о которой мы будем говорить позднее (см. Мифология и боги, глава 5).

Возможно, что эта совокупность важных действий определялась волей дис (*dises*, мн. ч. *dísir*), богинь многочисленных и малоизвестных, чья древность кажется установленной, так как их название соответствует санскритскому *dhisanas*. Считалось, что к числу дис принадлежат валькирии и норны, то есть богини судьбы и посмертного упокоения. Подлинность такого представления, по всей видимости, подтверждается тем, что образ сверхъестественной женщины-покровительницы, ответственной за судьбу новорожденного, надолго закрепится на Севере, а также потому, что подобных представительниц женского пола континентальные германские племена в римскую эпоху почитали в облике матушек (*matrae, matronae*). Их насчитывается около доброй сотни.

• Наречение имени

Обычай этот выполнялся не для того, чтобы помочь ребенку выжить. Через некоторое время после родов к ребенку приходил отец, чтобы признать его своим; этот архаичный обряд еще не до конца исчез из наших обычаев. Отец мог — по самым различным причинам, вплоть до самых вздорных, — не признать новорожденного: в этом случае бедного младенца просто выбрасывали на проезжую дорогу, на растерзание диким зверям или хищным птицам, что называлось *útburdr*. Такая практика, несмотря на свое варварство, была довольно распространенной по крайней мере в языческие времена, лишь позднее Церковь строго запретила подобные деяния. В эпоху составления саг и поэтических произведений нередко находилась добрая душа, обычно мать, спасавшая ребенка тем или иным способом.

Если отец принимал ребенка, то в знак этого он поднимал его к небу и обрызгивал водой, а затем исполнял крайне важное действие: давал новорожденному имя и объявлял себя его отцом.

Здесь необходимо краткое отступление. Исландская цивилизация — в этом она не оригинальна — не знала фамилий, в которые, как известно, часто превращается прозвище (например, у французов *Leroux* — Рыжий, *Legrand* — Большой) или указание на место жительства (например, у французов *Dupont* — у моста, *Dubois* — у леса). Человека было принято называть сыном или дочерью своего отца. Эта традиция долгое время оставалась неизменной как в Исландии, так и по всей Скандинавии (случаи наименования по матери происходили крайне редко и в совершенно определенных ситуациях). Таким образом, возникли фамилии Олафссон — сын Олафа (*Óláfr*) или Сигурдарсон (*Sigurðarson*), сын Сигурда (*Sigurðr*), или Бодварсдоттир, дочь Бодвар (*Böðvarr*), или Освифсдоттир, дочь Освиф. Акт наречения имел чрезвычайно важное значение, поскольку он вводил новорожденного в семью, об особой важности которой для жизни исландца мы уже говорили. Таким образом, ребенок включался в клан, входил в сообщество, признанное и утвержденное многими поколениями.

Итак, наречение не могло произойти случайным образом или в результате полета чьей-то фантазии. В семьях существовали различные традиции: так, например, ребенка могли назвать именем знаменитого прародителя или прародительницы в рамках древнего культа предков, возможно, представлявшего собой самое раннее проявление религиозности в скандинавском обществе. Человек существовал только благодаря своей принадлежности к семье, так что обычным правилом было называть ребенка именем, которое перекликалось в своей основе с именем его предков. Таким образом, Сигурд скорее всего нарекал сына Сигмундом; тот в свой черед называл своего сына Сигвардом и так далее, а дочь получала имя Сигрун. Подобное наречение позволяло запомнить все колена своего рода, так как человек не считался правоспособным, если не мог воспроизвести впечатляющее количество поколений своих предков. Этот обычай можно было, таким образом, считать «мнемоническим»: вспомним и о постоянно применявшейся в поэзии аллитерации ключевых терминов (см. Поэзия скальдов, глава 6). Использовался и более сложный метод — новорожденный мог получить имя, составленное из разных слогов имен отца и матери. Например, Сигурд, женившись на Гудрун, мог дать своей дочери имя Сигрун. Внутри одного клана могло также существовать определенное имя, которое давалось перворожденному в новом поколении. В итоге в подобной семье друг за другом фигурировала целая цепочка Эгилей (род Мираменнов), Стурл (Стурлунги), Колбейнов (Асбиринги).

В любом случае появление в семье нового человека никогда не отдавалось на волю случая. Когда мы говорим об Эгиле из рода Мираменнов, то, по сути дела, упоминаем героя хорошо известного повествования — «Саги об Эгиле, сыне Грима Лысого». Впоследствии человек мог получить прозвище (Эйрик Рыжий, Хавард Хромой, Гудмунд Могушественный, Орм из Свинафелла и т. д.). Само собой разумеется, что с точки зрения разнообразия выбор имен не являлся бесконечным, но самым важным здесь было то, что новорожденный не попадал в атмосферу некоего одиночества, что он действительно становился неотъемлемой частью своей семьи, в широком смысле этого понятия. Нельзя исключать также и веру в перевоплощение душ, практику, о которой, впрочем, осталось немного свидетельств, но вполне вероятную в северной культуре. Кроме того — хотя эта теория теперь, скорее, отброшена, — на выбор имени могли влиять и идеи тотемического плана, о чем свидетельствует наличие среди имен названий животных: Бьорн (медведь), Хрут (баран), Орн или Арни (орел), Орм (змея), Ульф (волк) и даже Хестховди (лошадиная голова). В этом отношении стоит упомянуть, что великий северогерманский героический эпос о Сигурде-Зигфриде, убийце дракона Фафнира, помечен знаком лошади (*völsi*), так как герой принадлежит к семье Вольсунгов, потомков Вольси. Не стоит также забывать и о том, что все упомянутые выше обычаи, само собой разумеется, имели отношение только к людям, принадлежавшим к категории бондов или свободных людей, — единственной категории исландцев, сведениями о которой мы располагаем, так как в древних текстах говорится исключительно о них.

Должным образом признанный и названный новый человек входил в коллектив своей семьи и мог рассчитывать на нее до тех пор, пока не становился взрослым, причем это понятие также не совпадает с нашими современными представлениями. «Взрослыми» исландцы становились к двенадцати — четырнадцати годам (в различных источниках упоминаются различные цифры), когда мальчик достигал половой зрелости, а девочка — брачного возраста.

◆ Брак

Переходя к данному вопросу, следует начисто забыть о современных романтических или сентиментальных представлениях: в древней Скандинавии брак, событие крайне важное, если не определяющее судьбу человека, являлся прежде всего сделкой, в которой личные чувства если и не были полностью исключены, то не являлись определяющим ее элементом. Брак назывался словом *kaup* (см. немецкое *kaufen*), *britúðkaup* — покупкой невесты. Термин *kaup* хватывал не только понятие покупки, но и обозначал любую важную коммерческую операцию — куплю, продажу, иную финансовую сделку и т. д. Таким образом, речь шла о «сделке», совершаемой двумя семьями или кланами, цель которой состояла в том, чтобы объединить два состояния (поля, луга, фермы, различного рода собственность) согласно довольно суровому принципу паритета. И даже больше: объединялись два клана, каждый со своим известным и уважаемым прошлым, со своими основанными на традиции правами, с достойными памяти предками и более или менее престижным родством. Согласие обоих заинтересованных лиц — еще очень молодых согласно нашим нынешним критериям — требовалось скорее для проформы, но было обязательным. Очень часто использовалась формула *hún var hánum gefin til fjár*; «она отдана ему в брак за серебро». Внебрачное сожитие ни к чему не обязывало, так как дети, рожденные от таких союзов, не считались законными и, за редкими исключениями, не получали наследства; то есть подобным образом удовлетворялось только сексуальное вожделение.

Как и в других культурах аграрного типа, все свадебные хлопоты ложились на плечи свата или свахи — обычно старшего из членов семьи будущего жениха, друга или просто надежного человека. Именно сват или сваха подбирали пары и предлагали обеим сторонам кандидатов. Долгие переговоры между сторонами касались прежде всего приданого (*heimanjylgja*) невесты, а также — следует это отметить — *mundr*, или мужской доли наследства, которую приносил с собой жених и которая должна была соответствовать приданому. *Mundr* при любом раскладе оставался личной собственностью невесты после брака. Приданое могло образовывать весьма внушительные суммы, составляющие главный интерес сделки.

Итак, в браке «сочетались» прежде всего два состояния, две родовые традиции, два понятия о семейной чести. О том, что именно эти понятия составляли основу подобных союзов, известно немногим. Сын клана А сочетался браком с дочерью клана В, в результате чего оба клана вступали в тесную связь, при которой сплавлялись их бессмертные традиции; так образовывалась базовая ценность исландской цивилизации: оставляемая после себя репутация. Здесь стоит процитировать замечательные строфы 76 и 77 из *Речей Высокого* («Старшая Эдда»):

76.

Гибнут стада,
Родня умирает,
И смертен ты сам;
Но смерти не ведает
Громкая слава
Деяний достойных.

77.

Гибнут стада,
Родня умирает,
И смертен ты сам;
Но знаю одно,
Что вечно бессмертно:
Умершего слава.

(Пер. А.И. Корсуна)

Таким образом, брак являлся не только событием общественным и социальным — в нем присутствовали элементы политики: не так уж редки известия о двух враждующих кланах (речь, естественно, шла о свободных людях, *góðviljatenn*, игравших свою определенную роль в истории страны), примирившихся благодаря браку сына одного клана с дочерью клана другого. Интересно, что саги, весьма точно названные семейными, показывают, до какой степени брачные союзы совмещали устные традиции обоих кланов, в результате чего создавались повествования, которыми мы располагаем в настоящее время.

• Помолвка

Когда все детали были утрясены, оставалось только отпраздновать брак. Ему могла предшествовать помолвка (*festr, festarmál* — обряд, похоже, христианского происхождения) различной длительности: согласно некоторым источникам, будущему жениху давался срок до нескольких лет — обыкновенно трех — на которые он мог отправиться за море и по возвращении в названное время вступить в брак. Цель помолвки главным образом заключалась в фиксации (глагол *fastna*, откуда появились термины *festr, festarmál*) объемов приданого, условий брачного соглашения и т. д. Помолвка сопровождалась *gíptrmál*, то есть торжественной передачей невесты, иначе говоря, заключением контракта.

• Свадьба

Свадьба в большинстве случаев происходила в доме жениха, и лишь изредка в доме невесты с возможным для хозяев размахом; она называлась *brúðlaup* — термин, который заставляет задуматься, так как вторая его часть (*лаурили hlaup*) отсылает к понятию «бега»: возможно, речь идет о лексикологическом отзвуке очень древнего обычая похищения невесты, о котором, однако, в дошедших до нас текстах свидетельств нет. Обряд заключения брака, о деталях которого мы не имеем ни малейшего представления, видимо, совершался священником, либо просто главой семьи, — мы уже имели возможность показать его главную роль во всех религиозных обрядах. Обряд бракосочетания, как, впрочем, любое действие юридического характера, требовал наличия свидетелей. Важную роль в нем, как, впрочем, и во многих других случаях, играло свадебное застолье, или *brúðveizla*, продолжавшееся в течение нескольких дней. Пиршество было запоминающим, во время него произносились здравицы (*drekka minni* — «пить память»; действие это понималось как нисходящее от причастия), поминались славные предки обеих семей. После этого невеста водворялась в своем новом жилище, где должна была безраздельно властвовать над своими домочадцами. Идея свадебного путешествия, *búðferð*, не была неизвестна исландцам, но совершалось оно достаточно редко.

Обычно заключенные таким образом брачные союзы оказывались довольно устойчивыми, и до нас дошли многочисленные свидетельства удивительной верности супругов друг другу. Примером может послужить случай, описанный в *Саге о Ньяле Сгоревшем*. В главе 129 Бергтора, жена Ньяла, была захвачена вместе с мужем в доме, который уже подожгли, чтобы Ньял сгорел в нем. В порыве гуманности поджигатель предложил Бергторе выйти из объятаго

пламенем дома, пообещав ей полную безопасность: «так как я ни за что на свете не хотел бы, чтобы ты умерла, сгорев заживо». Бергтора ответила ему: «Я была молодой, когда меня отдали Ньялу, и тогда обещала ему разделить с ним судьбу во всем». Она вернулась в дом к Ньялу и умерла рядом с ним.

За супругами сохранялось право развода при соответствующих обстоятельствах. Процедура развода была достаточно простой: достаточно было указать причины развода, призвать свидетелей и объявить себя разведенными. Однако такой поступок подчас мог повлечь за собой серьезные последствия, как в отношении детей от прерванного брака, так и кланов обоих супругов, воспринимавших подобное решение как оскорбительное и нередко по этой причине переходивших к вражде.

◆ Похороны

Теперь, зная о важности семьи для исландца, мы можем легко понять, насколько значительным событием оказывалась смерть какого-нибудь известного человека, главы клана, семьи или просто влиятельного бонда. Фактически здесь подразумевалось сразу две вещи: с одной стороны, следовало обеспечить покойнику легкий переход к загробной жизни (в существовании которой исландцы и не думали сомневаться), а также сделать все возможное, чтобы обеспечить преемственность внутри клана. Смерть воспринималась как переход из одного состояния в другое, но не как конец или полное прекращение бытия.

• *О погребальных обрядах*

Мы не располагаем источниками, восходящими к языческим временам, так что имеющаяся у нас информация следует воспринимать с оговорками. Подробное описание обряда похорон знатного руса-варяга содержится в необыкновенно занимательном описании путешествия, совершенного в 922 году арабским дипломатом, представителем багдадского халифа, Ибн Фадланом. Знатного покойника сожгли на берегу Волги вместе с кораблем и принесенными в жертву рабами, однако такой обряд не мог практиковаться на лишенном собственной древесины острове — как, впрочем, и сожжение на отправленном в море корабле-могиле, в соответствии с описанием похорон бога Бальдра согласно Снорри Стурлусону.

Похороны знатного руса. Художник Г.И. Семирадский

Тем не менее, некоторые детали, присутствующие в текстах саг, могут иметь очень древнюю основу. Так, например, *Сага об Эгиле, сыне Грима Лысого* повествует о смерти важного бонда. Отдавая последний долг усопшему, главный наследник закрывает воском все отверстия в теле покойного — вне сомнения, для того, чтобы помешать духу выйти из тела и остаться на земле в виде *драуга* (об этом мы будем говорить позднее). Обряд этот назывался *veita nábjargir*. После этого в стене за трупом проламывалось отверстие, через которое тело выносили из дома, после чего заделывали созданный проем. Действие это должно было помешать покойнику возвратиться в свое жилище (еще совсем недавно в стенах некоторых наиболее древних церквей Норвегии существовало исполнявшее ту же функцию отверстие, раскрывавшееся при необходимости и называвшееся *likdør* — дверь для трупа). После этого тело должным образом погребалось: в древние времена — под крышей фермы, а в христианскую эпоху — в притворе или под полом местной церкви. Иногда, хотя и очень редко, труп укладывали в корабль и хоронили вместе с ним, хотя этот обычай чаще всего встречался в континентальной Скандинавии.

• *Юридическое сопровождение похорон*

Похороны представляли собой одновременно и юридическое мероприятие. Речь идет о передаче власти вождя и наследства.

Считается, что власть, прерогативы главы семьи, значимость которых регулярно подчеркивалась на страницах этой книги, передавались перворожденному наследнику мужского пола, однако тем не менее официально закрепленного права первородства не существовало. Мы не знаем, при помощи каких-либо действий, формул или обрядов новый глава семейства оказывался введенным в свои права; единственным имеющимся у нас сведением, согласно *Саге о людях из Озерной Долины*, является его право занимать верхнее место, или *öndvegi* (см.

Жилище и обстановка, глава 9), после выполнения всех официальных обрядов похорон.

Обряд вступления в права происходил, насколько нам известно, в ходе поминального застолья, или *erfiveizla* (*erfi*= наследство, *veizla*= пир), которым руководил будущий глава семьи. Здесь пили в память усопшего (*drekkja erfi*) и его предков, декламировали сочиненную по случаю поэму, *erfidrápa*, вознося хвалу умершему, после чего жизнь возвращалась в свою колею. Разумеется, на таком пиру, как и в другие времена и в других местах, возникали ссоры. Нет оснований предполагать, как мы только что говорили, что существовало некое право старшинства; новым главой семьи становился, по всей видимости, или тот, кого выбрал сам усопший, или тот из наследников, который оказался наиболее способным захватить права. В любом случае память об усопшем набожно сохранялась, и не стоит пренебрегать предположением о том, что великие саги могли изначально служить откровенными панегириками особо заслуженным предкам.

• *Драуг, или оживший мертвец*

Погребальной культуре средневековой Исландии, где смерть считалась не абсолютным прекращением жизни, а переходом от одного вида бытия к другому, были присущи собственные специфические представления: например, было очень важно и просто необходимо, чтобы мертвец умер по правилам, если можно так выразиться, иначе дело могло иметь самые серьезные последствия. Речь здесь идет о *драуге*, персонаже, хорошо известном по доступным нам текстам, глубоко вошедшим в мироощущение исландского народа и фигурирующем в исландских народных сказках. Это мертвец, «умерший плохо» по какой-либо из множества причин: из-за собственного дурного характера, неизвестной причины смерти, или смерти во время судебного процесса по его делу, или недовольный тем, как наследники управляют имуществом, и так далее. То есть драуг — это мертвец, не принявший обстоятельств своей смерти и вернувшийся. Следует четко уяснить, что драуг — не дух или призрак, это оживший мертвец, имеющий физическую природу: он ест, пьет, спит, сражается, как живой, и вредит людям всеми возможными средствами. Такого следует заставить умереть, в самом истинном смысле этого слова. Церковь располагала на сей счет рядом молитв и экзорцизмов, однако явление это носило подлинно языческий характер с «юридическим» оттенком. Чтобы изгнать драуга из мира живых, собирался «суд в дверях смерти», *dúradómr*, — по всей требуемой форме, с адвокатом обвинения, адвокатом защиты, составом суда; заслушивались доказательства и свидетели, которых драуг мог призвать на трибунал, заставлявший его принять состояние законно умершего. Обыкновенно дело на этом заканчивалось, и мертвец смирялся со своим положением. Однако сохранилась память и о более упрямых драугах, с редкой настойчивостью осуществлявших свою месть. Одна из подобных зловещих историй рассказывается в *Saga о людях с Песчаного берега* или *Saga о Снорри годи*, где фигурирует Торбьерн Изувеченный. Происхождение подобных представлений нетрудно понять: мир мертвых представлялся исландцам подобием нашего мира, но в нем должны были царить мир и покой, невозможные, если нарушена земная справедливость.

◆ *Об инициации молодых людей*

Рассказывая об обрядах перехода, следует упомянуть, что исландская цивилизация, похоже, не имела особенных обрядов для перехода молодых людей в статус взрослых. Жорж Дюмезиль усматривал в длинном повествовании Снорри Стурлусона из «Младшей Эдды», где

рассказывается о борьбе бога Тора с гигантом Хрунгниром, ритуал становления молодого воина, однако у нас нет никаких свидетельств, подтверждающих это предположение. И если в героическом цикле «Старшей Эдды», посвященном Сигурду, убийце дракона Фафнира, мы действительно видим события и развитие интриги, соответствующие кульминационным моментам достижения молодым героем статуса несравненного воина (умерщвление дракона, преодоление стены пламени, за которой спит усыпленная чарами валькирия, обретение золота Рейна); очевидно, что эти прекрасные образы несут прежде всего символическую нагрузку.

Однако, как и следовало ожидать, молодой человек оказывался достойным состояния взрослого человека, потенциального героя повествования (например, саги, *söguligr*), лишь подвергнувшись испытанию *skaprauni* выйдя из него победителем. Слово *skapraun* буквально означает испытание (*raun*) характера (*skapr*). Таким образом, в конце детства исландец оказывался перед лицом испытания, которое могло принять самую различную форму: перемещения меж его фермы или угона табуна его лошадей, ругани в адрес его самого или его близких, и так далее, представлявшим прежде всего посягательство на его честь и репутацию. Он мог узнать об этом сам или через упреки или колкости со стороны старика (отца, например), или, что особенно ужасно, женщины. Важно было то, как он приступал к делу, как смывал оскорбление и как его возмещал. Совершая отмщение, он преодолевал важный этап, становился взрослым, получал право на сагу и долгую память потомков. В противном случае, если он не сумел справиться с ситуацией — а Исландия, как и любая другая страна, знает трусов, нерешительных и добродушных людей, — он станет *auvirði*, посредством, и будет считаться позором для своего рода. Итак, решающим критерием здесь было право на сложение саги о герое, и мы еще вернемся к этому моменту.

Для исландской культуры было характерно полное отсутствие конфликта поколений. Дети, становившиеся взрослыми к 12–14 годам; женатые люди; старики, которыми становились скорее по физическим причинам: потере сил или остроты рассудка, чем в силу возраста, взаимодействуют между собой без каких-либо противоречий; в этом обществе, как мы уже говорили в начале книги, безраздельно властвует понятие порядка, к которому мы вновь обратимся при рассмотрении исландской религии. Все — каждая вещь, существо, человек — должно было занимать свое место, а всякие маргиналы и асоциальные типы считались в высшей степени ненормальными и скандальными. В конечном счете таких людей было очень немного. Добавьте к этому прагматичность человеческого существования, о чем изумительно свидетельствует строфа из *Речей Высокого*.

Ездить может хромой,
Безрукий — пасти,
Сражаться — глухой.
Даже слепец до сожженья полезен,
Что толку от трупа.

(Пер. А.И. Корсуна)

Религии в том смысле, который мы обычно вкладываем в это слово, в дохристианской Исландии (и вообще в Скандинавии) не существовало. У северян не имелось самой идеи связи (*religere*) между реальным и духовным мирами (поэтому их священники сильно отличались от христианских), и представлений о совершенстве или идеале, то есть месте, где наши земные понятия достигали бы своего абсолютного и абстрактного предела (*re-legeré*). Не существовало также и представлений о небытии или абсолюте. Исландцы знали только высшие силы, несколько неопределенные и поэтому упоминаемые во множественном числе, даже в нейтральной форме, которые управляли судьбами; считалось важным добиться от них милости своими действиями, поступками, приношениями. Таким образом, «религия» сокращалась до культа, который в свою очередь преобразовывался в набор магических действий.

Эта тема очень обширна и не имеет определенных границ. Она, бесспорно, выходит за рамки того краткого обзора, которым нам придется ограничиться на этих страницах. Не следует также забывать об оговорках, приведенных в начале предыдущего раздела (см. Этапы жизни, глава 4): мы не можем знать степень подлинности сообщений о язычестве в письменных источниках, которыми располагаем. Эта серьезная проблема породила множество весьма интересных теорий. Мы будем придерживаться так называемого естественного подхода, потому что, с одной стороны, создание развитых абстрактных или метафизических систем не является сильной стороной древних исландцев, а с другой стороны, потому, что между идиосинкразиями и мифами, ритуалами, обрядами, верованиями, которые мы можем попытаться восстановить, возникло нечто вроде сговора (рискнем воспользоваться подобным термином). Стоит еще раз напомнить, что авторы двух наших основных источников — датчанин Саксон Грамматик (*Saxo Grammaticus*), автор «Деяний датчан» (*Gesta Danorum*, ок. 1200 года) и исландец Снорри Стурлусон («Младшая Эдда», ок. 1220), были добрыми клириками, получившими классическое образование. Они только придавали собственную интерпретацию преданиям, которые хотели донести до потомства, а порой и сами-то не слишком хорошо понимали собственные источники. И чтобы, наконец, завершить преамбулу, напомним, что исландцы были северными германцами, как и их прямые предки — норвежцы, и их, безусловно, не следует смешивать с континентальными германцами (предками немцев, голландцев и отчасти англосаксов): это очень важный момент. Мы уже говорили о Сигурде Фафниробойце, образце истинно германского героя. Типаж этот не является полностью исландским. Он мог прийти из Дании (из Бургундархольма — нынешнего Борнхольма, вне сомнения, являвшегося прародиной бургундцев): в легенде, описанной в «Песне о Нибелунгах», нет ничего исландского, она серьезно отличается от текста поэтической «Старшей Эдды» или от чисто исландской *Саги о Вольсунгах*.

Иными словами, германская мифологическая система не является монолитной, и любое обобщение окажется здесь чрезмерным по определению. В дальнейшем мы будем говорить о языческой религии, а затем о христианской, и об исландцах — северных германцах, смешавшихся с кельтами и буквально пропитанных христианской культурой. Мы полагаем, что этого достаточно, чтобы объяснить осторожность представленных утверждений.

Мифология и боги

Итак, очевидно: все, что мы можем узнать о языческой религии древних скандинавов из

исландских текстов, не представляет единого целого. Повторим еще раз: исландцы обобщили и изложили, так сказать, в рациональной форме обрывки информации, дошедшие до них сквозь века. Не следует забывать, что их мифология существовала как таковая лишь с конца IX века и основой для нее послужили прежде всего норвежские легенды.

Эдда Снофри Стурлусона. XIVв. Кодекс О. Ворма

Скандинавы в своей совокупности (каково бы ни было их происхождение) с незапамятных времен проживали на территориях, которые мы сегодня называем Швецией, Данией и Норвегией; местное население подверглось индоевропеизации около 3000 г. до Р.Х. и вошло в бронзовый век около 1800 года до нашей эры (периодизация скандинавских ученых не соответствует нашей). Этот последний период очень интересен, так как в это время были созданы знаменитые наскальные рисунки (*helleristninger* по-датски), являющиеся документами первостепенной важности — разумеется, в том случае, если мы сумеем расшифровать и интерпретировать их. Бронзовый век сменился железным, разделенным на три периода, в зависимости от основного влияния, испытывавшегося землями Севера: кельтский (400 г. до н. э. — начало нашей эры), римский (начало нашей эры — 400 г. н. э.) и континентально-германский (400–800 гг. н.э). Завершает все эпоха викингов (800–1100 гг. н. э.).

Периодизация основных этапов скандинавской истории

— Каменный век: до 1800 г. до н. э.

— Бронзовый век (1800–400 гг.)

— Эпоха кельтского железа (400 — Рождество Христово)

— Эпоха римского железа (Рождество Христово — 400 г.)

— Эпоха континентального германского железа (400–800 гг.)

— Эпоха викингов (800–1100 гг.)

Основанием для этой периодизации являются влияния, оказываемые на этот регион, про удивительную чувствительность которого к внешним воздействиям нам уже известно. Каменный век был временем охотников, рыбаков и собирателей, ведущих скорее всего кочевой образ жизни; в эпоху бронзы, когда население испытывало преимущественно индоевропейское

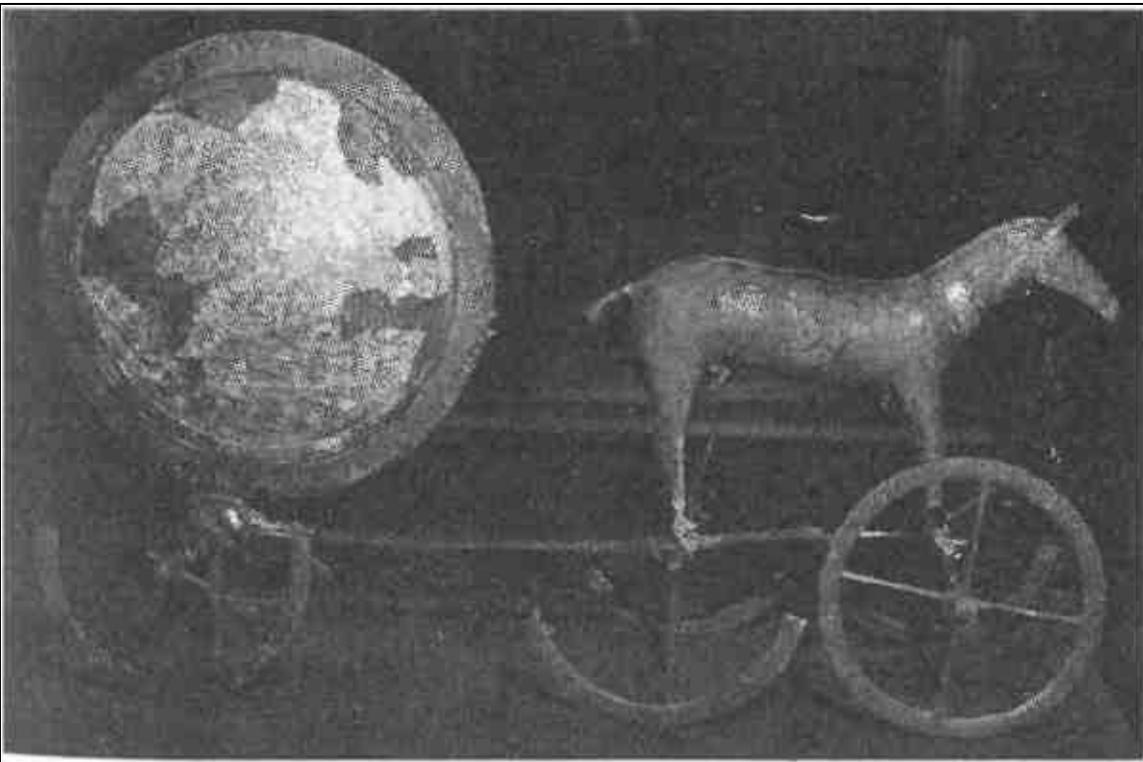
влияние, люди вели, скорее, оседлый и аграрный образ жизни. Кельты, по-видимому, принесли искусство литературного повествования, римляне дали северянам свое понимание права и закона. Континентальные германцы привнесли страсть к перемещениям, путешествиям и завоеваниям, наиболее заметным и известным проявлением которой явилась эпоха викингов. Следует признать крайне непоследовательную и нестабильную природу народов Севера в те далекие времена, чтобы понять, как они смогли (что и произошло на самом деле) воспринять такое количество разнообразных влияний. Следует также напомнить, что кимвры, тевтоны, вандалы, ломбарды, готы (остготы и вестготы), бургунды, руги и т. д., без сомнения, являлись скандинавами, и что они не стали дожидаться наступления 800 года, чтобы выйти за пределы своей страны. Мы уже неоднократно утверждали, что, будучи главным образом торговцами, северяне жили в тесном контакте с народами, являвшимися их клиентами и поставщиками, и потому испытывали их влияние и подражали им: интересно отметить некоторый культурный параллелизм, особенно религиозный. Представленная периодизация достаточно хорошо проверена Историей.

◆ Поклонение силам природы

Скандинав был всегда намного ближе к Природе с большой буквы, чем житель Средиземноморья. Скорее вследствие необходимости, чем по своей склонности, человек Севера находился намного ближе к великим силам, управляющим нашим миром. Суровый климат, сильные морозы, скудные почвы, бескрайние леса, вездесущая вода в любых видах и обличьях, дни, сумрачные зимой и яркие летом, формируют условия, к которым не так-то легко приспособиться. Иногда природа здесь становится удивительно дружелюбной, но чаще остается суровой и враждебной; к ней нужно приспособиться, примириться с ней, приручить ее, а в случае необходимости и заклясть ее. Солнце, как мы уже говорили, в германских языках является существительным женского рода, оно никогда не считалось здесь жестоким и неумолимым; скандинавы представляли светило благожелательным и дружелюбным:

Eldr er beztr med ýta sonum
Ok, sólar sýn
(Драгоценен огонь для сынов человека
И солнца сиянье), —

говорится в *Речах Высокого*.

Трундхольмская колесница

Очаровательная маленькая солнечная колесница из Трундхольма (Дания), состоящая из фигурки коня из позолоченной бронзы, тянущей тележку, на которой вертикально установлено солнечное колесо, одновременно свидетельствует о наличии культа светила и существовании процессий в его честь. Поскольку этот предмет датируется бронзовым веком, присутствие лошади, разумеется, не случайно: мы относимся к тем, кто считает, что их появлением северяне обязаны влиянию индоевропейцев, чье культурное превосходство было обусловлено отчасти умением приручать этих животных. Индоевропейским влиянием следует объяснять и поклонение безусловно архаичному божеству, которого Снорри Стурлусон называл Соль (*Sól*), то есть буквально «Солнцей» — в женском роде.

*Мумия из датских болот –
яркое доказательство
проведения обрядов,
посвященных неизвестному
божеству плодородия*

Вода также играла крайне важную роль в повседневной жизни: классические источники

подтверждают существование у германцев культов источников, водопадов, озер и т. д. Жертвенные колодцы или болота (мн. ч. *blótkelda*), куда сталкивали в искупительных целях человеческие жертвы, использовались до начала нашей эры. Знаменитые «люди торфяников» (*mosefolk*), обнаруженные в большом числе в голубых глинах Юланда (*Jylland*), Дания, и удивительно хорошо сохранившиеся, несмотря на свой двухтысячелетний возраст, стали ярким доказательством совершения обрядов поклонения неизвестному божеству плодородия. Исландские легенды сохранили топонимы, напоминающие о культе жертвенной топи, *blótkelda*. В конечном счете эта религия знала властителя моря великана Эгира, чье имя является филологически точным эквивалентом греческого Океана.

Мать-Земля, конечно же, была основой этого религиозного мира, как, впрочем, и других культур; здесь почитали горы, скалы, все, что растет на земле, — например, деревья, о чем многократно упоминается в источниках. Этот культ сохранялся очень долго, практически до эпохи колонизации Исландии. Фактически это была вера в существование духов-покровителей тех или иных мест, соответствующих латинским гениям места (*genius loci*), или *ландвоеттам* (*landvoettir* — во множественном числе), с которыми важно было жить в мире, если человек намеревался оставаться на данном месте: им приносили дары в виде еды и старались не тревожить понапрасну. Украшавшее носы кораблей викингов вырезанное чудовище или дракон было съемным: изображение должно было пугать ландвоеттов той страны, где высаживались викинги, для того, чтобы облегчить выполнение поставленных ими перед собой задач. По той же самой причине эти изображения снимали, приплывая в дружественную страну или к себе домой. Кроме того, существовало женское божество Иорд (*Jörð*), буквально — «земля», что можно сравнить с немецким *Erde* или с английским *earth*. А если говорить о деревьях, то в северной космогонии господствует великолепный образ мирового ясеня, или тиса — это Иггдрасиль, ось мира, *axis mundi*, и универсальная опора его.

Остается воздух, также обожествленный в лице загадочного Лопта (*Loptr*; то есть воздух) и представленный многочисленными крылатыми фигурами, существовавшими еще в эпоху бронзы в виде петроглифов, изображавших, в частности, валькирий и ветер, а также в виде волшебного кузнеца северной мифологии, Вёлунда, который создал крылья, наподобие Икара.

Таким образом, можно построить следующую схему:

Солнце Вода Земля Воздух

Доисторическая эпоха Представлены магическими знаками

Бронзовый век Наскальные надписи и рисунки

Век железа Тюр Ньёрд Матушки Вёлунд

Эпоха викингов Соль Эгир Иорд Лопт

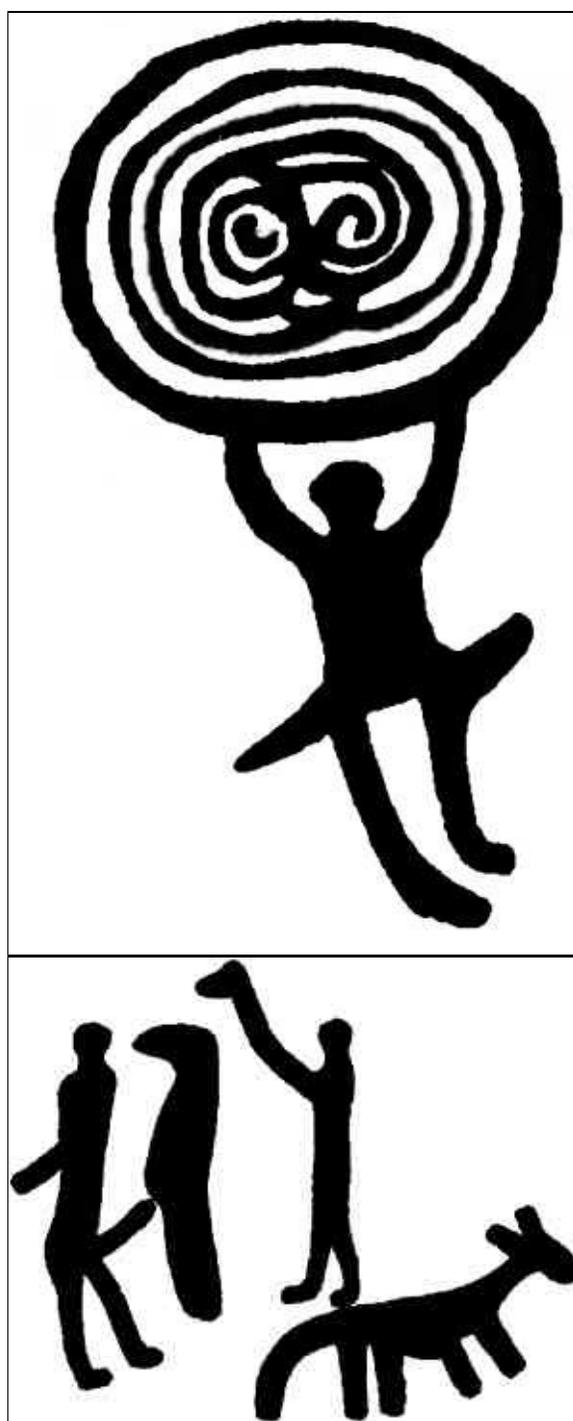
Раскроем эту схему согласно предложенной периодизации.

Итак, вначале существовали гиганты, олицетворявшие великие силы природы. Предания сохранили их «говорящие» имена: Йорд, Эгир, о которых мы уже говорили, а также Сньор (*Sniór*; снег), Логи (*Logi*, огонь), Хюмир (*Hymir*; влажность) и т. д. Эти силы в итоге породили богов и героев, таких, как волшебный кузнец Вёлунд, Хельги (что означает «священный») и Сигурд (*Sigurðr*, *Sifrît*). Гиганты хранили знание о природе вещей; чтобы обрести власть и знания, необходимо было советоваться, договариваться с ними. Так поступил впоследствии Один (см. «Старшую Эдду» — *Речи Вафшруднира*) обратившийся за советом к великану Вафтрудниру, чтобы получить знания о великих и священных тайнах. Великаны воплощают в себе основы мира. Здесь самым удачным примером можно считать Имира (аналог санскритского Ямы), в буквальном смысле слова сделавшегося создателем этого мира, так как все сущее было создано из частей его тела. К великанам восходят роды богов, конунгов и

обыкновенных людей. Подтверждением естественной природы великанов служит тот факт, что память о них дольше всего сохранилась в двух странах, пейзаж которых наилучшим образом сочетается с их образами, — то есть в Норвегии и Исландии. Их древность объясняет, почему у большинства антропоморфных богов, более молодых, чем они, были предки-гиганты.

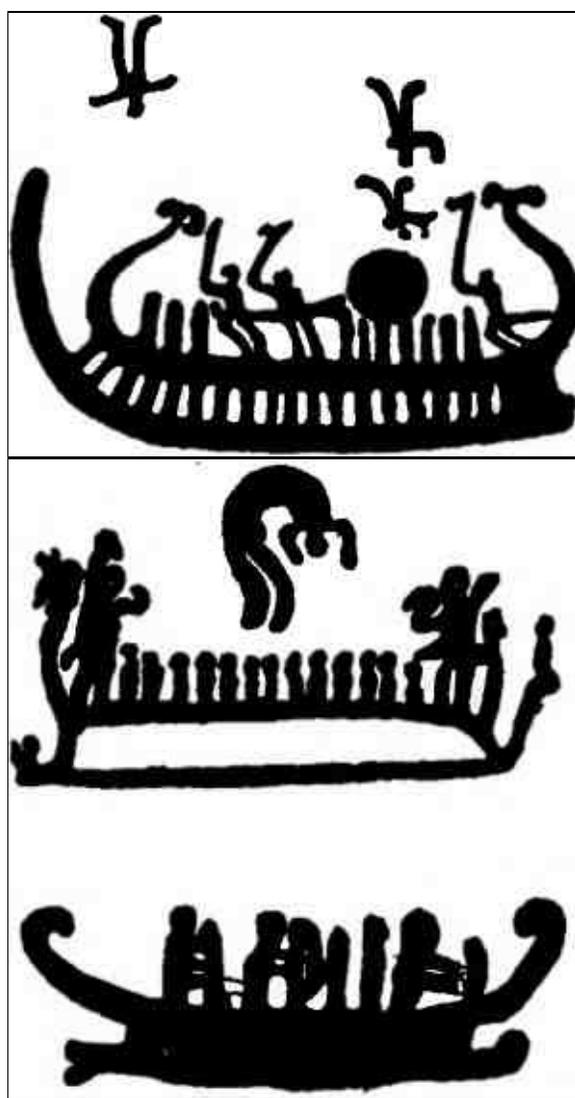

При этом великаны тесно связаны с карликами. До сих пор не решен вопрос, следует ли связывать истоки северной религии с гигантами как олицетворением великих сил природы, или с умершими великими предками, постепенно обожествленными и сделавшимися объектом поклонения. Карлик на древненорвежском называется словом *dverg* (*dvergr*) то есть «скрюченный» в физическом смысле этого термина: покойников хоронили в позе эмбриона, откуда и возникло это название. То есть карлики как бы олицетворяли усопших: они также обитали в подземном мире и были настолько тесно знакомы с его тайнами, что считались великими искусниками в обработке металлов и обладателями тайных знаний, о чем свидетельствует одна из песен «Эдды» (*Речи Альвиса*), в которой бог Тор обращается к карлику, чтобы получить от него знание скальдической поэзии. Церковь в своей борьбе против язычества приложила руку к тому, чтобы выставить карликов в карикатурном виде — как, впрочем, и великанов. По всей видимости, дошедшие до нас тексты представляют искаженный образ и тех и других.

Перейдем теперь к альвам, или эльфам — согласно распространенным романтическим представлениям (*álfar* на древненорвежском). Они, безусловно, относятся к числу изначально сотворенных существ, которых очень трудно охарактеризовать: возможно, альвы представляли собой покровителей умственных способностей, но это все, что мы можем о них сказать. Скорее всего поначалу они играли одну из главных ролей в мифологии, потому что эддические тексты приравнивают их к асам и ванам. Не очень ясен и их облик: возможно, они напоминали еврейских херувимов, однако сведений о них сохранилось крайне мало.

С наступлением бронзового века положение несколько облегчается, поскольку, как мы уже говорили, в это время было создано много наскальных изображений, разбросанных по всей территории Скандинавии: они предлагают нам некоторое ограниченное количество образов, существующих по отдельности или в виде сценок, которые иногда можно интерпретировать на основании более поздних источников.

Вполне обоснованным кажется предположение, утверждающее, что эти рисунки свидетельствуют о наличии солнечной космогонии, где лошадь и ладья являются олицетворениями солнца (соответственно дневного и летнего, ночного и зимнего). Это позволяет предположить существование божественной пары, в свой черед символизировавшей возрождение природы: Ньорд и Скади в исторический период, а также Фрейр и Фрейя. Среди наскальных изображений также присутствует небесная колесница, которой соответствует маленькая повозка из Труднхольма, а также боевой топор — *striðуха*, или ладьеобразный топор — *báтуха*, явно представлявший собой солнечное оружие. Обрядовая сторона этих рисунков может быть связана с опьяняющим напитком и магией, имевшей большое значение в древнем обществе (см. Магия, глава 5). Нередко изображения соединяются в сцены, которые отсылают зрителя к неизвестному сейчас обряду, отголоски которого, возможно, несут в себе современные исландские *dansar*.

Земной или подземный, хтонический, вариант служит наглядным отображением культа плодородия или плодovitости. В нем использовались изображения змей или драконов, многочисленные человеческие фигурки, обязательно итифаллические, а также фигурки свиней, служивших предметом жертвоприношения даже в христианские времена. Нередкие изображения священного брака (*hieros gamos*) напоминают нам о том, что скандинавские народы в глубокой древности исповедовали, как мы уже говорили, культ Богини-матери или Великой Богини, возможно, и по сию пору не исчезнувший из коллективного бессознательного. Следствием этого культа могут быть многочисленные изображения гермафродитов и близнецов, присутствующие в искусстве вплоть до наших дней.

До начала железного века, за редким исключением, оказывается невозможным выделить

одного или нескольких индивидуализированных богов или богинь, а между тем выделение их особенно важно для развития нашей темы. Персонификация богов имеет ряд следствий: социологическое, выражающееся в возникновении семьи, — *oett*, или *kyn*, политическое — примерно в это время происходит разделение территорий, занятых различными племенами (*land*— понятие, безусловно, очень древнее), сохраняет свое значение; лингвистическое — это время появления *urnordisk*наиболее древней формы языка, общего для всей Скандинавии; и культурное — в широком смысле этого понятия, типичное для Севера, где понятие культуры, согласно определению К. Леви-Стросса, применяется ко всему, чем человек дополняет природу.

*Фрейя. Бронзовая фигурка.
Швеция*

В этот момент появляется представление о богах, которые — следует отметить, — всегда соединяют в себе понятия высшей силы (*godi*или *gud*; этимология этого слова не определена), высшей власти (*regi*или *rögn*) и связи (*höpti*или *bönd*, что соответствует «богам-вязальщикам» Мирчи Элиаде, названных так еще и для того, чтобы подчеркнуть их тесную связь с магией). Военнопленных теперь связывают, прежде чем принести их в жертву или оставить в священном лесу, из которого они не смогут убежать. В один прекрасный день валькирии получают имя *Herfjötur*— «связующие армий». В это время появляются триады, скорее всего индоевропейского происхождения и не обязанные своим возникновением христианскому влиянию. Триады будут фигурировать в литературе в огромном числе мифов, приписывавших сотворение человека Одину, Тору и Фрейру и называвших тремя старшими богами Одина, Вили и Ве.

Похоже также, что именно в эту эпоху идея всемогущей Судьбы, о которой мы будем говорить позднее, ворвалась в коллективное сознание людей севера. Это можно понять по цитате из Тацита (Германия, XI, 93 г. по Р.Х.): *Auspicia sortesque ut qui maxime observant*— «У предзнаменований и судеб нет более внимательных наблюдателей». Понятие Судьбы прочно закрепится в сознании скандинавских народов.

Однако не будем упускать из виду нашу классификацию, основанную на природных

факторах, которую мы используем в качестве рабочей гипотезы: воздух дает нам уже упоминавшегося Вёлунда, соорудившего крылья и, вне сомнения, связанного с одними из наиболее древних образов — валькириями, крылатыми девами, решающими исход боя. Воздушная стихия может в некотором роде отвечать за появление прототипа Локи, Лопта (*Loptr*), уже упоминавшегося на этих страницах. Солнце, несомненно, представлено образом верховного бога Тюра (*urnordisk* — **tiuaz*, по-гречески *zeus*, по латыни *deus*, на санскрите *dyaus*), имя которого и означает «бог». Этот бог соотносится с солнечным диском и также связан с загадочной фигурой Улля — *Ullr* (**vulþus*) со смыслом «божественное великолепие». Влаге соответствуют ваны, о которых мы будем говорить позднее, в особенности бог Ньерд (которого Тацит называет богиней Нертус; культ ее сопровождался процессиями, погружением в воду и человеческими жертвоприношениями). Мы уже упоминали «торфяных людей» (*mosefolk*); добавим к этому жертвенные колодцы, о которых на территории, занимаемой германскими племенами в изучаемый нами период, сохранилось множество свидетельств, равно как и о существовании магических обрядов, связанных с водой из источников или колодцев. Наиболее хорошо изучен культ земли, то есть, безусловно, архаическое поклонение Богине-матери, или Великой Богине, образ которой впоследствии породил Фрейю, Жену и Мать, и Идунн с ее молодильными яблоками, хотя тут явно прослеживается кельтское влияние, а также Матушки (*Matres, Matrae, Matronae*), от которых произошли как известные нам дисы, так и бесчисленные сверхъестественные создания женского пола, которые населят в эпоху создания литературы северный пантеон.

Далее возникает образ священного царя, совершенно не соответствующий современным неверным представлениям. Стать королем, конунгом (*konungr* — термин, связанный с *kyn* — семьей, родством) мог только человек, принадлежащий к определенному роду (хотя мы не знаем, почему именно некоторые роды обладали соответствующими правами) и выбранный знатными людьми, о которых нам также неизвестно, в силу каких качеств они были наделены такими правами. Конунг избирался не для того, чтобы быть военачальником, не для того, чтобы определять собой право и закон (хотя эти функции, разумеется, не исключаются), но для того, чтобы исполнять функции верховного жреца, совершающего жертвоприношение во время обрядов, включенных в государственный культ, и главным образом для того, чтобы обеспечивать своим «подданным» «многие годы хороших урожаев и мира»: он назывался *til árs ok friðar*. От него ожидали, что его харизма и заступничество богов будут благоприятствовать мирной жизни. Если он сумел этого добиться, то он хороший король, и потомство воспевает его в сагах. Но если ему не удавалось добиться расположения богов, такого конунга попросту вешали!

Таким образом, мы видим, что в этом случае функция плодородия-плодовитости является определяющей, так что следует отказаться от более поздних представлений, связанных с этим понятием. Впрочем, стоит обратить внимание на то, как современный норвежский историк Андреас Хольмсен определяет религию своих далеких предков: «Здесь (в Норвегии), на полях, божество было напрямую связано с силами, которые жили в растущем зерне, в размножающемся скоте, в солнце и в дожде, во всем том, что жило и давало жизнь (*i alt som levde og som ga liv*)».

Эпоха викингов: итог

Лишь с наступлением эпохи викингов, которая для нас, вне сомнения, является определяющей, окончательно фиксируется мир религиозных представлений скандинавов и создаются первые письменные тексты.

◆ Боги Севера

Трудно не заметить следующий удивительный факт: многие боги, богини и прочие сверхъестественные создания, о которых сообщают нам дошедшие до нас тексты (рунические надписи, свидетельства иноземцев, топонимы и антропонимы, первые скальдические тексты и их реминисценции в более поздних текстах), достаточно явно свидетельствуют об испытанных влияниях. Следует, конечно, учитывать и собственно исландские влияния, так как именно они «редактировали» эти представления с учетом собственной культуры и постарались зафиксировать версии мифов и пантеонов, способных выдержать сравнение с более известными пантеонами Европы.

◆ Непримирымый трехфункционализм

Следует сделать важное замечание: упоминание слова «германский» обыкновенно заставляет читателя представлять себе поздние трагические образы; неподготовленный читатель обнаруживает бессознательную склонность путать флотилии викингов с армиями Третьего рейха и не сомневается в том, что в культуре северян преобладало воинственное направление и опасная склонность к расизму. Однако блестящие теории Жоржа Дюмезиля, оформившиеся на базе исследований индоевропейских народов и выделяющие в божественном мире три области действия — жреческие юридическо-магические знания, воинское дело и производительный труд, — не применимы в затронутой нами области, разве что в результате излишне вольной интерпретации текстов или в силу страстного желания применить их к реальности, используя для этого сведения из популярной литературы и в конечном счете приходя к чрезмерным обобщениям. Кроме Фрейра, мы не знаем другого бога, полностью взявшего на себя одну из дюмезилевских функций; однако «профессиональное заболевание», настоятельно требующее свести все к одной из формул Дюмезиля, настолько распространено, что воистину всемогущая магия Судьбы и истинный покоящийся и всемогущий бог остаются за рамкой слишком строгого подхода, подчиняясь человеческой реальности.

*Фрейр. Бронзовая фигурка.
Швеция*

◆ Любовь к порядку и организации

Мы вправе использовать уже применявшийся нами классификационный подход, основанный на существовании четырех великих природных стихий. Этот принцип в конечном счете более соответствует всему тому, что мы знаем об особенностях скандинавской (германской) культуры.

Следует обратить особое внимание на дух народа. Если мышление северных германцев действительно обладает отличной от прочих и неоспоримой чертой, то ею будет любовь к порядку, организации, закону, правилам, уже неоднократно отмечавшаяся в этой книге. Эта любовь к порядку проявляется во всех областях, где действует человеческий разум. Если считать, что религия представляет собой абстрактную проекцию наиболее глубинных слоев человеческой личности, то приходится признать, что скандинавы создали мир богов, отражающий их собственное мировоззрение (*Weltanschauung*). Действительно, они любили порядок, но по крайней мере в четырех вариантах: порядок, устанавливаемый правом (война, если она происходит, должна быть справедливой), порядок в мире вещей; порядок, образуемый при организации мира наукой, а также поэзией и магией, поскольку это различные проявления одной и той же идеи; и, наконец, порядок, устанавливающий естественное плодородие согласно ритму времен года и этапам жизни. Эти критерии позволяют нам создать следующую таблицу (речь пойдет о богах и о двух героях, Вёлунде и Сигурде).

Солнце (правопорядок) Асы	Воздух (порядок мира вещей) Асы/Альвы	Влага (порядок познания) Асы	Земля (порядок плодородия) Ваны
Порядок	Беспорядок	Порядок и беспорядок	

Тюр Улль Бальдр
Солнечные герои

Сурт Хёд Вёлунд Локи

Силы судьбы
Один

Ньорд Великие Богини
Фригг Фрейя Скади

Давайте рассмотрим таблицу более подробно, поскольку это является ключевым моментом исследования.

1. **Солнце:** Тюр и Улль наблюдают за порядком, создаваемым при помощи права, — этот великолепный миф объясняет причину, поддерживающую порядок в мире: силы «добра» и «зла» уравнивают друг друга, потому что Тюр согласился потерять правую руку, чтобы обуздать чудовищного волка Фенрира. Следует отметить, что этот разумный компромисс определяется договором (Тюр является богом договора так же, как и Митра) между двумя соперничающими группами божеств. Точно таким же образом Сигурд Фафниробойца (которого континентальные германцы называют Зигфридом), хотя в нем нет ничего героического в современном и классическом понимании этого термина, всегда будет верен данному слову. Эту тему можно было бы развивать бесконечно, если бы у нас была такая возможность. Она доказывает, что у скандинавов было сильно развито чувство чести, о чем наперегонки свидетельствуют саги и скальдические поэмы. Порядок и честь мира гарантированы богом; человеческие достоинства, человеческий порядок гарантирует парадигматический герой Сигурд, очевидно связанный с солнцем. В конечном счете символом солнца является «золото Рейна», играющее важную роль в героическом цикле песен о Нибелунгах. Можно здесь вспомнить и Бальдра, справедливого бога-героя, чьи глаза испускают невыносимый свет; не случайно его имя означает «господин», или «господь».

Тор представляет другой аспект нордического мировоззрения: порядок, восстановленный после его нарушения. Этот солнечный или небесный бог бесспорно олицетворяет порядок, и его имя буквально означает Гром (**tundaras*). Тора всегда изображают с молотом-молнией Мьёлниром (*Mjöltnir*). Однако Тор является персонажем, если можно так выразиться, «намного более природным», чем Тир, то есть он намного менее абстрактен. Этот бог проводит свое время в битве с гигантами (враждебными силами) во время своих походов «на восток»; он является богом-громовиком, однако мы знаем, что вместе с грозой всегда приходит благой животворящий дождь. Именно поэтому его «молот» является залогом плодородия. Этот образ мы находим в *Песне о Трюме*, одной из поэм «Эдды», а также в народном обычае *hammarsäng*, сохранявшемся в Швеции еще в начале XIX века. Этот обычай состоял в том, что в постель молодоженов в первую брачную ночь клали молоток — видимо, для того, чтобы обеспечить плодovitость пары. Тор был более близок и понятен людям, и изображения его получались более реалистичными. Он был истинным богом бондов, участвовал в их ссорах и примирениях, и они ощущали глубокую привязанность к нему. Однако не следует видеть в нем неотесанного мужлана: именно Тор отправился выведать великие секреты скальдической поэзии у карлика Альвиса.

Следует уточнить интересную и типичную черту менталитета германцев; в их эпосе явственно просматривается дихотомический принцип: солнцу противостоит тьма, жаре — холод; то есть с силами порядка борются явно выраженные силы хаоса. Таких сил по меньшей мере две: Сурт, бог-гигант, который повергнет мир в апокалиптическое бедствие вселенского пожара; имя его означает «черный», или, более точно, вычерненный огнем. Второй — Хёд, слепой убийца Бальдра, противобог, если угодно, чье имя означает «сражение»; в нем воплощена деструктивная воля и стремление к хаосу — то есть то, что вызывало максимальное неприятие у древних скандинавов. Отметим, что оба эти сверхъестественных существа впитали в себя атрибуты гигантов предшествующей стадии, то есть они олицетворяют грубую силу, не знающую правил, границ, равновесия.

2. **Воздух** является более тонкой средой, поскольку одновременно служит необходимым

средством материальной жизни и символом духовного существования. Именно поэтому мы не вводим здесь различия порядок/беспорядок, как в солнечном варианте, так как дыхание создает и разрушает — в зависимости от того, как им пользоваться.

Здесь, бесспорно, царит загадочная фигура, о которой уже так много говорили, — Локи (Лопт, Воздух, а также пароним — Логи, Огонь). Локи пародирует всех великих богов этого пантеона, очеловечивая их посредством иронии. Он — анти-Тюр, поскольку старается смягчить чрезмерную строгость отвлеченного Закона; он — анти-Один, потому что его наука выходит за рамки правил и догм; он — нечистая совесть этой вселенной, бог-который-мешает-миру-прийти в порядок, потому что, как лукавый реалист и прагматик, он отлично понимает, что совершенство не предназначено для мира сего. Таким образом, Локи снижает статус великих божественных сил, низводя их к человеку: он может исполнять роль мелкого беса, занимающегося опасным шутовством, иногда с сексуальным подтекстом; он вор и «трикстер» северной мифологии, он портит священные предметы (именно из-за него у молота Тора получилась слишком короткая рукоятка). С другой стороны, его следует также рассматривать как разновидность Сатаны (хотя, вне сомнения, не следует трактовать его имя как *Luki/fer*), являющегося причиной Гибели Богов или Рагнарёка (*Ragnarök*). Действительно, Локи служит свету и тьме, он обоепол: он превращается в кобылу, породившую Слейпнира, чудесного коня Одина. Локи представляет собой самого сложного представителя нордического пантеона: неуловимого, загадочного и неосязаемого — как воздух!

*Один верхом на Слейпнире.
Из исландского манускрипта XVIII в.*

Напротив, Вёлунд, которого мы уже неоднократно упоминали, намного более прост, хотя и обнаруживает двойственность. Он способен летать, при этом связан с водяными созданиями, лебедиными девами, вероятно, послужившими прототипом валькирий. Похоже, что Вёлунд является наиболее архаичной фигурой нордической мифологии, так как у него есть множество параллелей в индоевропейской культуре: можно сказать, что представление о нем и о Локи существовало еще до этапа «германизации» общеиндоевропейской мифологии, следствием чего является его универсальность.

3. Далее следует **влага**, к которой относятся все вещества, не являющиеся твердыми или газообразными, — в первую очередь вода, а также кровь, сперма, пот. В этой области царит

Один, наиболее сложная и наиболее трудно определяемая фигура из всех сверхъестественных созданий скандинавской мифологии. Впрочем, сначала следует упомянуть Эгира и его жену Ран, на которую возлагали ответственность за гибель моряков в море. Однако Один выделяется из среды других божеств и потому заслуживает более подробного описания, хотя бы потому, что его образ позволяет обобщить наш очерк.

Прежде всего, его имя Один, или *Óðr* (по-немецки *Wut*) характеризует ту ярость (латинское *furor*), которая может охватить человека во время войны, секса, занятия магией или в порыве поэтического вдохновения. Человек, охваченный божественной яростью, может совершить нечто такое, на что он не способен в обычном состоянии. Именно в таком состоянии пребывают непобедимые яростные воины-берсерки, несравненные любовники, скальды, чьи песни остаются в памяти поколений, великие маги. Этот бог имеет довольно странный облик: одноглазый и уродливый старик, сидящий верхом на восьминогом коне, в поношенном голубом плаще и с копьем в руке. В нем нет божественной красоты, не видно и признаков могущественного героя. Однако он имеет множество воплощений.

По своей начальной функции он являлся богом мертвых, с которыми остался тесно связанным и впоследствии — и не только потому, что он великий некромант, мастер вызывать души усопших, чтобы вызнать у них священные тайны (о чем сообщает песнь Сны Бальдра поэтической или *Старшей Эдды*), но и потому, что под его началом находится целая армия непобедимых воинов-эйнхериев, убитых на полях сражений и вознесенных валькириями в небесный чертог Валгаллы, где они проводят время в пиррах и поединках, ожидая последней битвы с силами хаоса. Днем вдоволь попировавшие эйнхерии убивают или ранят друг друга, воскресая или исцеляясь к вечеру, который проводят с валькириями, становящимися на это время обычными женщинами: здесь перед нами предстает тема вечной битвы, неразрывно связанной с непобедимой жизнью. Следует отметить, что тайные знания достались Одину после посещения мира мертвых.

*Деревянная фигурка Одина
из Норвегии*

Столь же тайным является знание поэтического искусства. Мастеров сложения песен на

севере Европы называют скальдами, среди которых Один считался непревзойденным мастером. О манере стихосложения скальдов и ее сложности мы подробнее поговорим немного позднее (см. Скальдическая поэзия, глава 6), а пока подчеркнем только, что поэтическое мастерство среди скандинавов, как и среди многих других народов считалось высшим знанием, можно сказать, наукой. Нельзя исключить и того, что «выдвижение» странной фигуры этого бога на первое место в пантеоне произошло как раз вследствие того, что он был провозглашен покровителем скальдов, которые считали своим долгом всячески превозносить его.

Однако мы предпочитаем видеть в Одине бога Высшего Знания — *fróðr*. Это красивое слово отсутствует в нашем языке и означает одновременно ученого и творца, учителя, побуждающего ученика к дальнейшему познанию. Миф сообщает нам о том, как Один приобрел свои знания: он отдал свой глаз, став в результате этого одноглазым, чтобы припасть к источнику мудрости, находящемуся у подножия великого космического Древа Иггдрасиль, охраняемого гигантом Мимиром (буквально — Память). Стоит добавить, что Один всегда в курсе всего творящегося «во всех мирах», так как два его ворона — *Хугин*(Мысль) и *Мунин*(Память) — облетают весь мир и, возвращаясь, докладывают своему владыке обо всем происходящем на Земле. Естественным образом он и великий маг — адепт высшей науки, а точнее, двух ее разновидностей, коими являются шаманизм — *сейди* магия проклятий — *нид*.

Один — великий бог-шаман, умеющий входить в экстаз (в его разновидность, именуемую *odr*), чтобы войти в контакт с духами и иным миром. И если шаман только имитирует собственное повешение, чтобы осуществить свою функцию, то Один является богом повешенных (*hangagið*), и приносимые ему жертвы действительно вешались; если шаман привязывает своего «коня» (свой магический жезл) к опоре шатра, чтобы начать магическое путешествие, то Один, также именуемый Игг (*Yggr*, грозный), также привязывает своего скакуна (*drösull*, откуда следует производное *drasill*) к стволу великого космического дерева, Иггдрасиля: на опоре юрты и на стволе Иггдрасиля имеется девять насечек, которые, в случае космического ясеня, символизируют «девять миров», составляющих нашу вселенную. Как мы видим, соответствия могут зайти довольно далеко. К этому стоит добавить, что маг Один использует все виды оккультных действий, имеющих аналог у шаманов: например, он способен превращаться в животное (*hamhleypa*), чтобы отправляться в этой новой форме в другие места и в другие времена, для того чтобы реализовать свои планы.

*Найденная в Линдбю,
в Скании, бронзовая фигурка
предположительно
изображает бога Одина*

Однако не ждите, что мы скажем, что Один также являлся и богом войны: нет более распространенной ошибки! На самом деле он всего лишь бог победы, Сигтир (*Sigtýr*). Важно понимать, что ему просто нравится даровать победу тому, кому он захочет, а им в любом случае станет самый «благородный», то есть наиболее хитроумный. Один — бог неискренний и жестокий, бог, ненавидящий женщин; в нем нет ничего общего с нашими общепринятыми идеальными представлениями. Но он умен! Именно он дает своим подопечным хорошие советы, которые помогают им добиться победы, именно он изобрел знаменитое построение войска «свиньей» или «свиной головой», *caput porcinum*, *svínfylking* по-древненорвежски, верой и правдой служившее северянам в бою.

В своей последней ипостаси верховного бога, *Áss inn allmáttki* (Всемогущего Аса), или *Alfödr* (Всеотца), как нам кажется, особенно отчетливо угадывается христианская окраска. Но как бы то ни было, Один — бог достаточно древний: на петроглифе бронзового века изображен гигант с копьем, вполне возможно являющийся наглядным изображением его прототипа. Один пользовался большой популярностью в эпоху викингов, его одновременно почитали и ненавидели и в любом случае опасались. Совокупный облик этого бога, вероятно, является результатом сложной эволюции, он состоит из нескольких наложившихся друг на друга слоев. Один остается воплощением науки и тайных знаний, он является *carmen* (песней, поэмой, заклинанием) во всей полноте этого латинского термина.

4. Случай **земной стихии** не вызывает никаких затруднений, в отличие от трех предыдущих, — настолько здесь все ясно. Он целиком и полностью соответствует плодородию-плодовитости, представляя тот миропорядок, который продиктован естественным ходом вещей. Впрочем, немного задержимся на этой теме, так как мы намерены оспорить ту воинственность, которую слишком часто стараются навязать скандинавской религии, и, напротив, подчеркнуть гностическую сторону этих богов. Очевидно, что на Севере прежде всего почитали растительную жизнь, плодovitость, плодородие, согласно мифу о священном царе, который мы уже упоминали на этих страницах (см. Мифология и боги, глава 5). Давайте немного займемся этимологией: нам известно исходное женское божество, впоследствии разделившееся на два пола в лице близнецов Фрейра и Фрейи — это мать Тора, Земля-мать, Фьоргюн или Фьоргюнн — удвоение «н» на конце указывает на переход из женского рода в мужской. В обоих случаях божество это одаривает жизнью. Похоже, именно это качество люди Севера считали основным атрибутом, которым наделяли почитаемых ими богов.

Земной вариант целиком и полностью представлен семейством Ванов (*vanir*). Заметим здесь, для полноты, что у древних скандинавов было два «семейства» богов: Асы (*oesir*, что близко к санскритскому *asui* также отсылает к понятию жизненной силы), действовавшие в уже рассмотренных нами трех первых стихиях, представлены вариантами, и Ваны, связанные с последней, четвертой, стихией. Нам неизвестно, следует ли здесь вести речь о преемственности между более древними и архаичными Ванам и постепенно вытесняющими их Асами. Однако говорить об этом нет необходимости, так как, по нашему мнению, Ваны если и занимают в мифах меньше места, то все же играют первостепенную роль в этом мировоззрении. Их трое: Ньёрд, которого Тацит считал богиней и называл Нертус, и его двое детей — близнецы Фрейр и Фрейя. К ним еще присоединяют Скади, «жену» Ньёрда (тем не менее в грамматическом отношении носящую мужское имя!). Она также принадлежит к числу основных «богов», поскольку Скандинавия названа именно ее именем, **Skaðin-auja*: островом (**auja*) Скади (отметим, что в античные времена Скандинавия называлась островом Скандза — *Scandzia insula*). Все источники свидетельствуют о том, что Ваны отвечали за производительные силы природы. Посмотрите, например, что говорится о Фрейре в песне «Старшей Эдды» *Видение Гюльви*:

«Нет аса славнее Фрейра (отметим здесь путаницу между Асами и Ванами), ему подвластны дожди и солнечный свет, а значит, и плоды земные, и его следует молить об урожае и о мире (*til árs ok friðar*, что, как мы помним, является также формулой, применяемой в случае «хорошего короля»). От него зависит и достаток людей» (*Gylfaginning*, 23).

Ваны обладают чертами аграрных божеств. Поклонение им имело фаллический оттенок, о чем свидетельствуют наскальные изображения бронзового века. Они занимают важное место в топонимике, особенно в виде взаимозаменяемой пары Фрейр/ Фрейя, и обладают достаточно выразительными животными ипостасями — им посвящены лошадь, свинья и собака.

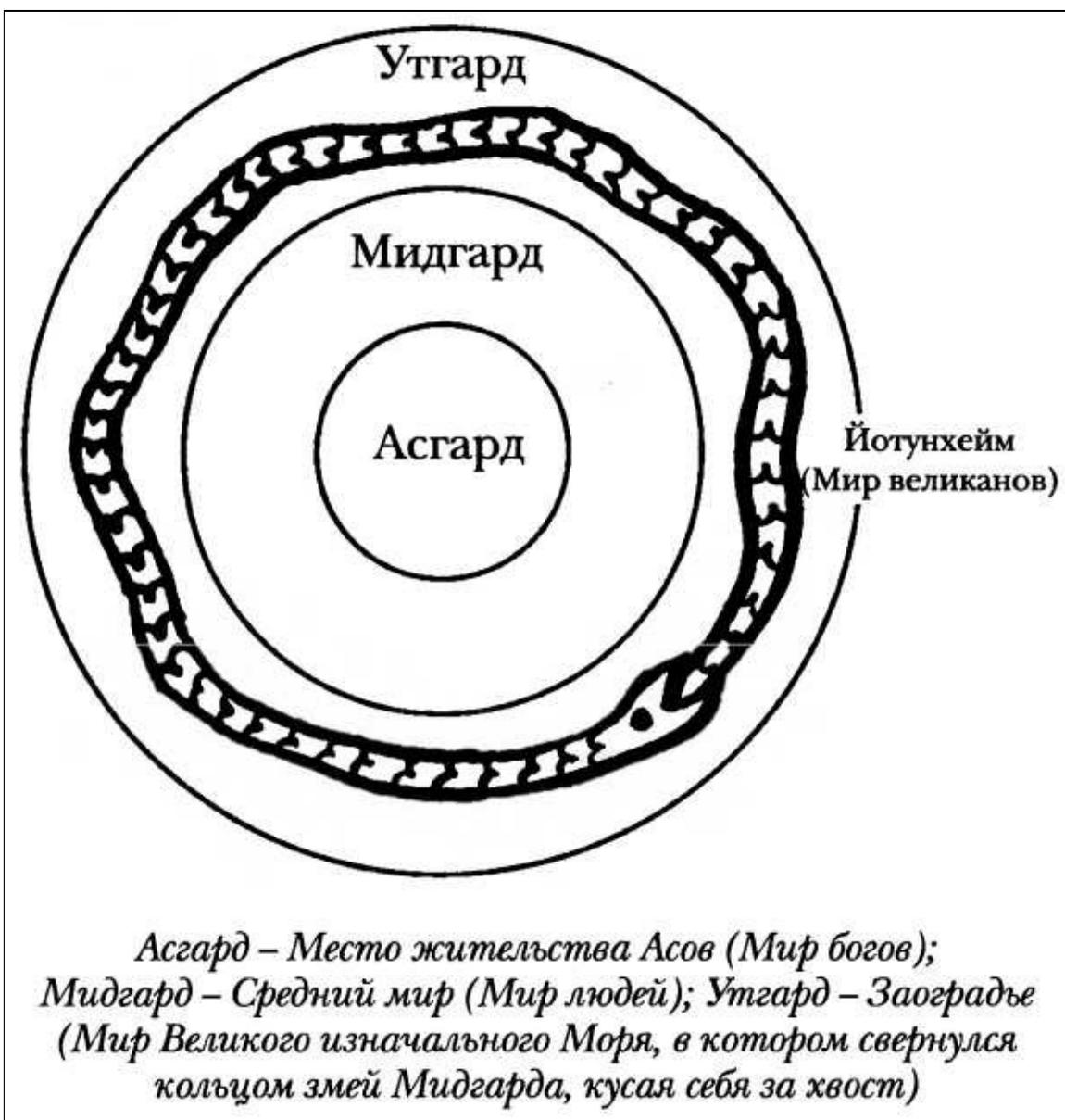
Все эти боги или богини нам относительно хорошо известны ввиду большого числа мифов, дошедших до нас в виде легенд и записанных в обеих *Эддах* — поэтической, или *Старшей*, и прозаической, или *Младшей*, она же *Эдда Снорри* (Стурлусона), более литературной. Боги и богини фигурируют также в скальдических поэмах и в меньшей степени — в некоторых сагах, точнее тех из них, которые относятся к категории легендарных (*fornaldarsögur*). Все эти сверхъестественные создания являются в скандинавской литературе прежде всего действующими силами; лишь изредка их можно увидеть в созерцательном или статичном состоянии. Все они в той или иной степени похожи на Тора, отправившегося «на восток», чтобы сражаться с великанами. Эти боги викингов вполне соответствуют тому, что мы знаем об их последователях — людях дела, больше всего ценивших способность совершать поступки.

История мира и космогония

Мы уже отмечали, что нам лучше всего известна эпоха викингов, поскольку именно в это время были созданы дошедшие до наших дней письменные источники. Чтобы понять космогонические представления древних скандинавов, обратимся к самому значительному тексту поэтической *Эдды* — *Прорицанию Вёльвы* (*Völuspá*), одной из жемчужин западной средневековой литературы. В этой песне пророчица-вельва рассказывает мифологическую историю мира, богов и людей. Проследим за последовательным развитием событий, при необходимости обращаясь и к другим источникам.

1. Вначале царил первобытный хаос, в котором существовала только Мировая пропасть Гиннунгап, расположенная между Нифльхеймом — сырым и холодным миром на севере, и Муспелльхеймом, жарким и сухим миром на юге. От соприкосновения этих двух миров родился гигант-гермафродит Имир, от которого бесполом путем произошли на свет инеистые великаны, или гримтурсары; в другом варианте легенды великаны родились из соленой скалы, которую облила первая корова Аудумла, вскормившая своим молоком Имира. От Имира родился Бури, сыном которого был Бор, а сыновья Бора — Один, Вили и Ве — убили Имира и создали из его тела существующий мир: тело его стало землей, череп — небом, кровь — морем и т. д.

2. Далее три могущественных бога-великана, Один, Хёнир и Лодур (двое последних загадочны) ^[1], гуляя по берегу Великого изначального моря, нашли два дерева, из которых создали первого мужчину, которому дали имя Аск, что означает «ясень» и первую женщину, Эмблу, имя которой могло означать побег виноградной лозы ^[2], если сравнить с греческим словом *ampelos*.

3. Затем боги приступили к организации мира, в соответствии с западными средневековыми космогоническими представлениями разделяя его тремя концентрическими окружностями: в центре находится Асгард (*Ásgarðr*, место жительства Асов, или Мир богов), его окружает Мидгард (*Miðgarðr*, Срединный мир, или Мир людей), вокруг которого расположился Утгард (*Utgarðr*), Внешний мир, мир Великого изначального Моря, где обитает колоссальный мировой змей, Змей Мидгарда, укусивший себя за хвост; говорят, что когда он выпустит хвост из пасти, наступит конец света, или Рагнарёк (*Ragnarök*).

4. Согласно другому варианту предания, великий мировой Змей Мидгарда носит имя Ёрмундганд (означающее Посох Великана), и при этом довольно явственно просматривается его соответствие Мировому Древу Иггдрасилью, как мы уже отмечали, являющемуся *axis mundi universalis columna* (лат. *ось мираи вселенский столп*) этого мира; в таком случае Змей Мидгарда является горизонтальной координатой мироздания, а Иггдрасиль — вертикальной. Действительно, это дерево, считающееся ясенем, тисом или возможно даже дубом, соединяет собой весь мир. Вместе со Змеем оно образует две взаимно перпендикулярные координаты. Так возникает симметрия. Считается, что дерево «удерживает девять миров» — три воздушных, три средних (Асгард, Мидгард и Утгард) и три подземных, образуя законченную сферу.

5. Остается расположить небесные тела, а именно Солнце (*Sól*), Луну (*Máni*— Месяц мужского рода) и звезды, которые связаны с различными мифами, вероятно зодиакального типа. Они также являются творением богов. Солнце и Луна находятся в вечном движении, потому что

за обоими светилами гонятся волки, и когда в конце концов они поглотят их, наступит Рагнарёк (*Ragnarök*). Мифы, касающиеся Солнца и Луны, по большей части поведаны нам Снорри Стурлусоном в прозаической Эдде, эти тексты не могут удивить нас сложностью представлений, поскольку исландцы, как и все скандинавы, были замечательными мореплавателями, и потому, бесспорно, обладали достаточными астрономическими познаниями.

6. Современный мир людей. До сих пор повествование находилось во внеисторическом времени; отсюда начинается история. Ее начало, говорит Пророчица, было золотым веком, порой блаженного существования людей, по завершении которой люди были отданы в распоряжение трех прекрасных дев, называющихся Норнами (*nornir*), богинь Судьбы. Их количество соответствует числу греческих Парок и заставляет нас заподозрить классическое влияние. В других источниках норн намного больше.

7. С появлением норн происходит некое важное событие. Существующие версии

повествуют о трагическом и повлекшим самые тяжелые последствия клятвопреступлении, в котором были повинны боги, нарушившие данное ими слово, преступив законы духовного мира. Это преступление объясняется жадностью, спровоцированной волшебницей Гульвейг, служащей персонификацией жадности или зависти: имя ее буквально означает «опьянение золотом». Из-за нее начинается жестокое столкновение между Асами и Ванами, ставшее «первой в мире войной», послужившей причиной дальнейшего неотвратимого падения; война эта окончательно определила дальнейший курс Истории, которой остается теперь только двигаться к своему ужасному концу, каковым станет Рагнарёк, то есть Завершение-судьбы-высших-сил (каковой вариант ближе к истине, чем вагнеровские «Сумерки богов»; впрочем, не следует отбрасывать и этот вариант, упоминающийся в некоторых текстах), ужасная катастрофа, когда погибнет все: боги, люди, весь мир, каким мы его знали. Полные величия строки *Прорицания Вёльвы* повествуют об этом апокалиптическом событии в следующих образах:

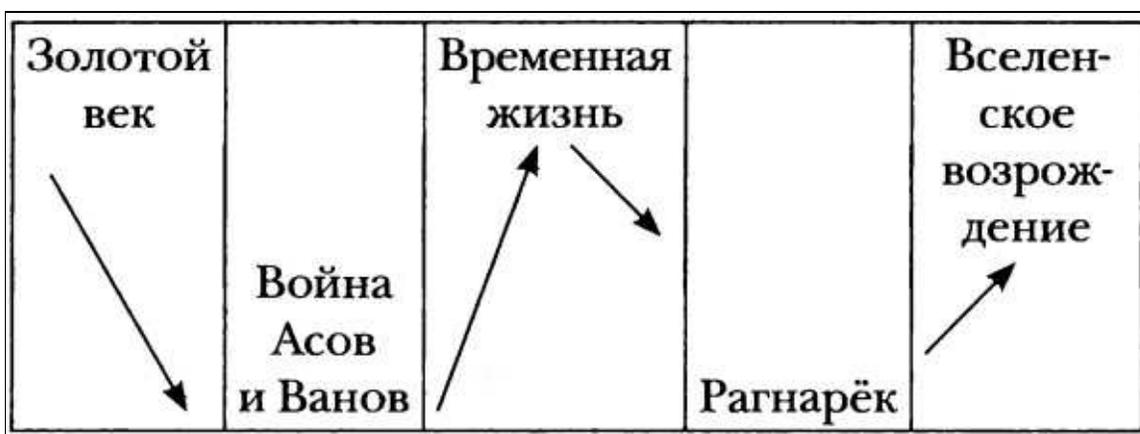
57.

Солнце померкло,
земля тонет в море,
срываются с неба
светлые звезды,
пламя бушует
питателя жизни,
жар нестерпимый
до неба доходит.

(Пер. А.И. Корсуна)

Саксон Грамматик (*Gesta Danorum*, VIII 262) уточняет: «Покажется, что небо внезапно упадет на землю, поля и леса рухнут и смешаются с землей. Все смешается, вернется древний хаос; небо и земля перемешаются, весь мир обратится в руины».

8. Однако — и это важно подчеркнуть — мировая история на этом не закончится. Конец света, Рагнарёк, играет роль универсального и необходимого очищения, неизбежного катарсиса. Древний порядок возродится из пепла в силу характерного для северного менталитета симметричного принципа мышления. Начнется возрождение, вернуться некие «добрые» боги, снова начнется золотой век, и человечество возродится от супружеской пары *Лив*(Жизнь) и *Ливтрасир*(Страсть к жизни), чудесным образом пережившей конец света в сени великого дерева Иггдрасиль, которое было расшатано, но не уничтожено. То есть бытие укладывается в следующую схему:

Безусловно, мы лишь кратко рассказали здесь о воззрениях, общих для всех скандинавов. Но как раз сейчас пора повторить, что только исландцы записали эти рассказы, а также дали «рациональную» и в любом случае вразумительную версию этих событий. Мы не смогли бы восстановить древнее германское язычество во всей его полноте и связности, если бы не было этих текстов, весьма распространенных в средневековой Исландии.

◆ Иггдрасиль

Мы уже неоднократно упоминали о великом Древе Иггдрасиль, подчеркивая его очевидную значимость, и теперь уместно завершить рассказ о нем. Оно представляет собой немыслимо огромный ясень, тис или дуб, похожий в остальном на те деревья, которые мог видеть житель северных лесов. Мы уже подчеркивали фундаментальную космическую роль этого дерева: впрочем, вполне вероятно, что в этом образе был запечатлен загадочный бог Хеймдалль, имя которого, без сомнения, означает «Опора Мира». Мы уже имели возможность отметить его роль в единичном мировоззрении. Это гигантское дерево господствует над миром форм и до такой степени соответствует мировосприятию древних скандинавов, что Мирча Элиаде назвал его мифологической идеограммой духовного мира северян. Дерево сочетает в себе растительный и животный мир: в ветвях его обитают олени, белка Рататоск, в корнях — змеи. Иггдрасиль всегда остается зеленым, вопреки всем зимам и холодам. Легко усмотреть в нем сумму выработанных древними скандинавами представлений о жизни, человеке и мире.

*Иггдрасиль – мировое древо.
Из исландского манускрипта
XVII в.*

Иггдрасиль представляет собой источник жизни, знания и судеб людей. Источником жизни он является потому, что Лив и Ливтрасир переживут Рагнарёк, укрывшись в его ветвях. Не случайно образ его дополняют источники, пробивающиеся возле основания ствола или из

концов корней — вода в данном случае, как и во многих остальных, символизирует непобедимость жизни. Мировое древо также являлось источником всякого знания, чему в нордической религии придавали особое значение. Источник мудрости, который охранял великан со столь многозначительным именем Мимир (Память), располагался именно у основания его ствола. Там же находятся источник судеб Урд, принадлежащий Норнам, которые, как мы уже упоминали, живут возле него. У этого великого ясеня было множество прозвищ: связанное с животворящим аспектом имя Лерад, защитник; связанное с мудростью — Мимамейд, балка Мимира; связанное с аспектом вещей силы — Мьотвидр, дерево, которое все отмеряет. Мировой яшень олицетворяет жизнь природы, силу жизни, не ведающей отчаяния, сомнения, ощущения абсурдности бытия, упрямого отрицания — любимых игрушек современного человека, одновременно непонятных и не имеющих смысла для обитателя древнего Севера или героя исландской саги. Стоит сказать, что современное словечко «небытие» не имеет эквивалента в древненорвежском! Кстати, следует отметить, что в дошедших до нас «языческих» текстах, строго говоря, нет ни одной молитвы — если не считать одной только короткой строфы из *Старшей*, поэтической *Эдды*. Она взята из *Речей Сигрдривы*, одной из прекраснейших поэм героического цикла. Герой Сигурд будит валькирию Сигрдриву, погруженную Одном в магический сон. Он просит поделиться с ним рунами, то есть знаками, означающими премудрость, хотя речь здесь, скорее, идет не об известных нам письменных знаках, а о передаче священных тайн. После чего Сигрдрива обращается к высшим богам со следующей молитвой, которую можно считать прекраснейшим гимном жизни:

Славьтесь, асы!
И асиньи, славьтесь!
И земля благодатная!
Речь и разум
и руки целящие
даруйте нам!

Культ богов, главные обряды

◆ Культурная сторона религии

Мы переходим к очень важной теме, потому что религия исландцев обладает весьма необычными чертами, и создавший свои великие литературные произведения народ оставил нам достаточно материала, чтобы познакомиться с ней.

Итак, эта религия не имела догм и символа веры (глагол *trúa*, «верить», и существительное «вера» — *tru*, являются в древневерхненемецком языке относительно недавними заимствованиями), и, таким образом, не имела «молитв» (трудно назвать настоящей молитвой приведенный выше отрывок), созерцательности, лирических порывов (почти полностью отсутствующих в исландской литературе), не имела настоящих священников, и вероятно, даже храмов в привычном нам смысле. Религия в точном понимании латинского термина (*religere* или *re-legere*) постулирует существование иного мира и возможность устанавливать с ним связь, а также допускает существование «священного». Итак, нордическая религия проявлялась только в осмысленности поступков, в полном соответствии с духом и характером ее последователей. Эта религия, похоже, сводилась к культу богов, определявшему ее значимость.

Впрочем, северные верования можно трактовать как *сид* (*siðr*), что примерно переводится словами «практика, обычай»; точного эквивалентного термина в других языках не существует. И чтобы понять их сущность, нам придется обратиться к внимательному рассмотрению отдельных аспектов.

◆ Годары (священники)

Мы уже коротко касались, в основном с политической точки зрения, понятия годар, *godar* (мн. ч. *goði*, см. Годордсмены, глава 2). У нас нет никаких оснований предполагать, что эти люди образовывали некий устойчивый корпус жрецов; еще в меньшей степени можно подумать, что они составляли особую касту, проходили особый обряд посвящения или даже обнаруживали определенные качества, необходимые для занятия этой должности.

Похоже, что для того, чтобы стать годаром, помимо принадлежности к определенной семье или клану, то есть знания конкретных обычаев, правил и легенд, достаточно было являться главой семьи (для совершения частных обрядов) или рода (для совершения общественных обрядов). Такой человек получал право совершать главные обряды, без которых жизнь — в чем мы убедились, рассказывая об основных этапах жизни (см. Этапы жизни, глава 4) — не имела юридического, законного подкрепления и, таким образом, теряла смысл. В критические моменты бытия, равно как в дни важных праздников, *годи* совершали ритуалы, пришедшие из незапамятных времен и передававшиеся из уст в уста, из поколения в поколение.

Мы уже отмечали, что после перехода в христианство годары автоматически стали христианскими священниками; это, похоже, все же указывает на то, что они образовывали некий до конца непонятный нам общественный слой, наделенный определенными властными полномочиями и обладавший особой харизмой. Обращаясь к другой, достаточно близкой области, мы не можем также сказать, какое посвящение проходили скальды и от кого они получали его, однако практиковавшееся ими искусство было настолько сложным, что невозможно предположить, что оно приобреталось легко и что ему можно было научиться самостоятельно! Не исключено также, что каждый годар служил особому языческому божеству, так как в литературе остались соответствующие названия: например, *Freysgoði* — *годи Фрейра*, бога-вана. Однако это все, что мы можем утверждать наверняка. Ясно, что *годи* должен был играть определенную роль в обрядах, связанных с рождением, браком и похоронами, однако у нас нет доказательств этому: либо потому, что подобных обрядов просто не существовало, либо потому, что Церковь старательно скрывала сведения о них. Можно также предположить, что *годи* представлял собой скорее юридическую, чем действительно религиозную фигуру, — не забывая при этом, что в Исландии оба этих прилагательных относятся к одной и той же сфере человеческой жизни. В связи с этим следует вспомнить часто упоминаемый миф о боге Тюре, заключившем юридический договор с чудовищным волком Фенриром: превращение *годи* в *годордсмадров*, о котором мы твердо знаем, несомненно, шло именно в этом направлении.

◆ Существовали ли в Исландии «храмы»?

Аналогичные сомнения имеются и по поводу храмов. Несмотря на утверждения Адама Бременского (франконский клирик, который, предположительно, в 1075 году описал так называемый храм в Уппсале, Швеция), ничто не позволяет утверждать, что древние скандинавы сооружали «храмы» в привычном нам смысле. Во всяком случае в Исландии археологи не нашли никаких следов подобных сооружений. Похоже, что в данном случае, как и тогда, когда

речь шла о годарах, в случае необходимости в храм можно было превратить ферму — если речь шла о домашнем культе, или какое-то общественное здание — в случае коллективного поклонения, когда службу могли совершать несколько годаров. Исландский скальд Сигхват Тордарсон (XI век) в своем цикле вис о поездке на восток (*Austrfararvísur*) рассказывает о путешествии в Швецию. Когда он вечером прибыл на ферму и попросил там о гостеприимстве, то хозяйка дома вопреки обычаям холодно приняла его и отказала в ночлеге, так как в это время в доме совершалось жертвоприношение, и с этой целью ферма была превращена в храм. Это не должно удивлять нас; повторим, что северная «религия» не имела строгого канона (тексты Эддили творения скальдов не могут считаться религиозными писаниями), но была основана на действиях и обрядах, которых мы кратко коснемся ниже. Впрочем, такое положение дел прекрасно сочетается с представлением древних скандинавов о святости и священном.

*Языческий храм в Уппсале.
Из «Истории северных народов» Олафа Магнуса. 1555 г.*

◆ Священное: *heilagr* или *vé*

Мы располагаем двумя терминами, обозначающими это понятие: *heilagri vé*. От первого возникли английское слово *holyn* и немецкое *heilig*. Это, скорее, отвлеченное понятие, оно отсылает нас к идее трансцендентного, даже ноуменального, основывается на понятии шанса, удачи (*heilt*) и относится к области судьбы. Это, пожалуй, наиболее глубокое понятие в мире религиозных представлений древних скандинавов. Оно находится в непосредственных отношениях с понятием *helgi*, или священного, относящегося к конкретному человеку самим фактом своего участия в божественном, о чем мы уже говорили, рассказывая об обрядах по поводу рождения (см. Этапы жизни, глава 4).

Напротив, *ve* (в немецком языке *Weih*, *Weihgabe* и л и *Weihnacht*) означает активное священное, если можно так выразиться, священное, которое следует выражать действиями. Этим термином определяются священные, или высокие, места — леса или рощи, возвышенности и холмы, источники и водопады, то есть все то, что дошедшие до нас документы определяют как истинные «храмы» этой религии. То есть если *heilagr* является концептуальным понятием, то *vé* — это его актуализация, так сказать, осуществление священного. Таким образом, это вполне соответствует идее, сформулированной для себя древними скандинавами как *ganz andere* (все другое, согласно знаменитому определению священного, предложенному Р. Отто), а еще точнее — языку действий, который выражал, переводил в действия всевозможные

чувства.

В конечном счете мы видим религию как *do ut des*— услуга за услугу (ничего не дается даром): любой обряд требует некоего подношения, за которое мы ожидаем, как само собой разумеющееся, некую компенсацию. Последнее понятие, как мы уже неоднократно говорили, имеет в этом менталитете по-настоящему фундаментальный статус, поскольку речь идет о праве (см. Тинг и альтинг, глава 2), общественном устройстве или религии. «Я даю тебе, о, бог Ванов (в данном случае Фрейр), быка, которого собираюсь пожертвовать тебе, но для того, чтобы ты помог мне отомстить моему врагу», — этот образ действия среди прочих описан в *Sage о Глуме Убийце*, и следует честно признать, что он приводил к требуемому результату!

◆ Домашний культ, общественный культ

О домашнем культе мы уже говорили не раз: напомним, что к нему прибегали при необходимости совершения обрядов перехода (см. Этапы жизни и обряды перехода, глава 4); он касался лишь конкретного человека или ограниченного сообщества например семьи. Общественный культ был в Исландии не в ходу, за исключением обрядов, совершавшихся во время проведения альтинга. Эти обряды были ориентированы на большой коллектив, и совершение их по определению являлось прерогативой короля, в котором, несомненно, видели посредника (епископа — *pontife*, если вспомнить этимологию этого слова на латинском языке: *pontifex*, то есть человек, устанавливающий связь, «мост» (фр. *pont*) между человеческим и божественным, между божествами и людьми). Именно короли руководили крупными жертвоприношениями, целью которых было обеспечение победы в войне, а также возвращение благоприятных времен в случае неурожая. Массовые обряды, возможно, проводились во время больших народных праздников, посвященных равноденствиям и в большей степени — солнцестояниям.

◆ Ритуалы, связанные с равноденствиями и солнцестояниями

Давайте немного остановимся на последних. Мы мало что знаем о весенних обрядах, которые, разумеется, совпадали с проведением тинга, называемого вартингом, о котором мы уже говорили (см. Тинг и альтинг, глава 2). Несколько больше известно нам о зимних ночах, или *vetrnoetr*, которые совершались в конце октября и являлись одновременно празднованием осеннего *leid*, или тинга, а также временем заключения некоторых юридических сделок.

Относительно праздников солнцестояний информации намного больше. Летнее солнцестояние, приходящееся на конец июня, было, если можно так выразиться, всеобщим праздником: к нему было приурочено проведение большого общего тинга, или альтинга, со всеми обязательными мероприятиями, не всегда законодательного или юридического характера. Там заключались важнейшие торговые сделки и, по всей видимости, устраивались большие общенародные празднества по поводу возвращения солнца: праздник середины лета (*midsommar* по-шведски) был очень популярен во всех странах Севера. Необходимо понимать, что речь прежде всего шла о том, чтобы отметить возвращение долгожданного солнца (обожествленного, как мы помним, в виде богини Соль), тепла, света — словом, всего того, что было наиболее приятно северянину, и следовало исключить возможность исчезновения этих благ.

Действительно, о празднествах, посвященных зимнему солнцестоянию, или Йолу, *Jól* (*júl* на языках современных континентальных скандинавов), мы знаем намного больше. Само

собой разумеется, что человек Севера больше всего боялся бесконечно долгого холода, ночи, отсутствия солнца, непроизводительности почвы, так что он готов был приложить максимум усилий для того, чтобы Великие Силы не покинули его и помогли ему. Именно поэтому мы так хорошо информированы о содержании обрядов, соответствующих *Jól*: об их важности упоминается практически во всех дошедших до нас документах. Мы не можем с уверенностью сказать, что означает само слово *Йоль*: вполне возможно, что это имя (которое так хочется связать с греческим Эолом) восходит к названию архаичных божеств плодородия-плодовитости. Празднование Июля длилось около двух недель, в течение которых совершались самые различные обряды, в частности, крупные жертвоприношения, когда в жертву божествам приносились различные животные — например, хряк или лошадь, тщательно приготовленные для этого в специальном закрытом загоне — *tún*. Во время большого пира — *jóldrykkja* или *jólveizla*, ели мясо жертвенного животного, запивая его пивом, сваренным специально для этого праздника, — *jólaól*. И, разумеется, как и во время любого пира, пили в память о великих предках.

◆ Пиво и мед

Теперь обратимся к напиткам. Как и на всем севере Европы, в Исландии употребляли только мед (*mjöðr*; традиционный напиток индоевропейцев, который изготовлялся из пчелиного меда) и пиво (*öl*). Вино, от которого викинги, безусловно, не отказывались, было экзотическим и весьма дорогим продуктом. Для каждого из крупных событий или общественных обрядов варилось особое пиво: похоже, не слишком крепкое, хотя его воздействие на людей, не привыкших пить что-либо крепче молочных продуктов, было весьма впечатляющим. Впрочем, считалось, что опьянение является естественным результатом любой попойки, доказательством чему служит следующий факт: существовало правило клясться в том, что никто не будет предъявлять никаких обвинений по поводу того, что было сказано во время пира, — тем самым исключалась возможность возникновения кровавых ссор. Правда, мы не всегда можем утверждать, что под упоминаемым в текстах «пивом» понимается именно оно, а не мед! С уверенностью можно сказать только то, что оба эти напитка, не считавшиеся повседневным питьем, пользовались достаточным уважением.

Важная деталь: во время праздника зимнего солнцестояния объявлялся священный мир, или *jólafríðr*, которого никто не смел нарушать, что было бы настоящим кощунством. В эти дни устраивались игры, пантомимы, танцы, любые виды развлечений, и, само собой разумеется, обязательными были декламация поэм или чтение саг.

◆ Три великих магических обряда

Все сезонные обряды совершались только в ограниченном объеме и в рамках отдельной фермы, и никогда — в масштабах всей страны (за исключением, возможно, проведения альтинга). Содержание этих обрядов было аккуратно описано только после христианизации страны. Рассмотрим три самых важных, магических по своей сути, обряда, описание которых присутствует в различных источниках. Они совершались как отдельными личностями, так и сообществами людей. Речь пойдет о сейде (*sejðr*), ни́де (*nið*) и блоте (*blót*).

Сейд являлся целиком и полностью магическим обрядом. Его следует считать достаточно широко распространенным, так как сейд довольно часто упоминается в различных источниках. Чаще всего его совершала женщина — вельва (*volva*) или сейдкона (*sejdkona*), примером чего

может служить та самая Вельва, слова которой, сохраненные в «Старшей Эдде», стали предсказанием конца мира (см. главу 5). Обряд этот совершался после специальных приготовлений: исполнительница одевала особый наряд, ела предварительно приготовленную особую пищу и, вероятно, читала заклинания — либо в одиночку, либо с помощью хора, исполнявшего особые песнопения, предназначенные для привлечения духов. Этот обряд совершался главным образом для получения предсказаний или пророчеств относительно будущего: судьбы одного или нескольких людей, участи целой общины и т. д. Сейдр позволял также «связать» на расстоянии указанную жертву, сделать ее безумной, заставить совершить любые абсурдные или даже преступные действия и т. д. Он использовался и в любовной магии; согласно легендам, сам Один был великим мастером этого искусства. Естественно, мы ничего не знаем о произносившихся при этом заклинаниях, однако сейд был очень распространен, и его действия опасались.

Нидбыл обрядом другого рода. Он детально описан в *Саге об Эгиле, сыне Грима Лысого*. Это был оскорбительный, а в случае необходимости — и смертельный обряд. В ходе этого обряда убивали жеребца или кобылу, насаживали голову убитого животного на кол и поворачивали ее в ту сторону, где жил враг, которого следовало опозорить, после чего произносили некую формулу — текст ее не дошел до нас, но, по-видимому, она имела скальдический характер. Жертва, иногда находившаяся довольно далеко от места проведения обряда, могла испытывать на себе его последствия, порой даже оказывавшиеся трагическими. Интересно, что этот обряд мог сопровождаться совершенно непристойными подробностями, и в любом случае таковые могли скрываться за скальдическими формулировками, сопровождавшими этот обряд. До наших дней тексты подобных формул не дошли — как в случае этого обряда, так и в случае двух остальных, хотя их значение было очень велико. Этот момент кажется нам довольно существенным: в каждом конкретном случае жесты и символика обряда были наполнены важным смысловым значением. Когда в дальнейшем мы будем говорить о скальдической поэзии (см. Поэзия скальдов, глава 6), то постараемся доказать возможность религиозного происхождения этой поэзии, а также то, что способ изложения в ней, по-видимому, направлен на то, чтобы «скрыть» глубинный смысл произведения, — утаить, замаскировать суть, скрыть магическую или религиозную силу.

Что касается *блот*, похоже, бывшего довольно обычным явлением, то этот обряд представлял собой жертвоприношение, совершенное в соответствии с конкретными обстоятельствами. Исполнитель обряда, возможно облаченный в ритуальный костюм, приносил в жертву животное (практика человеческих жертвоприношений, даже если она могла существовать в начале нашей эры в континентальной Скандинавии, никогда не была присуща независимой Исландии, что бы там ни утверждали некоторые саги), обрызгивал его кровью стены помещения, где осуществлялся обряд, а также своих помощников, а затем произносил пожелания, узаконивающие эту процедуру. Жертвенная кровь собиралась в сосуд: туда бросали деревянные палочки, возможно, с различными насечками, и по их расположению определяли ответ в отношении того, что произойдет в следующем году, что сулит судьба данной общине и т. д. Это называлось *ganga til fréttar*, пойти за новостями. За этим следовал жертвенный пир, или *blótdrykkja*, *blótveizla*, во время которого поедали мясо животного, принесенного в жертву, и пили крепкое пиво, специально приготовленное для этой цели. Пир был кульминационным моментом жертвоприношения: обычно на нем произносились здравицы (*skál*, отсюда пошло современное *skál*, принятое в континентальной Скандинавии), вначале в память великих предков, затем, вероятно, в честь нескольких важных богов, и, наконец, в честь наиболее известных людей среди присутствующих на пиру. Случалось также, что участники пользовались этим случаем, чтобы дать какие-то клятвы или высказать пожелания, которые

сразу же принимали обязательный характер. Жертвоприношение-блот имело отчасти синкретическое значение: разумеется, главной функцией этого обряда было искупительное жертвоприношение, однако обращение к духам-посредникам вводит оккультный персонаж — Судьбу. Целью такого пира являлось укрепление конкретной общины, а обращенные к предкам здравицы укрепляли связь между живыми и усопшими, о которой мы уже неоднократно упоминали на страницах этой книги по различным поводам.

И напоследок давайте упомянем еще одну любопытную синтаксическую конструкцию, связанную с обрядом *blót* на старoisландском языке не говорили «он пожертвовал лошадь богу», но «он пожертвовал бога лошастью» — *hann blótaði guð hesti* (где слово *guð* находится в винительном падеже, а лошадь — *hest* — в дательном). Следует понимать, что глагол *blóta* (в данном контексте «жертвовать», здесь — в прошедшем времени) буквально переводится как «усиливать», «увеличивать мощь», и этой цели достигали с помощью принесения в жертву лошади — идеальный способ доказать, что эта жертва была задумана как действие, и, как следствие, являлась весьма динамичным обрядом.

◆ **Homo religiosus scandinavicus**

И последнее относительно исландца и его религии. Публичное, общественное совершение великих обрядов, особенно сезонных, о чем мы уже неоднократно говорили, носило законодательный или юридический характер. Существовала тесная связь между политическими и религиозными мероприятиями, и даже после христианизации (ограничимся наиболее наглядным примером) сессия альтинга начиналась с обряда освящения, о деталях которого мы ничего не знаем. Иными словами, уже упоминавшийся нами здесь сейд мог восприниматься в значении «религия» или «религиозная практика», а также как «обычай». Например, сейд совершали на празднованиях Йоля не только в религиозных целях, но и для поддержания духа солидарности и ощущения общности, характерного для исландцев. Мы часто обращались здесь к песне *Речи Высокого* из поэтической «Эдды». Давайте перечитаем строфу 50:

Сосна, у дома
возросшая, сохнет,
корой не укрыта;
и человек,
что людям не люб, —
зачем ему жить!

О личной набожности исландца можно сказать много интересного.

*Эта найденная на севере
Исландии бронзовая
статуэтка бога Тора,
державшего «молот»
Мьельнир, эмблему молнии,
могла служить амулетом*

Во-первых, похоже, что человек поддерживал отношения с божеством, к которому он питал особую привязанность или которое было традиционно связано со всем его семейством (так, например, в ряде семей, проживающих на востоке Исландии, практиковали особое поклонение Фрейру). Существование личных отношений в этом более чем коллективном мире выглядит несколько неожиданным, потому что они сосредоточены на конкретном человеке. В таком случае исландец называл возлюбленного бога *fulltrúi*, то есть «тот, кому полностью доверяешь», несколько напоминая тем самым взаимоотношения христианина с его святым покровителем. Исландец постоянно носил при себе амулет своего бога — некоторое число подобных предметов известно, и они упоминаются в нескольких сагах. Амулет бога Фрейра, например, играет важную роль в *Саге о жителях Озерной долины*. Подобная связь выглядит тем более странной, что, как мы уже говорили, не сохранилось ни одной молитвы, обращенной к конкретному богу. Однако, возможно, что в силу традиции *do ut des*, о которой мы уже упоминали, возникало нечто вроде более или менее молчаливого соглашения: если ты мне

предоставляешь это, я сделаю то-то в твою честь. И таким образом мы возвращаемся к тому, что является фундаментальной основой мира исландца: к идее договора, контракта.

*Эта найденная в Швеции
статуэтка, вырезанная
из бивня моржа,
могла служить изображением
кого-то из богов или просто
фигуркой для настольной игры*

Следует отметить одну, возможно еще более интересную, подробность. Комментаторы не раз отмечали фразу, которая нередко встречается в дошедших до нас источниках. В ней говорится о конкретном человеке следующее: он не жертвовал богам, *hann trudi a sinn eiginn matt ok, megin*, он верил в свои собственные силы и способность добиться успеха или победы. Комментаторы упорно считали эту формулировку проявлением скептицизма, даже безбожия, необычного для древних времен. Более углубленные исследования позволили понять истинное значение этого выражения и лучше понять религиозные представления средневекового исландца-язычника. Мы уже кратко говорили об обрядах, связанных с рождением человека (см.

Этапы жизни и сопровождавшие их основные обряды, глава 4). При этом мы отмечали, что новорожденный посвящался дисам, богиням судьбы, или переходил под их опеку. Совокупность описанных выше действий не позволяет усомниться в том, что ребенок оказывался в религиозной среде, в которой действовали великие обожествленные силы природы: Солнце, Небо, Мать Земля и очистительная Вода. Вне зависимости от деталей очевидно, что новый человек не входил в сообщество просто так. Его принимали в сообщество людей при помощи различных действий, несущих глубокий сакральный смысл, которые вписывали ребенка в религиозный контекст, открывали для него мир священного. Он приходил в мир осмысленно; он не был лишним, он обладал собственным священным смыслом, он был носителем божественной искры. Отсюда вытекает знаменитая диалектика судьбы, чести и мести, о которой мы снова будем говорить, когда обратимся к рассмотрению саг (см. Саги, глава 6). Здесь же будет достаточно подчеркнуть это «участие в священном», которое проявляется в том, что человек чувствует себя способным превзойти богов, если так можно выразиться, и верит в себя, то есть в собственные способности, в свою удачу и умение добиваться успеха, так как все это является следствием тех божественных сил, которыми наделен он сам. То есть формулировка, с которой мы начинали, вовсе не является признаком скептицизма, напротив, в ней следует видеть акт неявно выраженного религиозного поклонения!

Магия

Все, о чем говорится в этой главе, свидетельствует о том, что в целом языческая религия исландцев была буквально пронизана магией, придававшей ей основной колорит; этот вывод следует и из изучения мира северных народов. Мы уже говорили: наука, знание и абсолютно все, что мы могли отметить в вопросе о религии скандинавов, в той или иной степени связано с эзотерикой или оккультными тайнами.

◆ Душа

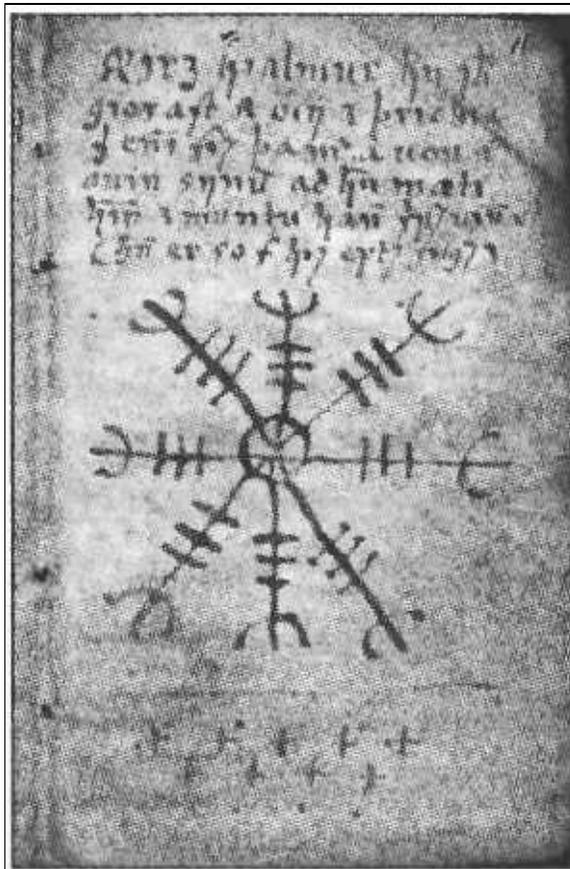
Исландцы знали пять разновидностей «души», что говорит о богатстве и глубине их восприятия загробной жизни и потустороннего мира. Оставим за рамками нашего рассмотрения душу *sál* (сопоставимую с английской *soul*), по всей видимости, являющуюся понятием, заимствованным из христианского вероучения и не имеющим прямого отношения к рассматриваемой нами здесь теме, равно как и душу *önd*, являющуюся дыханием и имеющую соответствия во всем индоевропейском мире.

Остаются *фюльгья* (*fylgja*), *хама* (*hamr*) и *хуг* (*hugr*). *Фюльгья* примерно эквивалентна нашему ангелу-хранителю и является охраняющим человека духом, который повсюду сопровождает его (следует за ним — глагол *fylgja*). В то же время она представляет собой образ судьбы, и всякий, кто увидел свою *фюльгью*, знает, что вскоре умрет! Общение с загробным миром происходило при участии колдуна, вызывавшего этого духа. Иначе говоря, *фюльгья* является нематериальной частью каждого из нас. *Хама* (*Hamr*) намного интереснее. Она представляет собой в буквальном смысле «внутреннюю форму», которой обладает каждый из нас: согласно подробным и глубоким эзотерическим представлениям, изложенным, например, в *Саге о людях из Озерной Долины*, *хама* способна покидать свою телесную оболочку, бросая вызов пространству и времени, и молниеносно перемещаться на значительное расстояние или в обе стороны во времени для того, чтобы удовлетворить желание своего хозяина, внешнюю форму которого *хама* принимает, если только не преобразуется в облик символического

животного. Речь идет о разновидности магического полета, присущего шаманству; эта операция требует, разумеется, выполнения соответствующего обряда, о котором нам известно крайне мало. Не исключено, что эти обряды имели саамское (лапландское) происхождение, и ими владели все скандинавы, что объяснило бы факт их частого упоминания в Исландии. Третья разновидность души, *хуг* (*hugr*), является северной формой *anima mundi* (лат. *душа мира*), известной во множестве других культур. Она пронизывает весь мир целиком, но достижима для каждого либо посредством осознанной просьбы, либо вследствие рефлекторных действий, таких, как чихание, зевота, частый зуд и т. д. В таком случае говорят об одержимости *хугом*, в результате которой можно узнать что-нибудь интересное, получить предостережение, помощь и т. д. Очевидно, что подобные практики не даются даром любому, их надо уметь настойчиво добиваться и правильно использовать.

◆ Мир двойников

Все изложенное доказывает, что средневековый язычник-исландец обитал в мире, который не был абсолютно реальным; исландец признавал существование мира невидимого, он знал, что за пределами бытия находится другой мир, являющийся миром двойников, к которому он может получить доступ посредством магии. При чтении таких, казалось бы, реалистичных текстов, какими являются саги, мы не перестаем удивляться, насколько они пропитаны сверхъестественным: прогуливаясь по дикой местности, герой наталкивается на человеческую голову, которая декламирует ему стихотворную строфу; он видит во сне двух красивых птиц, одна из которых убивает другую, и на этом основании заключает, что его дочь будет причиной смерти двоих ее мужей; глядя на свою внезапно споткнувшуюся супругу, он внезапно понимает, что час смерти вплотную приблизился к нему; разъяренный бык, слизнувший пепел пожарища, становится причиной смерти хозяина. И так далее... Все заполнено привидениями, все имеет двойников. Тюлень, тайком пробравшийся в кухню и похрюкавший запасы сушеной рыбы, станет причиной кончины всех домочадцев, а заметившему серую лошадь не следует спешить следом за ней, чтобы не встретиться со смертью. Тексты саг повествуют нам отнюдь не о непобедимом Сверхчеловеке (в исландском языке существовало особое слово, *garþr*, чтобы высмеивать хвастунов). В них нет речи о превосходстве грубой силы: Один намного сильнее угрюмых силачей Тора и Хермода. Здесь доминируют примат науки, а точнее, тайного знания, умения и твердая уверенность в том, что самое главное не видно глазу. Так возникает целый спектр магических обрядов, совершавшихся при любых жизненных обстоятельствах. Об их существовании свидетельствуют такие произведения, как *Сага о Грейттире Сильномили* или *Сага о Снорри-годи*. Средневековые исландцы никогда не жили в однозначном мире — для них все вокруг было двойственно и предполагало множество объяснений. Интересно, однако, что верховный бог исландского пантеона носит имя Один и является, как следует из самого этого слова, носителем священной ярости!

*Страница из исландского
магического манускрипта*

Само собой разумеется, магия сопровождала не только бесчисленные метаморфозы и деяния богов, а также поступки людей, подчас желавших сглазить или околдовать кого-то, наслать бурю, потоп, оползень. Тем не менее результат этого удивителен: человек сам не мог ничего приобрести. Поведением богов и людей управлял Случай, почти всегда приводивший к худшему варианту. Самыми яркими примерами такого исхода являются повествования героического эпоса: Хельги, Вёлунд, Сигурд Фафнирбойца, Старкад то и дело наносят врагам могучие удары, испытывают самые невероятные приключения, превышающие возможности простых смертных. Конечно же, все они великолепны: викинг Хельги наделен невероятной силой, Вёлунд — огромной живучестью, а Сигурд даже сумел убить дракона, совершив тем самым ни с чем не сравнимый подвиг, и в качестве «Фафнирбойца» он останется в памяти потомства. Старкад также наделен колоссальной силой. Однако не следует забывать и о той легкости, непринужденности, с которой они входят в соприкосновение с фантастическим, сверхъестественным, волшебным. Хельги охраняют от бед летящие над ним валькирии, Вёлунд делает для себя крылья, и это значит, что он не просто умеет летать, но и то, что люди Севера стремились обрести инженерные знания; Сигурд, благодаря своему магическому коню Грани, потомку чудесного восьминогого Слейпнира, коня Одина, преодолевает стену волшебного пламени, окружившего погруженную в каталептический сон валькирию, а Старкад умело пользуется магией слова — ведь в качестве скальда он не знает себе равных, какие бы деяния не совершал силой своих рук!

А вот еще одна интересная деталь: поскольку магия является тайной наукой, то не следует удивляться тому, что боги и герои стремятся почерпнуть из источника знаний. Представление об этом пронизывает эпические произведения (например, *Речи Вафтруднира*), в которых бог Один соревнуется с великаном в глубине познаний, задавая ему вопросы. В песне *Речи Фафиирара* рассказывается не только о том, как Сигурд победил дракона; агонизирующее

чудовище делится с ним своими познаниями в области тайной науки, что трудно предположить в подобных обстоятельствах! Впрочем, и сегодня в исландском языке выражение «как дела?» имеет вид «*hvad at frertta?*», то есть «какие новости?».

А вот и последний, особенно красноречивый пример: сага, уже неоднократно упоминавшаяся на этих страницах, в которой рассказывается о жизни, удачах и невзгодах нескольких поколений целого клана — *Vatnsdoela Saga*, то есть *Сага о людях Озерной Долины*. Этот, в сущности, довольно короткий текст занимает всего лишь сотню страниц, и при этом в нем описываются нид, сейд и *hamfar*, или магическое путешествие, предпринятое хамаодного человека. В саге описываются способы колдовства с участием кошек и объектов природы с целью вызвать страшный обвал или смертоносную бурю, рассказывается как сделать воина неуязвимым и превратить его в одержимого на поле брани берсерка (*berserkr*); как, наконец, заставить судьбу склонить чашу весов на сторону одной из соперничающих партий. Волхвы-жрецы совершают там некий сложный и неясный обряд, в ходе которого приносят в жертву человека. Кроме того, мы узнаем о культе лошади как обладательницы магической силы, почитании амулетов и ритуальном самоубийстве. Ярким свидетельством совершения магических действий является совершение обряда побратимства, или *fóstbroedralag*. Кажется, что таких подробностей чересчур много для «светского» текста, казалось бы, далекого от мистической среды. Мы уже неоднократно цитировали поэтическую, или *Старшую Эдду*; ни одна из тридцати ее песен не свободна от упоминания о магии, ни один текст не является чисто повествовательным или содержащим просто стихотворные афоризмы. Что касается *Младшей Эдды*, прозаической, написанной Снорри Стурлусоном, то здесь все обстоит еще проще: ее существенная часть, или *Видение Гюльви*, целиком посвящена описанию вымышленного мира: конунг Гюльви став объектом «ворожбы» (*ginning*) или зрительной иллюзии (*sjónhverfing*), узнает тайны мира.

Следует отметить, что два из трех важнейших магических обрядов, кратко охарактеризованных выше, *sejðru blót*, в первую очередь представляют собой гадание. Повторимся: в этих видах обрядов всерьез не принимаются в расчет категории пространства и времени, гораздо важнее подлинное знание. Для понимания подобных действий следует учесть природные условия, в которых рождались и жили люди Севера: их жизнь была тесно связана с морем, именно оно определяет условие обращения к иным мирам и является, по сути, другим наименованием судьбы; его нельзя оценивать на основе плоских и банальных земных человеческих представлений, оно — источник и залог чудес, трагических или фантастических. Тот, кто живет рядом с морем, не может быть похожим на нас, обитателей суши.

Переход к христианству

Обыкновенно германцев, в частности северных, почему-то принято считать упорными и неисправимыми «варварами», переход которых в христианство сопровождался кровавыми столкновениями. В действительности же, поскольку викинги давно торговали с западными христианами и успели близко познакомиться с религией Христа, переход к новой вере повсюду на Севере скорее стал узакониванием уже обретенной веры или модернизацией веры старой, чем настоящей сменой религии, тем более что этот последний термин практически не соответствовал языческой практике. Напротив, сторонний наблюдатель скорее был бы потрясен той быстротой, глубиной и даже воодушевлением, с которыми весь Север перешел в христианство.

Обратимся к фактам: в 999 году исландский альтинг по всеобщему согласию решает, что страна должна принять христианство, так как, чтобы «иметь единый закон, мы должны иметь

единую веру». Мы уже обращали внимание (см. Заселение, глава 1) на тот факт, что «обращение в новую веру», с одной стороны, не было все-таки подлинной сменой веры, а всего лишь чем-то вроде узаконивания уже устоявшегося положения дел, а с другой стороны, что не следует понимать слишком буквально сообщения о сопротивлении или оппозиции христианству, встречающиеся в дошедших до нас источниках. У исландцев, которые были знакомы с христианской религией в течение довольно длительного времени, не могло возникнуть никаких трудностей при переходе от старой веры к новой. Они с поразительным спокойствием приняли правила, требования и запреты христианской церкви. То есть никаких трудностей в процессе перехода не возникло, что мы намерены ниже доказать.

◆ Немного истории

Церковь прочно обосновалась в Исландии благодаря деятельности двух епископов: Ислейва, сына Гизура Белого, который стал епископом Скалахольта в 1056 году, и его сына (следует помнить, что обет безбрачия священников окончательно утвердился на Западе лишь в XII веке), Гизура Ислейвсона, который сменил отца на его посту в 1082 году. Последний стал настолько влиятельным деятелем, что его порой называют некоронованным королем Исландии. Оба они получили образование в Германии и очень много сделали для того, чтобы в стране установилась национальная, подчиненная Риму, строгая церковная иерархия. Обоих епископов следует считать величайшими администраторами и политическими деятелями, в то время как первый епископ Холара, расположенного на северо-западе острова, Ион Огмундарсон, прославился прежде всего как духовный руководитель. В 1096 году было установлено правило обязательной выплаты церковной десятины: следует обратить особое внимание на политические и, разумеется, материальные последствия этого решения. Как мы уже отмечали, к концу XI века сформировалась весьма необычная исландская народная Церковь, называемая *godakirkja* (Церковь годаров). Эта Церковь имела обширные связи с границей, в особенности с Францией, с монастырем Святого Виктора в Париже, где получила образование большая часть клириков, ставших авторами дошедших до нас текстов.

В 1123 году был создан первый церковный кодекс (*Kristinréttur*). Он был принят местными законодательными инстанциями и проторил путь для грегорианской реформы, горячим сторонником которой был епископ Скалахольта Торлак Торхальссон. До 1150 года религиозная жизнь Исландии оставалась спокойной, и лишь прибытие на остров кардинала Николая Брикспира в 1132 году привлекло внимание Запада к странному феномену: единственному на всем Западе острову, где нет ни короля, ни вождя!

Однако рубежной датой следует считать 1190 год: именно в этом году было решено, что владелец церкви и/или годорда более не может одновременно являться клириком, и таким образом, «божественный закон» (*guðslög*) и «закон страны» (*landslög*) отныне должны строго разграничиваться. Было также определено, что в случае спора главенствующими становятся «законы Бога». Подобное разделение между светскими и религиозными делами резко изменило фактическое положение дел, не менявшееся в течение предшествовавших двухсот лет, и привело к постепенному установлению контроля Церкви над государством. Этот факт вкуче с определенными политическими изменениями приведет к потере Исландией независимости в 1262–1264 годах.

Учитывая изложенное выше, на наш взгляд, не следует говорить о том, что в Исландии имел место «конфликт культур», в котором языческая религия более или менее явно противостояла принесенным Церковью новациям. Такое представление в существенной степени порождено романтическими воззрениями некоторых идеологов XX века и совершенно не

подтверждается фактами. Реальность заключается в том, что Исландия — как, впрочем, и вся Скандинавия, — по упомянутым выше причинам приняла христианство не просто без сопротивления, но скорее с осознанным рвением.

◆ Результаты официальной христианизации

Эта обширная тема требует длительного и подробного исследования. Здесь мы ограничимся тем, что отметим лишь несколько основных моментов.

Главным и очень важным результатом стало то, что именно Церковь, в чем нет ни малейшего сомнения, благоприятствовала распространению, а затем и необыкновенно мощному развитию письменности — за неимением лучшей характеристики мы уже называли этот феномен «исландским чудом».

◆ Церкви и монастыри

Мы уже поражаемся той быстроте, с которой Исландия приняла христианство: нам уже известно, что, воспользовавшись ситуацией, годары стали священниками или сделали таковыми своих сыновей, сохранив тем самым власть, в равной степени являвшейся духовной и светской. Существенно также, что церковь распространилась по всей стране, где было образовано два епископства — при том, что население Исландии в тот момент не превышало 35 000 человек. Одно епископство было создано на юго-западе острова, в Скалахольте (нынешний Скальхольт), а другое на северо-западе, в Холаре, поскольку северяне проявили недовольство такой ситуацией и посчитали, что имеют полное право на собственное епископство. Как мы уже отмечали, первые два епископа Скалахольта и Холара — Торлак Торхальссон и Ион Огмундарсон, были согласно обычаю канонизированы местными властями, то есть по прошествии немногим более одного века после официальной христианизации в стране появилось уже двое собственных святых! К ним можно добавить и не канонизированного официально францисканца Гудмунда Арасона, жизнь которого окружена ореолом святости, и Хравна Свейнбьярнарсона, человека светского, но, безусловно, святого. Тексты пестрят упоминаниями мужчин и женщин, живших отшельниками и закончивших свою жизнь вдали от мира. До наших дней дошло множество средневековых картуляриев (*Diplomataríum Islandicum*), и количество упоминающихся в них церквей, часовен или монастырей поражает воображение.

Особенно следует остановиться на монастырях, так как именно в их скрипториях зародилась и начала развиваться исландская литература. За очень короткий срок на острове основывается множество монастырей, как мужских, так и женских. Эти монастыри жили по уставу святого Бенедикта, преимущественно в его августинском варианте. Цистерцианских монастырей в Исландии, по-видимому, было очень мало. Археология не смогла обнаружить сколько-нибудь значительных их следов по причине недолговечности материалов, о которых мы уже говорили, однако письменные источники не позволяют сомневаться в их существовании. В 1052 году епископ-миссионер Рудульф основал в Баере, на западе Исландии, монастырь, просуществовавший очень недолго. Затем был образован подчиненный Холарскому епископству и его главе Йону Огмундарсону бенедиктинский монастырь Пингейрар с цистерцианским филиалом в Мункатвере. Позже к ним добавились женский монастырь в Рейнисстаде, на севере острова, и августинский монастырь в Модрувеллире. Под эгидой Скалахольтского епископства существовали монастыри в Пиккватбаере (августинский), Флатее (викторинский) и в Видее. Монастырь в Хитардале также наверняка являлся бенедиктинским,

однако о нем мы знаем очень мало. Согласитесь, довольно много монастырей для такой небольшой страны и ее малочисленного населения!

Следует отметить, что по меньшей мере два из упомянутых монастырей — Пингейрарский (и его филиал в Мункатвере) и монастырь в Пикквабаере, — сыграли определяющую роль в зарождении и развитии исландской письменности. Нам известны имена аббатов и монахов этих монастырей, оставивших не по одному литературному произведению, оказавших большое духовное воздействие на современников. Считается установленным, что изобилие переводной «иностранный» литературы началось с житий, из которых до нас дошли два сборника — *SaGu о святых* (*Heilagra Manna Sögur*) и *SaGu об апостолах* (*Póstóla Sögur*). Словом, именно в монастырях зародилась исландская литература.

Следует также сказать, что история Исландии знала и отшельников обоего пола, иногда очень знаменитых: так, героиня *SaGu о людях из Лососьей Долины* Гудрун Освифсдоттир закончила свою жизнь, удалившись от мира!

◆ Религиозная практика в повседневной жизни

Вернемся к *Diplomatarium Islandicum*: изучение этого труда позволяет нам составить внушительный перечень церквей Исландии, с описью их имущества и описанием внешнего вида наряду с перечнем даров, пожертвований и наследств. Конечно, не стоит представлять себе нечто вроде внушительных романских или готических зданий континентальной Европы: обыкновенно исландские церкви представляли собой маленькие деревянные сооружения, не способные стойко противостоять воздействию времени. Однако одного факта их присутствия в Исландии достаточно, чтобы разрушить всякие предположения о любого рода противостоянии, пусть даже в зачаточном виде, между неисправимыми язычниками и христианами.

Даже поверхностное изучение повседневной жизни исландцев не оставляет в этом отношении ни малейшего основания для колебаний. Мы располагаем абсолютно достоверными источниками, которые позволяют подтвердить наши представления. Речь идет о сагах, называемых сагами о современниках (*samtíðarsögur*). Такое название эти саги получили потому, что их составляли авторы, являвшиеся свидетелями фактов, о которых писали (например, *Sturlunga Saga*). В данном случае нас интересует та подгруппа саг, которые описывают жизнь епископов (*Byskupa sögur*). Произведения такого рода главным образом содержат рассказы о чудесах (*jarteinaboekr*). В них описывается также жизнь и обычаи простого народа, что делает эти саги прекрасным материалом для изучения повседневной жизни среднего исландца. Именно эти тексты предоставляют нам массу мелких и весьма убедительных подробностей, позволяющих представить повседневную религиозную жизнь исландца — церковные службы, молитвы, посты, раздачи милостыни и благотворительные поступки и т. д. Из текстов саг следует, что в Исландии существовали личное почитание отдельных святых, мощей и реликвий, местные и далекие зарубежные паломничества, особое поклонение Богородице и Святому Духу, а также глубоко почтительное отношение к христианской духовности, да и вообще ко всему мистическому. С точки зрения этой стороны бытия трудно отметить какое бы то ни было существенное различие между исландцами и французами, жившими в XII веке. Очень интересен, например, тот факт, — мы не будем здесь тратить время на подробное обоснование данного утверждения, поскольку уже достаточно говорили о культе Богини-матери на Севере, — что в Исландии Дева Мария пользовалась особенным почитанием.

Разумеется, на уровне этики и мировоззрения взгляды, о которых мы недавно говорили, приобретают некоторое своеобразие. Известное северное толкование судьбы, чести и мести, о

которой мы будем говорить при подробном рассмотрении саг (см. Саги, глава 6), равно как понятие о священном, существовавшее у средневекового исландца, не вполне совпадают с требованиями христианского вероучения. Например, мы уже достаточно много сказали здесь о невероятной важности семьи и права, так что можем позволить себе несколько отойти от излишне буквальной интерпретации исландского христианства. Следует напомнить и об относительной слабости северного германского язычества. Это подтверждают те сохранившиеся черты язычества, которые подчас попадают в наших источниках и касаются культа или институций, богов и мифов, представлений об ином мире. От древней религии до нас дошло очень немногое. Мы находим упоминания о ней только в христианских источниках: охваченные полемическим пылом авторы-богословы доносят до нас в некоторых подробностях образ побежденного язычества. Но еще раз напомним, что не следует делать из средневекового исландца неискоренимого язычника. Напротив, все указывает на то, что он являлся «добрым христианином», и, как нам кажется, именно такой образ доминирует в исландской литературе.

Понятие чуда в истории Исландии можно приложить главным образом к литературе. Обилие, богатство, разнообразие и главным образом удивительное качество литературных произведений, поэтических, прозаических (саг и подобных им текстов), оставленных нам исландцами между началом XII и концом XIV века, поражают воображение. Ни один другой культурный регион Европы не смог создать такое изобилие. И следует задаться вопросом, каким образом несколько тысяч мужчин и женщин, оказавшихся на самом краю света с точки зрения тогдашней географии, живших в весьма трудных условиях и, вне сомнения, ощущавших собственную удаленность от центров мировой культуры, сумели, не повторяя европейских и античных литературных жанров, создать особые формы и без изменений передать их потомству — например, скальдическую поэзию и саги.

Именно в этой главе мы будем подробно говорить об основных особенностях того, что уже столько раз называли «исландским чудом». Надеюсь, что читатель четко представляет себе, о чем сейчас пойдет речь, особенно если он располагает некоторыми познаниями, относящимися к культуре древних германцев. Однако по сравнению с ней исландская культура обладает рядом уникальных особенностей.

Когда мы обращаемся к литературе и искусству средневековой Исландии, перед нами предстает нечто, поистине несравненное, совершенно не поддающееся обычным методам анализа. Мы вступаем на совершенно неизвестную нам территорию — этим объясняется, почему специалисты чувствуют себя выбитыми из седла и потерявшими привычные ориентиры, почему они говорят об «исландском чуде», которое, к слову, продолжается до сих пор, и об этом следует упомянуть особо: Исландия и по сей день является страной, где практически нет неграмотных. При населении в 300 000 жителей этот остров бьет все рекорды по количеству читающих, учащихся, посетителей библиотек, огромным тиражам книг, журналов или газет, короче говоря, претендует на исключительную роль во всех сферах образования. Мы намерены проникнуть в эту исключительно богатую культурную область и обратиться к таким не знающим равных шедеврам, каковыми являются обе «Эдды», скальдическая поэзия, саги и прочие произведения исландской литературы. Еще раз зададимся вопросом — не давая на него ответа, разумеется, — как могло случиться, что горстка мужчин и женщин (напомним, что численность населения Исландии до 1400 года не превышала 35 000 человек) — смогла подарить Европе столько драгоценных литературных произведений? Необходимо уточнить, что по количеству произведений (пока воздержимся относительно оценки качества, тем более что мы собираемся говорить об этом позднее) литература ни одной страны в ту же эпоху не могла сравниться с исландской. В качестве объяснения такого бурного расцвета была предложена едва ли не тысяча и одна причина, которые мы рассмотрим позднее.

Если обратиться к современной терминологии, можно предположить, что исландское общество состояло сплошь из одной «интеллигенции». Пытаясь понять, как могло появиться на свет все это богатство, легко представить себе, как все население страны проводит большую часть своего досуга, водя пером по пергаменту. Знатоки грамматики, астрономы (владевшие своей наукой в соответствии с общим уровнем эпохи), великолепные математики, несравненные прозаики, скальдические поэты доводят язык до совершенства, передавая свои мысли потомкам. Человек, написавший *Прорицание Вёльвы*, автор *Кодекса законов Серого Гуся*, или *Gragas*, творец *Саги о Ньяле Сгоревшем* (несомненно, являвшийся клириком), составители таких исторических компиляций, как *Morkinskinna*, или *Гнилая Кожа*, представляются нам

изможденными занятиями учеными мужами или клириками, наполненными божественной благодатью. Но вот оно, чудо: стоит только обратиться к сагам и мы видим, что молодой глава клана (Стурла Сигхватсон), шумный и честолюбивый, классический бонд... что он делает, когда навещает своего дядю Снорри Стурлусона, величайшего писателя страны? Он садится за чтение и переписывает для себя «истории королей» (то есть королевские саги «Земного круга»), составленные Снорри. «Обычные» персонажи саг — уже знакомые нам бонды, люди разносторонние, на наш взгляд, в критические моменты судьбы согласно авторам саг произносят несколько соответствующих обстоятельствам скальдических строк, поясняющих, как они намерены поступить; не случайно один *сагнамадр* («муж саги») характеризует почву описываемой им местности, как имеющую «красный цвет миниатюры». Подобных примеров можно привести великое множество; они доказывают образованность этих людей, которых невозможно назвать заурядными или серыми.

Как мы уже говорили ранее, исландцы и исландки ощущали себя на месте, занимаясь как самыми обычными, повседневными делами, так и за переписыванием рукописей. Мы уже рассказывали о повседневной жизни среднего исландца (см. Обычный день, глава 4), и нельзя сказать, чтобы его свободное время было посвящено без остатка одним увеселениям. Однако разве не удивительно — даже если речь идет о чисто литературном приеме, — читать о персонаже, который только что косил сено, и вдруг внезапно возникшая необходимость заставила его произнести изысканную скальдическую строфу? Причем иногда сложную настолько, что даже в наши дни, даже при наших познаниях едва ли можно придумать худшее наказание, чем разбираться в этом зашифрованном ребусе исландских скальдов X века! Приведем пример: Гисли Сурссон, случайно убивший своего шурина вследствие несчастливой стечением обстоятельств, однажды по неосторожности похвастался этим убийством при помощи весьма туманной строфы. И представьте себе, что среди слушателей оказалась его родная сестра, вдова убитого! Женщина эта, безусловно, принадлежала к бондам, и мы уже достаточно охарактеризовали эту категорию людей, но при этом следует помнить, что она все-таки не имела ярких литературных способностей и не получила серьезного художественного образования. Итак, она слышит эту строфу, запоминает, снова и снова воспроизводит ее в памяти, и в конце концов понимает ее смысл... Да, современный наблюдатель непременно будет обескуражен, когда попытается проникнуть в тайну возникновения великих произведений, которые оставила нам средневековая Исландия. Нам остается только внимательно изучать их!

Однако, прежде чем заняться этим делом, попробуем более внимательно посмотреть на исландский язык.

Исландский язык

Мы уже много раз говорили, что Исландия была заселена германцами, то есть индоевропейцами. Известно, что гипотетический индоевропейский праязык, восстановленный в наши дни сравнительным лингвистическим методом, породил различные языковые группы, одной из которых является германская, существующая уже больше добрых двух тысячелетий. Эта группа в свою очередь разделилась на подгруппы — вероятно, в связи с наличием различных автохтонных субстратов, по которым прокатились две последовательные волны нашествия индоевропейцев. Мы ограничимся здесь термином «волна», потому что не будем считать это нашествие военным «вторжением». Скорее всего продвижение индоевропейцев представляло собой нечто вроде неукротимого просачивания, напоминающего воздействие современных США на окружающий мир. Германская ветвь индоевропейской языковой семьи в

итоге разделилась на три подгруппы: восточную, или готскую, западную, к которой принадлежат немецкий, английский и голландский языки, и северную, которая и интересует нас в данный момент.

Последнее ответвление в свою очередь разделилось надвое. Восточную группу составили три языка: датский, шведский и гутнийский (*gutnisk*) — язык, на котором говорят на острове Готланд. Западную ветвь представляют древненорвежский язык (по прихоти истории этот язык почти совершенно исчез, вытесненный датско-норвежским языком, или букмалем), фарерский (являющийся самостоятельным языком) и исландский язык.

На общей схеме языки, реконструированные гипотетически и не засвидетельствованные письменными документами, отмечены звездочкой; сокращения: VA = древнеанглийский язык, VFr = древнефризский, VBF = древний нижнефранконский, VS = древнесаксонский язык, VHA = древневерхнегерманский язык.

Характерной особенностью северной культуры, напрямую не связанной с интересующей нас литературой, но которой нельзя пренебрегать, потому что она играет важную роль в северном языкознании, являются руны. Существование их впервые зафиксировано около 200 года в континентальной Германии. Считается, что руны восходят к северо-италийской письменности. Поначалу они образовывали «алфавит» из 24 знаков, называвшийся старшим футарком, однако около 800 года число знаков уменьшилось до 16 (младший футарк). Исследователи не нашли достаточно убедительного объяснения этому сокращению числа символов языка на целую треть.

◆ **Руны: два футарка**

Старший футарк (200–800 гг.)			Младший футарк (начиная приблизительно с 800 г.)		
Знак	Звук	Название	Знак	Зна- чение	Название
ƿ	f	фе (скот, серебро)	ƿ	f	фе (богатство)
u	u	ур (бык)	u	u	ур (бык)
th	th	турс (великан)	th	th	турс (великан)
a	a	ас (бог)	a	a	ас (бог)
г	г	рад (повозка)	г	г	рад (повозка)
<	k	кен (факел)	ƿ	k	кен (факел)
х	g	нюд (печаль)			
ƿ	w	вуньо (радость)			
h	h	хагал (приветствие)	*	h	хагал (святость)

†	n	наугиз (потребность)	†	n	нюд (печаль)
	i	иса (лед)		i	иса (лед)
↘	j	йера (год)	↘	a	ар (плуг)
↙	i/é	эйваз (сила)	↙	s	соль (солнце)
⌊	p	перт (чаша судьбы)			
Υ	R	альгиз (лось)			
⚡	s	соулу (солнце)			
↑	t	тейваз (бог Тюр)	↑	t	тиу (бог)
ᚷ	b	беркана (береза)	ᚷ	b	беорг (береза)
ᚺ	é	эваз (лошадь)	Υ	m	человек
ᚦ	m	манназ (человек)	↑	l	
┘	l	лагуз (вода)	⌋	R	юр (море)
◇	ng	Инг (бог земли)			
ᚦ	d	дагаз (рассвет)			
⊗	o	отила (владение)			

Горизонтальные линии разделяют три «группы» (*эттира*, или восьмерицы), содержавшие в старшем футарке по восьми символов (восемь = *atta*, дает множественное число *oettir*), которые составляют эти «алфавиты».

Примером может послужить одна из надписей на камне из Йеллинга (Дания, X век).

H R R R G T R : † n i n g R : ᚷ ᚷ : ᚦ R R R R : † n ᚷ † : ᚦ R n ᚺ i : ᚦ ᚦ † : † n R ᚺ ᚺ :
 ᚦ ᚦ ᚦ R R : ᚺ i † : † n ᚺ : ᚦ ᚦ : ᚦ R R R R : ᚺ n ᚷ R R : ᚺ i † † : ᚺ R : ᚦ ᚦ ᚦ ᚦ R R : † ᚦ ᚺ :
 ᚺ R R : n ᚺ : ᚦ ᚦ ᚦ ᚦ ᚦ R R : ᚦ ᚦ : ᚦ n ᚺ : ᚦ n R R ᚺ i ᚦ ᚦ : ᚦ n ᚦ : † ᚦ ᚦ i :

haraltrkunukrbapkaurvakublþausiaftkurm
faþursinauakftþauruimuþursinasaharaltifl
iassaruaritanmaurkalaauknuruiakauk
tanikarþikristna

Разбивка согласно нормам исландского языка: *haraldr konungr bað gera kumbl þessi eftir*

gorm föður sinn ok eftir þýri móður síná, sa haraldr er sér vann danmörk alia ok norueg ok dani gerði kristna

Перевод:

Король Харальд приказал сделать этот монумент в память о Горме, своем отце, и о Тюри, своей матери. Харальду принадлежит вся Дания, равно как и Норвегия, он сделал датчан христианами.

Речь здесь идет о датском короле Харальде Гормсоне, правившем около 980 года и официально принявшем христианство; он действительно являлся также королем норвежцев. Король Горм, отец Харальда, был весьма известной персоной, как и его супруга Тюри, мать последнего. Королева Тюри пользовалась широкой известностью, так как в другой надписи на том же камне ее называли «славой Дании».

Руны интересны для нас в первую очередь тем, что передают слова «германского» языка и таким образом позволяют нам отслеживать его поэтапное развитие. Заодно следует отбросить абсурдную, но стойкую легенду, согласно которой эти клиновидные символы являются магическими знаками. В Исландии для этого вообще не было основы по вполне очевидным причинам: руны надо было вырезать на твердом основании, преимущественно на камне или дереве, коже, кости, а в Исландии подобных материалов в достаточном количестве не было.

Кроме того, следует учесть, что около 1000 года практически вся Скандинавия говорила на одном и том же языке, который мы называем протонорвежским, и датчане, норвежцы, шведы и исландцы без особых усилий понимали друг друга. Исландцы, которые, как мы помним, в основном были выходцами из юго-западных областей Скандинавии, привезли с собой на остров язык, более или менее общий для всех скандинавов. И вот снова повод для восхищения: несмотря на все исторические невзгоды, значительную отдаленность от основных очагов цивилизации и бурное море, отделявшее остров от континента, язык, на котором говорили первопоселенцы острова, не претерпел практически никаких изменений в течение почти тысячи лет. Конечно, несколько мелких изменений произошло в орфографии или произношении, однако современный исландец, житель Рейкьявика, говорит на том же языке, на котором говорил его далекий предок еще тысячу лет назад. А, скажем, десятилетний ребенок способен без проблем прочитать текст XII века, если записать его в привычной ему современной орфографии.

Отсюда проистекает много увлекательных следствий. Например, то, что исландский язык находится довольно близко к корню эволюционной ветви германских языков, отходящей от индоевропейского ствола. А поскольку язык и менталитет связаны самым тесным образом, исландский язык максимально точно отражает то видение человека, жизни и мира, которое было присуще Западу в начальной стадии развития его духовной культуры. Кроме того, те великие произведения, которые мы будем рассматривать в дальнейшем, запечатлели остатки очень древнего мироощущения, не говоря уже о религии или этике, соответствующим крайне древним пластам истории. Итак, изучение исландской цивилизации может принести самые неожиданные плоды!

◆ Произношение в исландском языке

Ниже приведена таблица, в которой показано, как произносятся звуки в исландском языке. При этом отмечается, что гласные могут быть или очень долгими («о» как во французском слове *rose*, «роза»), или очень краткими («о» как во французском слове *botte*, «ботинок»), длительность звука отмечается в исландском языке значком ударения с наклоном вправо:

Знак	Древнее звучание	Современное звучание
гласные		
a	«а» краткий, как в слове «даль» (sannur, правда)	«а», как в слове «даль» (sannur, правда)
á	«а» долгий, как в слове «дама»	«ао», как в слове «баобаб» (ást, любовь)
e	«е» краткий, как в слове «мель»	«е» краткий (hestur, лошадь)
é	«е» долгий, как в слове «мелочь»	«ие», как в слове «платье» (fé, серебро)
i	«и» краткий, как в слове «пик»	«и», как в слове «миля» (vinna, работать)
í	«и» долгий, как в слове «лира»	«и» долгий, как в слове «лира» (vík, залив)
o	«о» краткий, как в слове «крот»	«о» краткий, как в слове «крот» (nordur, север)
ó	«о» долгий, как в слове «корка»	«о» как в английском слове «know» (ór, крик)
u	«у» краткий, как в слове «круг»	«у» краткий, как в слове «круг» (sudur, юг)
ú	«у» долгий, как в слове «курица»	«оу» долгий, как в слове «курица» (hús, дом)
y	«ю» краткий, как в слове «люк»	«и» как в слове «миля» (yfir, под)
ý	«ю» более долгий, чем в слове «любовь»	«и» долгий, как в слове «лира» (ýla, выкрикивать)
ae	широкое «э»	«ай» (foera, переносить)
oe	«ё» как в слове «пчёлъ»	«ай» (oegg, сумасшедший)
ø или ö	«ё» как в слове «грёзы»	«ё» как в слове «грёзы» (og, плоть)
дифтонг au	«ау» как в слове «раут»	«ей» (austur, восток)
ei или eu	«ей»	«ей» (euga, ухо)
согласные		
ð	английское «th» в артикле the	английское «th» (madur: человек, мужчина)
f	«V» между двумя гласными или на конце слова после гласной: haf	то же звучание
fl,fn		bl, bn в afl, nafn
g	как «g» в слове «гараж» или «ий» перед e, i, j	как «g» в слове «гараж» (géga: делать)
h	всегда с сильным придыханием	нет немого «h»
j	как й в слове «йогурт»	как й в слове «йогурт»
þ	как английское «th» в слове thick	как английское «th» в слове thin

Словарь исландского языка, относящегося к группе германских, сильно напоминает английский или немецкий языки (*hús*— дом, ср. в английском *house*, в немецком *Haus*; *finna*, находить — в английском *find*, в немецком *finden*). Этот язык подвергся изменениям согласно закону Гримма (переход замыкающих глухих звуков в соответствующие звонкие: $p-t-k > b-d-g > f-p-h$; так, санскритское *pitar* стало *faðir*— отец). Существует два вида склонений имен существительных: одно склонение, называемое сильным, различает указательные окончания падежей, которых всего четыре (именительный, родительный, дательный и винительный).

Пример склонения существительного *steinn*(камень):

Падеж	Ед. число	Мн. число
Именит.	<i>steinn</i>	<i>steinar</i>
Родит.	<i>steins</i>	<i>steina</i>
Дат.	<i>steini</i>	<i>steinum</i>
Винит.	<i>stein</i>	<i>steinar</i>

Другое склонение называется слабым, где падежи в единственном числе имеют в качестве окончаний гласные, а не согласные.

Пример склонения существительного *granni*(сосед):

Падеж	Ед. число	Мн. число
Именит.	<i>granni</i>	<i>grannar</i>
Родит.	<i>granna</i>	<i>granna</i>
Дат.	<i>granna</i>	<i>gronnum</i>
Винит.	<i>granna</i>	<i>granna</i>

Прилагательное, присоединяемое к имени существительному, также имеет два вида склонения, согласно тому, определено ли оно контекстом или нет: *goðr maðr*(некий хороший человек), *inn goði maðrinn*(конкретный хороший человек). В этом проявляется весьма специфическая черта скандинавских языков — постпозиция определенного артикля, который, таким образом, находится после имени существительного: *maðrinn*, где *maðr*= человек, *inn*= артикль.

Глаголы также бывают двух типов — сильные и слабые. Сильные подчиняются закону апофонии, заключающемуся в изменении корневой гласной, указывающем, что глагол находится в настоящем времени изъявительного наклонения (или в инфинитиве), в прошедшем времени или в причастии прошедшего времени: *bíta*— кусать; я кусаю — *bít*, я укусил — *beit*, укушенный — *bitinn*. Или *krjúpa*— ползать, настоящее время — *krúp*, простое прошедшее время — *kraup*, сложное прошедшее время — *krupum*, причастие прошедшего времени — *kropinn*. Напротив, слабое спряжение, которое свойственно германским языкам (совсем как слабое склонение прилагательных), добавляет один зубной звук следом за корневой гласной глагола: *kalla*— звать, *kalladi*— я звал.

Исландский язык (не будем называть его древнеисландским, так как он практически не изменился за последнее тысячелетие) — это язык флективный, отражающий любые операции по отношению к существительным, прилагательным, наречиям или глаголу присоединением особых окончаний. Фонематические варианты весьма разнообразны; существуют многочисленные классы имен существительных, согласно тому, как мы их склоняем. То же самое касается и глаголов. У наречий, как и у прилагательных, имеются специальные формы для того, чтобы выражать степени сравнения (простое сравнение и превосходная степень).

Кроме того, по причинам эволюции в диахронии этот язык знает такие фонетические феномены, как метафония (немецкий умлаут) или изменение корневой гласной в зависимости от фонемы, фигурирующей в следующем слоге: *ég kallaði*(я призывал), но *við hölluðum*(мы призывали), преломление, которое «повреждает» «е» краткое при наличии в следующем слоге букв «а» или «и»: **ferpur*(звездочка указывает, что речь идет о форме, возвращенной сравнительным методом, но не засвидетельствованной документами) > *fjörðri* или **helmar* > *hjalmr*, не говоря уж о синкопе, или выпадении звука, главным образом в конце слова, а также о многочисленных случаях ассимиляции, то есть о редукции группы из двух различных согласных до простой сдвоенной согласной: **kamp* > *kapp*(бой) или **stainar* > *steinn*(камень).

Из этого следует, что в итоге каждая вокабула носит в себе свое «удостоверение личности», и анализ флексий и изменений, которые ими вызваны, определяет природу слова, его функцию, его роль в речи. В результате синтаксис этого языка очень свободный, что не слишком облегчает его понимание.

Еще одна характерная черта: как и все германские языки, исландский язык сильно акцентуирован. В каждом значащем слове есть ударение, называемое силовым, как в немецком языке (но не как во французском языке, где динамическое ударение ставится на последнем произносимом слоге). Но более того — и это скорее всего является одной из черт, порожденных норвежским автохтонным субстратом, — к этому первому силовому ударению добавляется вторичное ударение с гортанным взрывом, или глоттализацией, характерный признак этого языка. Это явление в исландском языке соответствует ударению II в шведском и норвежском языках или ударению *sfødv* датском: речь идет о резком и очень кратком прерывании звучания, которое придает языку характерный темп и, так сказать, «рубит» речь. Однако не следует вследствие этого считать, что исландский язык не является красивым и музыкальным языком — на нем были написаны великолепные поэтические произведения, и тысячелетие их существования доказывают его красоту. И хотя уху иностранца он может показаться горловым и рубленным, это все же красивый и очень богатый язык, особенно в области конкретных понятий. Это замечание выглядит банальным, но этот язык идеально соответствует душевному складу тех, кто на нем говорит. Возможно, он мало приспособлен для выражения лиризма (эта тональность не была популярна в Средние века), но он очень фактичен, очень «техничен». Вскоре мы начнем рассматривать поэзию скальдов и убедимся в этом — ведь великая поэзия, пережившая века, не могла бы увидеть свет, не будь этого замечательного инструмента, так хорошо приспособленного для решения стоящих перед ней задач.

Поэзия скальдов

Европейская культура, с тех пор как мы ее знаем, никогда не производила на свет ничего равного по техничности, сложности и изысканности тому, что мы называем поэзией скальдов. Эта поэзия представляет собой яркий продукт типично скандинавской (северогерманской) культуры, зародившейся на южных берегах Балтийского моря около VII века. Некоторое время скальдической поэзией занимались норвежцы, а затем она стала исключительно исландским видом творчества. Именно в Исландии эта замечательная и значительная поэзия познала истинный и бурный расцвет.

Мы знаем о ней, с одной стороны, потому, что до нас дошло множество поэтических текстов, а с другой стороны и главным образом потому, что так называемая прозаическая «Эдда», составленная Снорри Стурлусоном (мы будем говорить о ней ниже, см. «Эдды», глава 6), была задумана вначале как образец поэтического произведения, иллюстрирующего правила скальдического стихосложения.

Скальдами называли в Скандинавии придворных поэтов, хотя выражение «придворный» здесь не вполне уместно, так как на Севере никогда, по крайней мере до XII века, не существовало настоящих королевских дворов, соответствующих классическому представлению. Точнее будет сказать, что северогерманский вождь или конунг окружал себя чем-то вроде «дома» (вначале называвшегося *drótt*, а затем, вследствие англосаксонского влияния, *hirð*). Наилучшим эквивалентом этого понятия будет французский средневековый термин «*mesnie*», включавший в себя личную охрану, главных приближенных, близких родственников и нескольких видных представителей знати, среди которых находился один или несколько скальдов. Смысл термина «скальд» ныне не известен; может быть, он каким-то образом связан с магическим происхождением искусства скальдов, однако в подобных высказываниях следует соблюдать осторожность. Возможно, скальд являлся неким подобием местного историографа, за известное вознаграждение в искусной поэтической форме воспевавшего подвиги своего хозяина или великие события его правления. Скальду не запрещалось — что весьма редко встречается в литературе подобного рода — выражать свои собственные чувства, даже свою страсть и влюбленность. И хотя нет абсолютной уверенности в точном происхождении этой поэтической формы, но, похоже, что ее не следует возводить к кельтской или латинской поэзии: германцы всегда ценили «длинный аллитерированный стих», который, становясь все более изысканным, в конце концов породил скальдический размер в его различных разновидностях. Поэтому нет никакого сомнения в том, что этот вид литературы был типично германским и перешел от южных германцев к норвежцам, а затем к исландцам.

Скальдическая поэзия поначалу не привлекает внимания своим содержанием, которое является совершенно стереотипным, например: «Я прославляю X... дарителя колец (= щедрого князя)... накормившего воронов (= одержавшего победу), бороздящего море на своем корабле, двигаясь в таком-то направлении». Внимание здесь заслуживает прежде всего, если не исключительно, качество стиха, напоминая тем самым современные вестерны или французские водевили конца XIX века, где нас интересует не сам «сюжет», содержание которого нам известно заранее, но то, что автор сумел извлечь из давно разработанной темы.

Рассмотрим пример, который датируется началом XI века. Это текст, написанный исландским скальдом Сигватом Тордарсоном и представляющий собой *erfidrúpa* (весьма изощренную хвалебную поэму, декламируемую по случаю похорон) короля Олафа Харальдссона Великого, известного под именем святого Олафа. В августе 1030 года король погиб в битве при Стикластадире (Норвегия) от рук своих подданных, взбунтовавшихся против его чрезмерно авторитарной политики. В тексте говорится, что никто и не предполагал, что народная армия (состоящая из бондов) может восторжествовать над людьми короля (аллитерации подчеркнуты знаком =, внутренние рифмы (*innrím*) выделены жирным шрифтом, ударения обозначены знаком •, количество слогов в каждой строке указано в начале строки):

•	•	•					
7	á	dr	vi	tu	eigi	mei	dar
•	=		=	•		•	
6	ó	gnar	sker	s	né	her	sa
=	•		•		•		•
6	þj	óð	réd	pengils	da	ða	
=		•	=	•		•	
6	þann	styrk	buand	man	na		
=	•		•		•		•
6	es	sli	kan	gram	sók	num	
•	=		•		•	=	
6	sá	relds	víðir	feldi			
=	•		•		•		•
6	mörg	lá	dýr	í	dreyra		
•		=	•		=	•	
6	drótt	sem	Áleifr	Þótti			

Здесь мы видим строфу, написанную наиболее часто употреблявшимся размером — *дротткваетт*, или *drótt*. Свободный ее перевод может звучать так (значение терминов хейти, *heiti*, и кеннинг, *kenning(ar)*, будет определено далее):

«Деревья скалы, где шел бой (то есть мужчины, воины), не знали еще, что у крестьян была такая сила (*búandmanna*: первоначальная форма для *búandi menn*, *boendr*, разновидность хейти) и у баронов (собственно *hersir*); народ стал причиной смерти принца (*þengill*: хейти коннунга) когда деревья огня ран (*kenning*, огонь ран = меч, его «дерево»: человек, воин) убили принца во время битвы (*gramr*; хейти короля), которого ценил *Áleifr* (хейти, архаичное начертание имени Олаф — *Óláfr*), воин высочайшего мужества (архаизм, *drótt*= человек, воин) упал, обливаясь кровью».

◆ Немного о ритмике стиха

Здесь важно отметить следующее:

— скальдическая поэзия — поэзия строф; строфа, или *visa*, состоит из восьми строк (два раза по четыре строки). Согласно организации этих строф, особенно в зависимости от наличия или отсутствия «припева», различают *драпы* и *флокки*, в которых нет «припева»: под «припевом» здесь понимаются одна или две строки, которые включаются в строфу и регулярно повторяются. Но существует много других возможных сочетаний строк. Известна особая форма экспромта, или *lausavísa*, которая нередко встречается в сагах, будучи включенной в прозаические тексты;

— каждая строка обыкновенно состоит из шести слогов (но не обязательно), среди которых три ударных;

— строки связаны попарно консонантной или вокалической аллитерацией (отметим, что все гласные независимо аллитерируют между собой, таким образом мы имеем здесь в первых двух строках «á — ei — ó»). «Ключ» к ним дается первой буквой первого слова каждой пары

строк (здесь последовательно: o, затем þ, s и d), он дважды объявляется в предшествующей нечетной строке. Принцип аллитерации, похоже, был чисто германским изобретением: мы его видели, например, при выборе имени новорожденного (см. Этапы жизни, глава 4). Он также встречается в текстах законов, которые также охотно аллитерируют или включают в них аллитерированные формулы (например: отчуждать вследствие своего поведения *fé ok fjörvi*, имущество и жизнь). В общем, это свидетельство древности и, таким образом, автохтонной достоверности;

— в каждой строке присутствует «внутренняя рифма» (*innrím*) которую мы назвали бы скорее возвращением начертания (очень точно: любая гласная, за которой следуют одна или несколько одинаковых согласных. Здесь, последовательно: að — eið, ers — ers, oð — að, ann — ann и т. д.). «Ключ» этого *innrím* в каждой строке попадает на предпоследний слог, обязательно находящийся под ударением. У нечетных строк имеются «полурифмы»: одинаковая согласная предваряется там гласными или группами различных гласных (að — eið, ik — ok); у парных строк есть «полные рифмы»: той же согласной предшествуют одна или несколько одинаковых гласных (ers — ers, eld — eld). Эти повторы всегда находятся под ударением;

— каждая полустрофа (*vísuhelmingr*) обязательно составляет смысловую единицу стиха или полный синтаксический блок. Второй *helmingr* нередко проводит ту же идею, что и первый, но, разумеется, с заменой выражений. Речь, таким образом, идет об искусстве варьирования (идеи, формулировки и т. д.).

Итак, мы видим, что скальдическая поэзия базируется на некоторых обязательных принципах: акцентуация, чередование, словарь и синтаксис. Коротко говоря: в каждой строке должно быть три ударения, место которых строго определено, так как оно определяет аллитерацию и *innrím*. Мы также не настаиваем на принципе чередования долгих и кратких слогов, что формирует в классических языках самые разные стихотворные размеры, такие, как спондеи, трохеи, дактили и т. д. Управление аллитерациями, ударениями и чередованиями предоставляет колоссальные возможности, определяющие такое количество размеров, что Снорри Стурлусон в своей «Эдде» приводит их более ста!

◆ Немного о словаре

Работу со словарем проследить намного проще: его принцип состоит в том, что нельзя называть предметы или живые существа по имени — возможно, это пережиток древних религиозных табу. Ранее мы высказывали предположения относительно шаманских обрядов (см. Мифология и боги, глава 5) или тотемных ритуалов (см. Этапы жизни, глава 4) в которых было запрещено называть персонажи, священные сами по себе или сакрализованные вследствие обстоятельств. Но речь может идти также о поэтической изысканности, являющейся следствием невероятной виртуозности стихотворцев. Таким образом, истинные понятия заменялись различными синонимическими образами, или *хейти* (дословно: наименование), которые использовались для замены самого слова неким техническим термином (например, *lind* — липа, вместо *skjoldr* — щит, так как щиты нередко делались из этого дерева). В поэтической «Эдде» содержится великолепная песня *Речи Альвиса*, или *Alvíssmál*, где карлик по имени Альвис учит бога Тора основным хейти, используемым в различных мирах, то есть в мире богов, великанов, эльфов, ванов и людей. Таким образом, мы узнаем, что море «Люди Морем зовут, Водами — боги, Волнами — ваны, Влагою — альвы, Домом Угря — великаны, а карлики — Глубью».

Скальдами использовались также перифразы — условленные описательные выражения, называемые кеннингами, *henningar* (мн. ч. *kenning*, смысл этого термина: знание, средство узнать). Как правило, это два термина, соединенных принципом принадлежности: дерево

сражения = воин, чайка ран = ворон, хозяин чертога ветров = Бог. Художественная ценность этой речевой фигуры очевидна: цель ее состоит в том, чтобы создать ассоциации между собственно темой и совершенно другим уровнем (то же самое, хотя и в несколько меньшей степени, можно сказать про *хейти*). Таким образом, скальд может говорить одновременно о двух или более вещах, вдохновение легко переносит его с одного плана на другой и позволяет переплести их между собой. В результате простое изложение фактов значительно обогащается. Вот идеальная схема серии кеннингов:

А... принадлежащее b...,
которое принадлежит с...,
которое принадлежит d...,
которое принадлежит e...,
которое принадлежит f... и т. д.

Следует отметить, что слово, которое требуется узнать, угадать, никогда не должно фигурировать само по себе, или входить в состав, или быть производным какого-либо из компонентов кеннинга. Важно лишь отношение между составляющими элементами стиха, последовательное приближение с использованием всех возможных средств гармонического обогащения стиха к предполагаемому понятию. Согласно неписаным правилам, кеннинг (и в меньшей степени хейти) должен в принципе использовать аппарат древней мифологии — и мы увидим (см. «Эдды», глава 6), как Снорри Стурлусон использовал эти элементы в своей «Эдде».

◆ Синтаксис

Остается синтаксис: невероятно свободный, так как любое слово может изменять свое положение, и нет жесткого порядка слов внутри фразы, который обязателен в некоторых других языках. Таким образом, каждое предложение может быть разъединено и распределено на все четыре строки полустрофы, хельминга *vísu-helmingr*; при этом всегда сохраняется возможность вернуться к изначальной, грамматически связанной последовательности. Трудно поверить, что слушатели действительно понимали столь изощренное и запутанное изложение, однако — и об этом свидетельствуют саги — они без труда справлялись с этой довольно сложной задачей! Возможно, что им помогало произношение, то есть декламация строк на разные тона (или с помощью модулированного распева). Каждое предложение произносилось в ином регистре, что помогало аудитории следить за повествованием. Тщательный анализ показывает, что четыре строки одного хельминга образуют два или три грамматических предложения, разъятых и распределенных так, как мы только что описали; но вполне возможно, что каждое из этих предложений произносилось с особой интонацией, с изменением голосового регистра, что облегчало слушателю восприятие — в большей степени, чем читателю!

Стоит обратить внимание на принципы, по которым строилась поэзия скальдов, так как именно их использует, хотя и в несколько более упрощенной форме, эддическая поэзия (о которой мы поговорим более подробно). В эддической поэзии приняты четыре размера: *kviðuháttir*; *málaháttir*; *ljóðahátti* (*káttir*= способ, *kviða*— повествовательная поэма, *mál*— то, что в Средние века называли «сказ», а *ljod*тождественно лэ — небольшому стихотворению) и *galdralag*, предназначенный для текстов магического характера.

Другой оригинальной чертой поэзии скальдов является то, что ее произведения редко оказываются анонимными, в отличие от саг. Первый известный нам скальд, Браги Бодассон, жил в IX веке в Норвегии. Он является автором *Ragnarсдрапы*, где описывается прекрасный щит, овеянный боевой славой. У него были знаменитые соотечественники, такие, как Эйвинд

Скальдаспиллир (его, правда, обвиняли в плагиате). Однако вследствие того авторитета, который исландцы довольно быстро завоевали в сфере литературного творчества, их превосходство в этой области не оспаривается. Одним из первых авторов знаменитых саг, относящихся к разряду саг об исландцах (*Islendingasögur*), является Эгиль, сын Грима Лысого, создатель великого шедевра *Утрата сыновей* (*Sonatorrek*). В этой повести он скорбит по поводу трагической гибели своих сыновей, при этом отдавая себе отчет, что он творит для них такое «надгробие», которое обеспечит им бессмертную славу в будущем, даже если бы они и не совершили свои великие подвиги. На страницах саг выступает целая плеяда исландских и норвежских деятелей, причем некоторые были написаны специально про этих людей (примером этого может быть *Saga о Гуннлауге — змеином языке*). Вне сомнения, следует также назвать имя такого скальда, как Кормак Огмундарсон, потому что он творил в редком для Исландии жанре любовной поэзии.

Следует также отметить, что, вопреки распространенному мнению о том, что поэзия скальдов является типично языческим литературным жанром — поскольку в этих произведениях, как мы уже говорили, использовался весь пантеон языческих богов и элементы древних мифов, — в рамках этого жанра был создан и целый букет скальдических поэм, вдохновленных христианскими идеями, что может служить еще одним доказательством полного отсутствия противостояния между двумя культурами — языческой и христианской. Такие блестящие скальдические произведения, как *Geisli* (*Луч*; речь здесь идет о святом Олафе, который сравнивается здесь с божественным солнечным лучом) Эйнара Скуласона (около 1150 года), анонимная *Sólarljóá* (небольшое лэ, обращенное к солнцу), где удивительным образом сплелись воедино языческие и христианские мотивы (около 1200 года) и главным образом *Lilja* (*Лилия*, хвалебная песнь Деве Марии) монаха Эйстейна Асгримсона (около 1350 года), доказывают, что религиозные мотивы не были решающим моментом в этой поэзии: главным является удивительно изысканная и невероятно сложная техника стихосложения.

«Эдды»

В 1643 году лютеранский епископ (Исландия в XIV веке подпала под власть Дании и приняла новое исповедание одновременно с метрополией) Брюньольв Свейнссон обнаружил в Исландии рукопись «Эдды» — одного из текстов, наиболее почитавшихся в этой стране. Он преподнес этот манускрипт королю Дании, откуда возникло закрепившееся за рукописью название *Codex Regius* — Королевский кодекс. Манускрипт содержал около тридцати песен, датируемых XIII веком, но палеографическим методом было доказано, что эта рукопись была копией еще более раннего оригинала. Само произведение получило название *Поэтической*, или «*Старшей Эдды*». (Следует отвергнуть как ошибочное укоренившееся мнение, приписывающего ее священнику Сэмунду Сигфуссону Мудрому, жившему в начале XII века. Вследствие этого ошибочного представления этот свод песен называли также Сэмундовой Эддой.) Не стоит путать его с так называемой «Младшей Эддой».

Не вполне понятно значение самого слова «Эдда»: согласно последним исследованиям, оно восходит к латинскому слову *edere* (сочинять поэтическое произведение), однако следует принимать во внимание то, что в исландском языке существовал термин *kredda*, восходящий к латинскому *credo* и глаголу *credere* — верую. Однако не следует слишком категорически отрицать и другую теорию, согласно которой название «Эдда» связано с Одди, названием местности в центре острова, где в XI и XII веках находился блестящий культурный центр, хранящий древние традиции.

Рагнарёк. Гравюра И. Геертса. XIX в.

Песни «Эдды» отличаются разнообразием жанров; здесь можно встретить стихотворные афоризмы *Речей Вафтруднира* (*Vafþrúðnismál*), где Один соревнуется в знаниях с великаном), стихотворные повествования *Песни о Хюмуре* (*Hymiskviða*), в которой рассказывается о том, как Тор попытался, пусть и безуспешно, поймать Великого Змея Мидгарда, генеалогии *Песни о Хюндле* (*Hundluljóð*), где богиня Фрейя излагает своему протеже Оттару его родословную, чисто мифологические мотивы *Речей Гримнира* (*Grímnismát*), в которых рассказывается, каким образом Один приобрел свои знания, героические мотивы *Песни о Сигурде* (*Sigurðarkviða*), в которой повествуется о приключениях Сигурда, убийцы дракона Фафнира, и даже сатирические мотивы *Перебранки Лаку* (*Lokasenna*), в которой бог огня по очереди осмеивает всех богов и богинь; словом, все, за исключением лирического жанра.

Но самыми прекрасными жемчужинами этого собрания следует назвать две песни, уже неоднократно упоминавшиеся на этих страницах: *Речи Высокого*, или *Hávamál*, где содержится набор этических рекомендаций, а также рассказывается, каким образом Один добыл мед поэзии, и *Прорицание Вёльвы*, или *Völuspá*, где Пророчица-Вёльва в грозных и величественных видениях излагает мифическую историю мира, богов и людей, начиная с зарождения мира и до Конца времен, или Рагнарёка, после Чего мир возникнет заново.

Вся совокупность песен в целом (а в особенности героический цикл) имеет прежде всего общегерманский характер, но также, разумеется, связана с народами Севера, а некоторые из этих текстов уходят корнями в индоевропейский мир — как, например, уже упоминавшаяся нами *Песнь о Вёлунде* (*Völundarkviða*) или *Поездка Скурнира* (*Skírnisför*), предположительно, являющаяся культовой языческой песней, исполнявшейся во время весеннего праздника соединения бога солнца с богиней земли.

Песни стихотворной «Эдды» и их содержание изложены далее согласно порядку, в котором они фигурируют в *Codex Regius*. Все эти поэтические произведения можно отнести к одному типу стихосложения, намного более простому, чем классические скальдические размеры. Наиболее часто встречающимся из них является *fornyraislag*— очень древний певческий размер.

— *Прорицание Вёльвы, Völuspá*: Пророчица рассказывает мифическую историю вселенной, великанов, богов и людей, с самого начала ее бытия до Рагнарёка (*Ragnarök*) и сообщает о последующем возрождении мира.

— *Речи Высокого, Hávamál*: В начале песни Высокий (Один) излагает целый спектр этических предписаний, касающихся поведения в тех или иных обстоятельствах, сопровождая их философскими и морализаторскими примечаниями относительно людских обычаев, довольно циничными и полными ехидных колкостей в отношении женщин. Затем он рассказывает о том, каким образом обрел знания о возвышенных вещах, и дает вторую серию советов; далее он упоминает об испытаниях, которые ему пришлось выдержать, чтобы обрести мудрость, и описывает восемнадцать тайных способов преодолеть любые несчастья. Для нас наиболее интересной является первая часть этой песни: ее можно считать изложением этического кодекса викингов. Ее следует прочитать каждому, кто страдает «викингоманией», так как в рекомендациях, предлагаемых ею, нет ничего героического и романтического. Высокий рекомендует людям быть осторожными, недоверчивыми в любых обстоятельствах, особенно заботиться о приобретении материальных ценностей, не стесняться проявлять откровенную жадность. Текст не лишен циничного отношения к человеческой жизни и вызывает определенные ассоциации с некоторыми предписаниями библейской *Книги Екклесиаста*. Есть и несколько более симпатичные рекомендации, например требование соблюдать гостеприимство, уважать людей, товарищество или дружбу, говорится о радости совместной жизни и о необходимости снискания славы — последний аспект является самым важным компонентом этого мировоззрения.

— *Речи Вафтруднира, Vafþrúðnismál*: Один собственной персоной отправляется к всезнающему великану Вафтрудниру, чтобы посоревноваться с ним в знании священных тайн. Он задает великану разные вопросы, например: как называется равнина, на которой боги и силы зла сойдутся в великой битве? Из чего состоит обитаемый мир? и т. д. И в споре о том, чьи знания глубже, побеждает Один. Снорри Стурлусон, бесспорно, внимательнейшим образом прочитал этот интереснейший текст, прежде чем изложил его в своей собственной «Эдде».

— *Речи Гримнира, Grimnismál*: Назвавшийся Гримниром («Скрытым»), Один не находит гостеприимства в доме конунга, однако, когда сын вождя привечает бога, открывает молодому человеку тайные знания о мире богов и древе Иггдрасиль. Интереснейший текст явным образом пропитан представлениями шаманизма.

— *Поездка Скирнира, För Skírnisi* и *Shírnismál*: бог Фрейр, в данном случае символизирующий весеннее возрождающееся солнце, влюбляется в прекрасную великаншу Герд, которую увидел со своего престола в доме ее отца, и посылает своего слугу Скирнира (Сверкающий) просить ее руки. Красавица, олицетворяющая богиню плодородной земли, сперва отвергает предложение, несмотря на предложенные ей Скирниром подарки, после чего посланец Фрейра вынужден прибегнуть к угрозам: он сулит применить силу и чары, и в результате Герд уступает. Это любовное приключение является одним из наиболее древних среди известных в европейской литературе.

— *Песнь о Харбарде, Hárbarðsljóð*: Один, называемый здесь «Седой бородой» (*Hárbarðr*), и Тор выступают со взаимными оскорблениями; каждый из них, стоя на своем берегу реки, перечисляет подвиги, которые совершил в течение своей жизни. Эта песнь представляет собой северную версию перебранки героев, привычной для древних греков.

— *Песнь о Хюмире, Hymiskviða*: Тор отправляется на рыбную ловлю вместе с великаном Хюмиром, чтобы поймать Великого Змея Мидгарда (*Miðgarðr*), являющегося его заклятым врагом. Он уже вытащил змея на поверхность, однако в последний момент пришедший в ужас великан перерубил веревку топором. Некоторые мотивы этой поэмы перекликаются с наскальными рисунками эпохи бронзы, что явным образом свидетельствует о ее древности.

— *Перебранка Локи, Lokasenna*: не стерпев согласия между пирующими богами, Локи явился на пир и принялся поносить всех богов и богинь, которые отвечают ему тем же. Лишь возвратившийся Тор утихомирил наглеца.

— *Песнь о Трюме, Brymskviða*: великан Трюм украл по совету подлого Локи «молот» Тора, который на самом деле является молнией. Чтобы вернуть его, Тор, также по наущению Локи, переодевается обещанной в качестве выкупа Трюму «невестой». Одураченный великан дарит «красавице» молот Тора, который немедленно хватает свое оружие и истребляет великанов. Этого текста достаточно, чтобы опровергнуть гипотезу, согласно которой Тор является второстепенным божеством, выполняющим преимущественно вторую функцию по Дюмезиллю (военную). На самом деле бурлескное переодевание, сексуальная двусмысленность и главным образом присутствие оплодотворяющего «молота», помимо прочих деталей, отсылают к третьей функции.

— *Песнь о Вёлунде, Völundarkviða*: герой — бог, волшебный кузнец Вёлунд — был взят в плен конунгом, который изуродовал пленника, чтобы тот не смог бежать. Но Вёлунд страшно отомстил за себя: он убил двух сыновей конунга, сделал кубки из их черепов и соблазнил его дочь, после чего бежал, улетев на выкованных им крыльях. Таков северогерманский вариант общемировой темы волшебного кузнеца.

— *Речи Альвиса, Alvíssmál*: бог Тор отправился посоветоваться с карликом Альвисом (Всезнающим), чтобы узнать у него хейти, которыми можно называть все существующее в природе.

— *Первая и Вторая Песни о Хельги, Убийце Хундинга, Helgakviða Hundingsbana I и II* рассказывают о том, как герой Хельги, возможно, являющийся прототипом германского героя, с помощью валькирий убил конунга Хундинга.

— *Песнь о Хельги, сыне Хьёрварда, Helgakviða Hjörvarássonar* развивает ту же тему, однако героем ее является на сей раз другой Хельги, сын Хьёрварда.

— *Пророчество Грипира, Grípisspá* (песнь, возможно, написанная составителем *Codex Regius* в качестве пояснения) рассказывает, как гигант Грипир предсказывает (*spá* = пророчество) Сигурду Фафниро-бойце его судьбу в мельчайших деталях. И в самом деле, подлинный герой должен знать судьбу, которая его ожидает: исполнение долга становится актом выполнения воли богов, определяющих судьбы людей. Вполне вероятно, что, оказавшись лицом к лицу с разрозненной мозаикой героических песен, составитель «Старшей Эдды» ощутил необходимость сочинения поэмы, способной придать общий смысл всей их совокупности.

— *Речи Регина, Reginsmál*: карлик Регин обучает героя Сигурда искусству воина, изготавливает ему волшебный меч и указывает путь, которым тот должен следовать.

— *Речи Фафнира, Fáfnismál*: в соответствии с наставлениями, полученными в предыдущем тексте, Сигурд считает своим долгом убить дракона Фафнира, совершив подвиг, который обеспечит ему прозвище, с которым он войдет в историю (*Fáfnisbani*: убийца Фафнира). Прежде чем умереть, Фафнир предсказывает Сигурду его будущее и дает ему несколько рекомендаций афористического характера. Способ, которым Сигурд убил дракона Фафнира, выглядит не слишком достойно, но коллективное сознание германцев воспринимало его как высокий подвиг, и Сигурд-Зигфрид остался в памяти потомков именно как Фафниробойца,

убийца Фафнира (смысла этого имени мы не знаем).

— *Речи Сигдривы, Sigdrífumál*: благодаря своему волшебному коню Грани, рожденному от коня Одина, Слейпнира (*Sleipnir*), Сигурд преодолевает стену пламени, окружающую спящую валькирию Сигдриву (Брюнхильд), погруженную в магический сон самим Одином. Сигурд освобождает ее от чар, и Сигдрива передает ему знание великих сакральных тайн. Другое имя Сигдривы — Брюнхильд, фигурирует в следующей далее *Поездке Брюнхильд в Хель (Helreið Brynhildar)*.

— Отрывок *Песни о Сигурде, Brót af Sigurðarkviðu*: в этой поэме (представленной как «фрагмент» — brot) описывается смерть Сигурда.

— *Первая песнь о Гудрун, Guðrúnarkviða*, посвящена самоубийству Брюнхильд, первой возлюбленной Сигурда, который был обманут и опоен волшебным зельем и в таком состоянии женился на Гудрун, чем поверг в великое отчаяние свою истинную возлюбленную — Брюнхильд.

— *Краткая песнь о Сигурде, Sigurðarkviða in skamma*: хотя это произведение называется «коротким» (skammr), в нем рассказывается обо всей жизни Сигурда и его трагической любви.

— *Поездка Брюнхильд в Хель, Helreið Brynhildar*. после самоубийства Брюнхильд переносится в иной мир — в царство Хель.

— *Вторая песнь о Гудрун, Guðrúnarkviða II*: эта героическая элегия повествует о Гудрун, ее несчастной любви и смерти Сигурда.

— *Третья песнь о Гудрун, Guðrúnarkviða III*: эта короткая песнь посвящена оправданию Гудрун.

— *Плач Оддрун, Oddrúnargrátr*, является магической песней, в которой некая неизвестная Оддрун помогает своими заклятиями (точнее, плачами — *gratr*) рожаящей женщине.

— *Гренландская песнь об Атли, Atlakviða in groenlenska* (песня эта считается составленной именно в Гренландии!): Атли (Атилла), король гуннов, женился вторым браком на Гудрун, бывшей жене Сигурда. Он приказывает убить братьев Гудрун с целью захватить «сокровище бургундов», но Гудрун жестоко мстит ему, убив обоих сыновей, которых она родила Атли, подав ему в качестве кушанья сердца и кровь детей, после чего поджигает зал, где происходило это жуткое пиршество.

— *Гренландские речи Атли, Atlamál in groenlenska*: повторяет предыдущую в более простой и популярной форме. Предполагается, что эта песнь также была написана в Гренландии.

— *Подстрекательство Гудрун, Guðrúnarhvöt* Гудрун решила утопиться, но море не приняло ее и выбросило на земли короля Йонакра, который женился на ней, и она родила ему трех сыновей.

— *Речи Хамдира, Hamðismál*: за нежелание вступить за честь Сванхильд, своей дочери, которую она родила от Сигурда, Гудрун приказывает безжалостно убить троих сыновей, которых она родила Йонакру — Хамдира, Сорли и Эрпа.

— *Сны Бальдра или Песнь о Вегтате, Baldrsdraumar*. Один, увидев сон (*draumar*), вызывает предсказательницу, чтобы та рассказала ему, какова будет судьба Бальдра в потустороннем мире. Такой поворот сюжета следует назвать весьма парадоксальным, поскольку предполагается, что Один сам знает все судьбы!

— *Песнь о Риге, Rígsþula*, повествует о том, как бог Риг (Хеймдалль?), путешествуя по миру, породил три общественных «класса» — рабов, свободных людей и ярлов. Этот текст, вдохновивший Г. Дюмезиля, по происхождению почти наверняка является не скандинавским, а кельтским. Он послужил нам основой при изучении структуры исландского общества (см. Социальная структура, глава 2), однако не стоит слепо доверять ему.

— *Песнь о Хюндле, Hynndluljóð*: богиня Фрейя заставила великаншу Хюндлу рассказать ей

генеалогию Оттара, которому покровительствовала богиня.

— *Песнь о Громти, Gróttasöngr*: король Фроди вынуждает двух великанш, Фенью и Менью, молоть золото на волшебной мельнице. Они мстят и убивают его.

Можно составить следующую сводную таблицу:

Alvíssmál, Речи Альвиса: краткие афористические описания скальдических хейти

Atlakviða in groenlenzka, Гренландская песнь об Атли: героический цикл, трагическая страсть Гудрун

Baldrsdraumar; Сны Бальдра: магическое гадание об участи мертвеца

Brót af Sigurðarkviðu, Отрывок Песни о Сигурде: героический цикл поэм о Сигурде

Fáfnismál, Речи Фафнира: героический цикл о Сигурде, афоризмы

För Skírnis, Поездка Скирнира: любовная история

Grímnismál, Речи Гримнира: афоризмы; шаманская практика

Grípisspá, Пророчество Гринура: резюме сказания о Сигурде

Gróttasöngr, Песнь о Громти: магический мотив

Gudrúnarhvöt, Подстрекательство Гудрун: героический цикл, сказание о Сигурде и Гудрун

Guðrúnarkviða I, Первая песнь о Гудрун: героический цикл, сказание о любви Брюнхильд и Сигурда

Guðrúnarkviða II, Вторая песнь о Гудрун: героический цикл, сказание о Сигурде и Гудрун

Guðrúnarkviða III, Третья песнь о Гудрун: героический цикл, сказание о Сигурде и Гудрун

Hamðismál, Речи Хамдира: героический цикл, сказание о Сигурде и Гудрун

Hárbarðsljóð, Песнь о Харбарде: сатирический мотив, перебранка Тора и Одина

Hávamál, Речи Высокого: Этический, афористический и магический мотивы

Helgakviða Hjörvarðssonar, Песнь о Хельги, сыне Херварда: героическое сказание о Хельги

Helgakviða Hundingsbana I и II, Первая и Вторая песни о Хельги, убийце Хундинга: героическое сказание о Хельги

Helreið Brynhildar, Поездка Брюнхильд в Хель: героический цикл о Сигурде и Брюнхильд

Hymiskviða: мифологический мотив

Hyndljjóð, Песнь о Хюндле: магический мотив, связанный с Фрейей

Lokasenna, Перебранка Локи: сатирический мотив

Oddrúnargrátr, Плач Одрунн: магический мотив

Reginismál, Речи Регина: героическое сказание о Сигурде

Rígsþula, Песнь о Риге: афористический и социологический мотивы

Sigurdarkviða in skamma, Краткая песнь о Сигурде: героическое сказание о Сигурде

Sigrðrifumal, Речи Сигрдривы: героический эпос о Сигурде и Брюнхильд

Þrymskviða, Песнь о Трюме: мифологический сюжет

Vaprudnismál, Речи Вафтруднира: афористическое наставление

Völundarkviða, Песнь о Вёлунде: героический мотив

Völuspá, Прорицание Вельвы: магический, афористический, эсхатологический мотивы

О точном происхождении этих поэм мы можем только догадываться. Некоторые из них относятся к пангерманским сюжетам, а другие являются типично скандинавскими. Часть песен «Старшей Эдды» определенно была создана в Исландии (*Прорицание Вельвы*, например, могло выйти в свет около 1000 года из-под пера исландского клирика: только увиденное собственными глазами извержение вулкана способно вдохновить на апокалиптические предсказания Пророчицы: кроме того, миллениумистские ожидания явно не были чуждыми составителю этого дантовского по духу произведения), хотя некоторые из них могли появиться случайным образом (то есть в результате редактирования сборника поэм, например *Песни о Трюме*, в которой повествуется, как бог Тор был вынужден переодеться невестой, чтобы вернуть

себе молот, украденный у него гигантом Трюмом. В целом «Старшая Эдда» представляет собой некое подобие духовной сокровищницы, позволяющей нам называть Исландию «хранилищем северных древностей».

Скорее всего тексты «Старшей Эдды» были составлены в период с IX века (цитаты из *Речей Хамдира*, входящих в героический цикл, встречаются у скальдов) до XII века (*Песнь о Трюме*). Мы уже кратко описывали различные размеры, которыми были написаны ее песни. Следует отметить, что техника стихосложения здесь намного проще, чем в скальдических произведениях.

Следует провести различие между мифологическими и героическими поэмами. Первые выделяются прекрасным изображением северной природы, в которой царит магия в полном соответствии с тем, что мы уже говорили о языческой религии. Решающее слово здесь за знанием и умением: боги и люди постоянно находятся в поиске великих и священных тайн, которые являются основой их существования, равно как и существования мира, и при этом позволяют противостоять силам разрушения. Иными словами, эпический дух, которого, возможно, ожидает обнаружить получивший классическое образование читатель, не то чтобы полностью отсутствует, особенно в героических текстах «Эдды», однако не является основным их элементом. Отметим, что в героических поэмах героические деяния совершаются ради достижения определенной цели, а не просто ради чистой доблести. Перед героем встает выбор, определяющий его личность и определяемый ею; эта черта поражает некоторых любителей саг, полагающих, что в этом мире все добывается кровью. Очень важно, что все персонажи героического цикла — мужчины или женщины — действуют, двигаются, полны энергии; в песнях «Эдды» нет места статике и мечтательности. И, наконец, в них не так много гипербола и фантастики: все герои поэм являются людьми, а не недостижимыми идеалами, они вписываются в человеческие рамки. Следует подчеркнуть и то, что песни «Эдды» не возводят в ранг героя ни непобедимых тупиц, ни могучих, но начисто лишенных женственности бой-баб или хвастунов (для которых в языке приготовлено особое словечко *garþr*), но, напротив, выражают им свое презрение. Как и в сагах, идеалом здесь является справедливая мера, честное исполнение человеком своего предназначения — без каких-либо перегибов и крайностей.

Могучие тексты «Эдды» трудны для поиска древнегреческих или латинских эквивалентов. Однако они в точности совпадают со всем тем, что нам известно о мужчинах и женщинах, служивших образцом для создателей песен, что особенно явно видно на примере *Речей Высокого*.

Итак, мы имеем здесь дело со сложной и изысканной мозаикой, собранной на основе мифов и символов, легенд о подвигах, словесных изысков и магии, искусства и любви. При сравнении с подобными текстами других культур поэмы «Эдды» выделяются высокими художественными достоинствами, а в тематическом отношении просто не имеют аналогов.

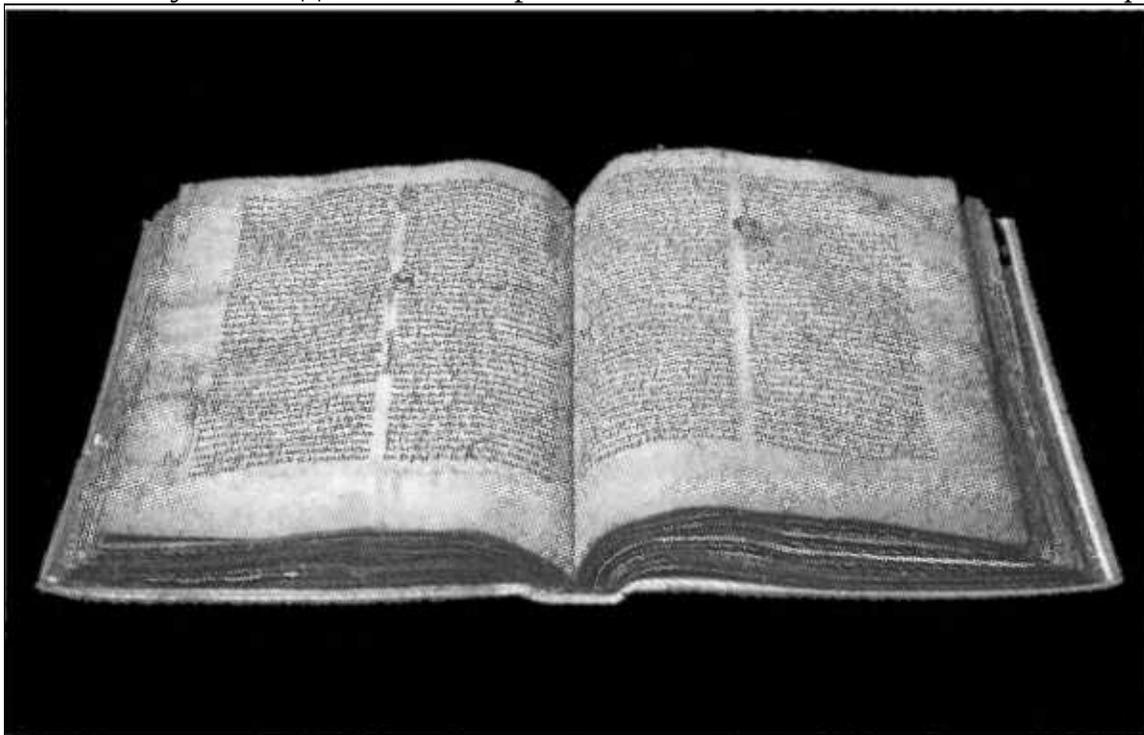
◆ «Младшая Эдда», или «Эдда Снорри»

При полном совпадении названий произведение это существенно отличается от «Старшей Эдды». В литературе оно встречается под разными названиями: «Прозаическая Эдда», «Младшая Эдда», «Эдда Снорри (Стурлусона)». Бонд Снорри Стурлусон (1178–1241) пользовался большой известностью в Исландии, он являлся значительным политическим деятелем (законоговорителем тинга) и, несомненно, одним из величайших писателей европейского Средневековья: он сочинял скальдические произведения, саги (в частности, им создана одна из «пяти великих» саг об исландцах — *Сага об Эгиле, сыне Грима Лысого*) — словом, принадлежал к числу наиболее заметных фигур политической и интеллектуальной

жизни своей страны в XIII веке.

Мы назвали его скальдом. К 1200 году миновало уже два века после принятия Исландией христианства, и Церковь уже могла настаивать на строгом соблюдении своих правил. С другой стороны, как мы уже видели, сочинять произведения скальдической поэзии (главным образом хейти и кеннинги) было невозможно, не используя весь пантеон языческих богов, прочих сверхъестественных созданий и мифов древней традиции. И в начале XIII века, после двух веков христианства, умение это начало теряться, в результате чего искусство скальдов пришло в упадок. Именно осознание этой утраты, на наш взгляд, привело к тому, что Снорри пришла в голову мысль написать свою «Эдду». Он решил одним ударом убить двух зайцев: с одной стороны, следуя общей западной моде того времени, составить наставление по всем правилам поэтического искусства, а с другой стороны — и это главное — свести в единое целое предания языческой религии древних северных германцев, составив тем самым собрание персонажей, сюжетов и мифов, которым могли бы пользоваться современные ему скальды. Так возникла Эдда Снорри Стурлусона (следует уточнить, что, хотя в ней порой цитируются отрывки из текстов «Старшей Эдды», составлена она главным образом в прозе).

Снорри Стурлусон решил две задачи — написал учебник для скальдов и свел в единое целое мифологические знания, которые черпал из легенд или иных устных, неизвестных нам источников, либо пользуясь сведениями из греческой, латинской и кельтской мифологии.

Рукопись книги С. Стурлусона «Круг земной»

Произведение это, кроме *Эвгемерического пролога* (в котором говорится, что языческие боги были просто людьми, знавшими колдовство, которых постепенно обожествили потомки; Саксон Грамматик придерживался такого же мнения), включает три части. В первой из них, *Háttatal* (Перечисление размеров), длинной поэме, адресованной норвежскому королю Хакону Хаконарсону и его тестю, ярлу Скули разъясняется сто один различных размер, в которых можно создавать скальдическое произведение. Поэма поражает своей необыкновенной виртуозностью.

За ней следует *Gylfagínning* (*Видение Гюльви*): нравоучительное произведение, главным героем которого является шведский король Гюльви, которому боги послали следующее видение: он входит в замок, где на престолах восседают три божества, которых он по очереди

выспрашивает, чтобы получить таким образом мифологические знания. Высокий (*Hár*), Равновысокий (*Jafnhár*) и Третий (*Þridi*) по очереди отвечают ему, и таким образом мы получаем краткие сведения о богах и об основных мифах, в том числе о смерти Бальдра, получении поэтического меда, возведении стен Асгарда строителем-великаном и его чудесным конем — настоящие повествовательные шедевры, подкрашенные юмором, столь характерным для Снорри. Когда его любопытство оказалось удовлетворенным, Гюльви замечает, что замок внезапно исчез, и, следовательно, он стал жертвой миража. Но мы остаемся в выигрыше, поскольку получили от Снорри великолепный литературный свод, без которого нам оставалось бы лишь беспомощно барахтаться в болоте отрывочных сведений о древней германской религии.

Очевидным образом возникает проблема достоверности самих повествований и источников, которыми пользовался Снорри. На наш взгляд, здесь не следует впадать в излишний критицизм: Снорри наверняка располагал целой сокровищницей местных легенд, устных или письменных, и его талант позволил ему вразумительно и связно организовать их. Естественным образом при составлении этого сборника он пользовался всем своим огромным культурным и образовательным багажом. И в результате *Видение Гюльвистало* образцовым повествовательным произведением, выдержанным в духе древних саг.

Далее следует новый нравоучительный текст, героями которого являются на сей раз бог поэзии Браги и бог океана Эгир (не слишком понятно, почему в этом произведении выведен именно он). Здесь приводятся многочисленные *хейтии кеннинги*, часто используемые в скальдической поэзии. Мы опять встречаемся со столь любимым в Средние века жанром — игрой в вопросы и ответы: какими эпитетами надо называть ветер? Какими кеннингами описывается море? Какими иносказаниями можно называть Тора? Кто такой Хеймдалль? и т. д. При этом обильно цитируются знаменитые скальды. Ответы на вопросы даются либо в простой дидактической форме, либо путем передачи новых мифов. Эта часть называется *Skáldskaparmál* (*Язык Поэзии*) и изложенные в ней сведения по мифологии отлично дополняют *Видение Гюльви*.

Таким образом, прочитав и изучив «Младшую Эдду», ученик скальда получал все необходимые сведения для совершенствования в своем искусстве. А мы можем почерпнуть оттуда знания о большом числе различных мифологических персонажей и литературных приемов, которые без этого труда остались бы непонятными. Повторим, что, помимо своих огромных познаний, Снорри обладает несравненным мастерством рассказчика. Следует особо отметить его юмор, который ближе всего передается английским словом *understatement* («несоответствие действительности»).

Саги

◆ Подходы

Одних скальдических и эддических произведений было бы достаточно, чтобы прославить средневековую Исландию и ее культуру. Однако, не ограничиваясь рамками стихотворного творчества, исландцы создали и непревзойденные прозаические произведения.

• Соблазн Истории

История всегда была объектом интереса авторов саг, и можно задаться вопросом — почему

именно? Помимо аргументов, которые будут выдвинуты ниже, вспомним, что жители Исландии были иммигрантами, не имевшими собственной истории, и потому долгое время оставались верными континентальной скандинавской культуре, о достоинствах которой мы уже говорили. Кажется естественным, что исландцы хотели углубить знание о своих корнях, и, будучи народом лишенным прошлого, пытались заложить фундамент своей собственной культуры. Кроме того, следует также иметь в виду присущий северянам повествовательный гений, безуданно реализовывавшийся с самого момента возникновения страны — главным образом в устном творчестве, обращенном к истории во всех значениях этого слова.

Как бы то ни было, литература Исландии начинается с рукописей явно исторического характера: назовем хотя бы *Книгу об исландцах* (*Íslendingabók*) священника Ари Торгильссона Мудрого (1067–1148), «отца литературы» своей страны, в которой рассказывается история острова с самого ее начала до жизни епископа Гизура Ислейфсона. До Ари литературным творчеством занимался еще один священник, Сэмунд Сигфуссон, также называвшийся Мудрым, который писал на латыни, тогда как Ари писал на местном наречии. Им были написаны жизнеописания норвежских королей, сейчас уже утерянные. Ари мастерски овладел стилем саг, о котором мы будем говорить в дальнейшем; он пользовался вполне современной исторической методикой: в своих сочинениях он цитирует документы, сопоставляет источники, проверяет надежность свидетелей, датирует факты ссылками на известные временные вехи — короче говоря, претендует на объективность своего повествования (именно он напишет: «Но всему, что будет сказано в этой книге не слишком точно, надо предпочесть то, что окажется более достоверным»).

Несколько позже увидел свет первоначальный вариант (вероятно, принадлежащий перу Ари Торгильссона) *Книги о заселении* (*Landnámabœkr*), беспрецедентного и не имеющего аналогов труда, известного в восьми различных редакциях, главная из которых около 1280 года была создана Стурлой Тордарсоном, племянником Снорри Стурлуссона. В *Книге о заселении*, которую мы упоминали по другому поводу (см. Заселение страны, глава 1), приводятся имена первых поселенцев Исландии, их генеалогии — вне сомнения, имевшие важное юридическое значение (как обоснование права на владение землей), а короткие и даже забавные истории, характеризующие личности персонажей, предвосхищают позднейшие саги.

За этим последовали внушительные компиляции *Красивой Гнилой кож* (*Fagrskinna, Morkinskinna*), повествующих о деяниях норвежских королей — то есть исторический принцип воистину стал отправной точкой этого литературного направления.

Интересна уже сама причина подобной исторической ориентации. В связи с этим следует отметить, что главными евангелизаторами Исландии — то есть людьми, способствовавшими проникновению и укоренению в стране христианской религии — чаще всего выступали англосаксы, получившие образование в августинской школе. Блаженный Августин, как известно, был увлечен историей — дисциплиной, в которой он хотел видеть проявление «божественного плана». С другой стороны, мы уже говорили о том, до какой степени генеалогия, культ семьи, базирующийся на законе, были важны в этом мире — они составляли фундамент исландского общества. Следовало не просто помнить имена всех своих предков, но и знать, чем каждый из них прославил свое имя. К этому следует добавить особую черту исландцев, которую мы уже не раз подчеркивали — стремление повествовать, рассказывать (насчет причин возникновения этого у нас нет никакого разумного объяснения). Уважение к прошлому и знаниям, которое оно несет, играли здесь решающую роль. Можно задаться вопросом, почему сочинители саг в такой степени интересовались королями Норвегии и Дании, хотя сама Исландия, как мы уже видели, всегда весьма энергично отрекалась от учреждения поста правителя? Ведь очевидно, что королевские саги (*konungasögur*) занимали особое место в

исландской литературе. Возможно, они развивают древнюю, как религия, тему «короля-священника», вкупе с текущими политическими соображениями (см. Мифология и боги, глава 5). Как бы то ни было, на генезис саг повлияли многие важные факторы.

• *Определение саги*

Сагой (мн. ч. *sögar*) называется прозаическое историческое повествование, рассказывающее о жизни, подвигах и деяниях некоего лица, по тем или иным причинам «достойного памяти». Рассказ ведется от рождения этого человека до его смерти, не опускаются ни его предки, ни потомки, если в их жизни было хоть что-то значительное; таким образом, оказывалась не забытой каждая сколько-нибудь значимая историческая личность. Эти тексты могут быть весьма разными по длине. Короткие (от десяти до сорока страниц) называли «пряжами», *þoettir* (мн. ч. *þáttir*). Такие произведения можно было бы назвать новеллами, но у них имеются все признаки саги.

Слово «сага» происходит от глагола *segja*— говорить (*to say* в английском языке, *sagen* в немецком), рассказывать, повествовать. Важно уточнить, что сага не является ни легендой, ни сказкой (за редкими исключениями), ни поэтическим текстом (в каком-либо качестве ее часто и ошибочно воспринимают). Причиной такой ошибки является то, что в мастерски написанной саге часто приводится одна или несколько скальдических строф, а порой и целая поэма. Автор прибегает к этому для того, чтобы доказать достоверность своего повествования, опираясь на свидетельства скальдов. Отсюда следует — и с полным на то правом — что поэзия скальдов древнее, чем проза саг, и более точно определяет представляемых в саге героев. Саги не имеют отношения к эпосу или мифологии, хотя в произведениях такого рода, составленных в основном между концом XII и началом XIV веков, нередко производится историческая реконструкция событий (поскольку время, в которое происходили описываемые в саге события, и момент написания саги может разделять промежуток в два или даже три века), а также приводятся различные факты, сценки повседневной жизни и описания религиозных обычаев.

Таким образом, сага не является:

- легендой или сказкой,
- поэтическим текстом,
- эпическим произведением,
- текстом религиозного характера.

Наилучшим определением этого литературного жанра стал бы скорее всего *исторический роман*, каким он сформировался в эпоху романтизма. Иными словами, хотя мы не можем полностью отказать этим повествованиям в исторической ценности, особенно в отношении некоторых фактов, главным образом касающихся обычаев, мышления, глубинных пластов народного самосознания, саги не могут считаться полноценными историческими документами. Они информируют нас об истории Исландии X–XI веков, но не являются хрониками, летописями или вообще надежным научным свидетельством.

Коротко коснемся сегодня уже почти решенной острой проблемы, касающейся первоначальной природы саг: были ли они устными или записанными? Естественно, любое чересчур жесткое определение рискует оказаться ошибочным. Поэтому ограничимся утверждением, что сага представляет собой скорее способ повествования, чем жанр как таковой. Семантическая площадь, покрываемая этим понятием, весьма обширна: так, *Сага о Сверрире* повествует о жизни норвежского короля Сверрира; *Сага о Марии* является обширной компиляцией христианских преданий о Деве Марии; *Сага об Иудеях* представляет собой перевод

Первой книги Маккавейской, сделанный одним из исландских епископов в конце XIII века; *Сага о Бриттах* является вольным пересказом *Истории королей Британии* Гальфрида Монмутского; *Сага о Стурлунгах* более похожа на хронику исландской истории XII и XIII веков, *Сага о Хервёре и Хейдреке* представляет собой свод легенд, в частности, о готах; *Сага об Эреке* является переводом романа «Эрек и Энида» Кретьена де Труа на норвежский язык. Завершает этот перечень «образцовая сага», сага в наиболее точном смысле этого термина — *Сага о Ньяле Сгоревшем*, вне сомнения, являющаяся шедевром этого жанра.

◆ Генеzis: устная традиция или «книжная проза»?

Обратимся теперь к проблеме, которая так увлекала ученых немецкой школы в эпоху романтизма, но сегодня кажется полностью разрешенной. Речь идет об определении истоков исландской саги. В решении этого вопроса столкнулись две школы, ратовавшие одна — за устный пересказ, а другая — за письменный текст; последняя в конечном счете и выиграла спор.

Сохранились различные свидетельства о декламации исландцами поэм и саг. Присутствие в повествовании скальдических строф, уже получивших высокую оценку, наводит на мысль, что именно они легли в основу саги, а прозаические тексты стали только «рамкой» или толкованием этих строф, подчас достаточно темных. Можно сказать, что саги восходили к генеалогической традиции и образовывали удобную сборку той или иной генеалогии. Кроме того, как мы знаем, закон пользовался в исландском обществе огромным уважением, а в хорошо написанной саге нередко подробно описывались детали событий. На основании этого долгое время считали, что основой для саги служила передававшаяся из уст в уста легенда, посвященная определенному персонажу, и по прошествии нескольких поколений перенесенная на бумагу в XII или XIII веках. Различные приемы — такие, как употребление диалогов, разбиение на сцены, ссылки на мнение других людей («люди говорят...», «считается, что...») действительно создавали иллюзию, что саги являются простым переложением устных рассказов. Однако эта теория все же не выдерживает критики: многие источники сообщают нам о чтении (а не о декламации) саг; во многих сагах нет скальдических строф, и наблюдатель нередко бывает поражен несоответствием объемов текста, отведенного в саге прозе и поэзии; кроме того, существуют саги, посвященные отнюдь не генеалогическим проблемам. Основное внимание в них уделяется определенному региону или некоему точному факту, не записанному в анналах одной семьи. В других сагах отсутствует или очень слабо выражен интерес к юридическим аспектам повествования. Легко показать, что упомянутые выше приемы устного изложения являются производными литературной манеры, а не точной передачи событий. Однако на этом основании неверно было бы утверждать, что пользовавшаяся таким вниманием у исследователей устная передача практически не существовала; просто ее значение было намного меньшим: она (в тех случаях, где действительно существовала) играла только роль катализатора, а сами саги создавались иначе.

В дальнейшем мы подробно рассмотрим присущую более позднему периоду тенденцию к переводу и пересказу западных литературных источников, характерную для литературы Исландии с момента ее зарождения, то есть начиная с конца XI или начала XII века. Тщательный анализ текстов, внимательное изучение их содержания, скрупулезное типологическое исследование доказывают, что саги, во-первых, с самого начала являлись письменными текстами, а во-вторых, восприняли композицию, типы персонажей, сюжетные линии и способы развития сюжета с одной стороны — из классических историографических трудов, написанных на латинском языке и принесенных на остров Церковью, а также (и в

большей степени) из житий (лат. *vitae*), то есть жизнеописаний святых, также первоначально писавшихся на латинском языке и очень распространенных в те века по всей христианской Европе. Иначе говоря, образцом для саг послужили латинские жанры *historiae vitae*. Таким образом, можно сказать, что толково сочиненная сага представляла собой историю (естественно, в литературном понимании термина *historia*) просто известного человека, отнюдь не римского императора или короля, или житие (*vita*) человека, далекого от святости.

Исландское общество с самого начала широко пользовалось принципом интертекстуальности (связи между различными текстами): одни и те же персонажи присутствуют в разных текстах, и некоторые ситуации в них порой однотипны. Такое подобие оправдывает существовавшую с самого начала — за редкими исключениями — анонимность авторов саг. Все они, без всякого сомнения, были клириками или хотя бы получили церковное образование; мы уже говорили (см. Переход к христианству, глава 5), что крупные исландские монастыри славились своими скрипториями, которые наверняка были местами, где создавались и откуда затем распространялись эти тексты. При монастырях находились и школы.

Скрупулезное изучение композиции и правил написания саг не оставляет места для сомнений в вышесказанном. Авторы саг от самого начала и до самого конца остаются крайне внимательными к нанизыванию фактов, соединению их в цепочку причин и следствий. В этом искусстве непревзойденным мастером был и остается Снорри Стурлусон. Он полностью осознает цель, к которой стремится, какой бы отдаленной она ни была, и мы нередко видим, как даже малейшая деталь, промелькнувшая, скажем, в самой первой главе, находит свое обоснование иногда спустя одну, а то и две сотни страниц. Ничто не оставляется на волю случая, все согласовано, все импровизации или отступления от темы далеко не случайны — напротив, саги подчиняются жесткому механизму постепенного развития сюжета. Используются различные приемы: переплетения (как это будет делать в начале XX в. Шарль Пегги в своих литературных «гобеленах»; гобелены как таковые станут в конечном счете одним из шедевров исландского искусства), контрапункта тем и вариантов, и даже симфонии с солирующими инструментами. Результат неизменен: автор, даже не назвавший своего имени, создает высокохудожественное и в высшей степени благородное по духу произведение. И при этом, вопреки схожести языковых приемов и сюжетов, тексты саг нельзя назвать однотипными.

Не следует, наконец, забывать и еще одну важную подробность, которую мы уже упоминали: кельты, вместе со скандинавами образовавшие исландскую нацию, имели свои собственные повествовательные традиции, и союз таких народов не мог не принести невероятно интересного результата.

◆ Разновидности саг

Существуют различные виды саг. Они классифицируются по представленным в них темам. Долгое время считали, что существовало нечто вроде хронологической последовательности, то есть виды саг последовательно сменяли друг друга. Однако такая точка зрения теперь опровергнута. Похоже, что это замечательное литературное явление началось в конце XII века, достигло расцвета в XIII веке и умерло прекрасной смертью в начале XIV века. В самом этом факте нет ничего поразительного: он заставляет нас вспомнить о французском классическом театре XVII века или о европейском романтическом романе XIX века. Кроме того, не стоит проводить различие между архаичными, классическими и постклассическими сагами; можно считать, что всего три составных текста могли послужить «стыковочными элементами» между уже упоминавшимися нами первыми историческими трудами (например, *Книга об*

исландцах Ари Торгильссона) и сагами. Это *Сага об Оркнейцах*, которая сочетает в себе семейную и историческую саги, *Сага о Фарерцах*, очень близкая к сагам об исландцах, и *Сага о викингах из Иомсборга*, в которой сочетаются королевский и легендарный сюжеты. Как бы то ни было, саги не следует считать единым целым, хотя — и на эту черту надо обратить внимание, — стиль изложения в них почти всегда одинаков. Однако *Сага о святом Олафе* относится к совсем другому жанру, чем сага, называемая на исландском языке *Eyrbyggja saga*, или *Сага о людях с Песчаного Берега*.

Саги обыкновенно разделяются согласно следующей тематике.

Королевские саги (*konungasögur*), в которых повествуется о великих норвежских и датских королях. Они довольно долгое время считались наиболее древними. Помимо двух компиляций, о которых говорилось выше — *Красивой и Гнилой кож* (*Fagrskinna* и *Morkinskinna*), на общем фоне выделяется *Heimskringla* (*Круг земной*, или *Сага о норвежских королях*), написанная Снорри Стурлусоном в самом начале XIII века: труд этот в шестнадцати сагах пересказывает всю историю норвежских правителей, начиная от мифических истоков *Саги об Инглингах* (*Ynglinga saga*) до конца XII века (*Сага о Магнусе Эрлингссоне*). Наиболее заметной среди них является *Сага о Святом Олафе*, ставшем героем доброй полудюжины саг. Он правил Норвегией с 1000 по 1030 год и был канонизирован вскоре после смерти.

Снорри Стурлусон, один из величайших писателей Средневековья, не был историком в современном смысле этого слова, однако отличался теми же качествами характера, что и его соотечественник, Ари Торгильссон, о котором мы уже упоминали. Ему свойственен весьма характерный холодный юмор. Дух его творений заслуживает самого глубокого уважения: он рисует не застывших в торжественных позах героев, его мужчины и женщины живут, двигаются и действуют. Динамизм, устремленность в будущее — вот закон его творчества. Снорри — мастер «фресок» и жанровых сценок, которые делают его произведения воистину незабываемыми. В настоящее время мы менее чувствительны к чертам, на которых делали акцент исследователи его творчества: то есть отстраненной и полной некоторой горечи философичности, рационализме, концепции Истории, которая, по его мнению, творится сильными личностями, его уверенности в том, что причины и следствия, нерушимо связанные между собой, напрямую ответственны за ход событий. Мы предпочитаем останавливать свое внимание на направленном движении, энергии и прежде всего на его любовном внимании к человеку. И если бы Снорри писал на французском или английском языках, то непременно занял бы одно из первых мест во всей истории мировой литературы.

Естественно, что жанр королевских саг не ограничивается творчеством Снорри: аббат Пингейрара, Карл Ионссон, является автором по крайней мере первой части *Sverris saga* — *Саги о норвежском короле Сверрире*, возможно, частично написанной под его диктовку и ставшей образцом для произведений этого жанра. Выскочка Сверрир находился в натянутых отношениях с Церковью, и эта сага демонстрирует поразительный такт и дипломатичность, описывая удивительную карьеру этого короля.

Саги об исландцах (*íslendingasögur*), также называемые семейными сагами, пользуются наибольшей известностью и популярностью. Мы не знаем авторов этих произведений, но названия по крайней мере «пяти великих» саг следует знать. Это *Сага об Эгиле, сыне Грима Лысого* (*Egils saga Skallagrímssonar*), *Сага о Снорри-году* (*Eyrbyggja saga*, или *Сага о людях с Песчаного Берега*), *Сага о людях из Лососьей Долины* (*Laxdoela saga*), *Сага о Греттире сильном* (*Grettis saga*) и жемчужина этого жанра, часто цитировавшаяся на этих страницах, — *Сага о Ньяле Сгоревшем* (*Brennu-Njáls saga*). Большинство героев этих саг жили в X веке; они прославились благодаря своему поэтическому дарованию или отваге, проявленной в походах викингов, или дипломатическому таланту, рыцарственному поведению, умению бросать вызов

судьбе, дружить, быть справедливыми. Суровые и ясные тексты создают образы этих людей и окружающего их жестокого мира. В них человек в одиночестве, лицом к лицу стоит перед своей судьбой, ведомый чувством чести и готовый, не дрогнув, принять ее приговор. Мечь была обычным правилом, трагическая атмосфера напряжена порой до предела, однако черный юмор порой позволяет читателю немного расслабиться. В текстах саг начисто отсутствует приторный, ложный пафос и поверхностность. В конечном счете саги околдовали весь Север, и справедливо будет сказать, что если Скандинавия сумела создать в течение всего лишь двух веков столько первоклассных повествовательных произведений, то этим она обязана своим великим предкам.

Как мы уже не раз говорили, современные исследователи саг охотно подчеркивают странное соединение банальностей повседневной жизни и исключительного героизма, носящего подчас едва ли не эпический характер. Мелкий скандал из-за украденной лошади или рваной рубашки быстро перерастает в грандиозную греческую трагедию, когда мужчина (а нередко и женщина, так как — вот еще одна оригинальная черта этой литературы! — женщина становится героем саги наравне с мужчиной) оказывается перед лицом неумолимой Судьбы и вступает с ней в поединок.

Саги о современниках (*samtíðarsögur*) близки по жанру к предыдущим. Выделение их в особый тип вызвано тем, что они представляют собой хроники событий, происходивших при жизни авторов. Мы уже упоминали здесь саги о епископах (*byskupasögur*), которые входят в эту категорию саг, составляя отдельную подгруппу. Существуют также королевские саги, которые можно отнести к этой группе, например та же *Saga о Сверрпире*, о которой мы уже говорили. Однако вершиной этого жанра, бесспорно, является *Saga о Стурлунгах* (*Sturlunga saga*), потомках Стурлы Тордарсона; в ней излагается последовательность событий, начавшихся в конце XII века и протянувшихся до XIII века, которые привели к потере исландцами независимости. Этот шедевр был написан Стурлой Тордарсоном, племянником Снорри Стурлусона, и называется еще *Islendinga saga* — *Saga об исландцах*. Это литературное произведение, выдержанное в дидактическом духе, является философским и политическим трактатом. Оно написано с удивительным ощущением динамизма и переменчивости событий человеком, наблюдающим за развитием событий, несколько разочарованным происходящим, но, несмотря на это, достаточно внимательным к ценностям, которые должны спасти страну. Эта сага, вероятно, была написана спустя некоторое время после завершения истории независимой Исландии, и ее целью, бесспорно, было показать, как гордыня отдельных людей губит всю страну, — но, увы, люди всегда пренебрегают уроками истории.

Интересно, что, сочиняя свои саги, авторы, или *sagamenn*, имели в виду желание заинтересовать и развлечь слушателя или читателя, то есть произведения эти сочинялись удовольствия ради — *tilgamans*. Поскольку это выражение (*tilgamans*) неоднократно повторяется в дошедших до нас текстах, следует обратить на него особое внимание, так как оно дает в конечном счете ключ к искусству сочинения саг. Саги писались *til gamans*, для развлечения читателей, и в особенности это относится к *fornaldarsögur*; или легендарным сагам (дословно: «саги об очень древних временах»). Здесь авторов не преследовала забота о документальной точности повествования, поэтому они пересказывают все легенды, которые могли найти или когда-либо услышать, — в основном, конечно, германские, но также и европейские или восточные, неважно. Речь может вестись о давних событиях — как, например, в случае, когда речь идет о памятном столкновении между готами и гуннами, имевшем место где-то в Карпатах в IV или V веках (*Saga о Хервёре и коннунге Хейдрике*, *Hervarar saga ok Heiðreks konungs*) или рассказывается о Сигурде Фафниробойце. *Saga о Вёльсунгах* (*Völsunga saga*) повторяет и дополняет лэ (небольшое стихотворение) или песни поэтической «Эдды». Некоторые из легенд, стоят совершенно особняком — например *Saga об Одде-Стреле* (*Öruar-*

Odds saga) или *Saga о Тидрике Бернском*, являющаяся компиляцией текстов различного происхождения. К этой группе относятся и *пряды* (*þoettir*), о которых мы уже говорили: некоторые из них, такие как *Прядь о Норна-Гесте* (*Norna-Gests þattr*), используют увлекательные легендарные или полумифологические сюжеты.

В этой книге мы часто говорили о викингах: не следует забывать, что они плавали в самых разных направлениях. Один из их морских маршрутов — восточная дорога (*Austruegr*) — вел их в Византию, начинаясь в глубине Финского залива и проходя через сеть русских рек и озер. Византия была одновременно дверью на Восток и местом встречи племен, пришедших со всех четырех сторон света. Византийские басилевсы принимали на службу дружины, состоявшие из скандинавов: возможно, именно из Византии пришла большая часть анекдотов, использованных в легендарных сагах. Следует, однако, отметить, что если в некоторых сагах, таких, как *Saga о Хрольве, сыне Гаутрека*, действительно присутствуют весьма необычные сюжеты, то в целом повествование не носит сказочного и фантастического характера; и как и в любой другой саге, основным содержанием ее являются абсолютно трезвые нравоучения.

Нам остается только упомянуть *riddarasögur*, или **рыцарские саги**. Под этим названием мы объединяем переводы, или скорее пересказы французских героических поэм (*Karlamagnúss saga* — *Saga о Карле Великом*, которая является весьма обширной компиляцией), романы о рыцарях Круглого стола (*Breta Sogar*, о которой мы уже говорили), романы Кретьена де Труа — такие, как *Parcevals saga*, которая является переложением романа «Парсифаль», или же такие тексты, как *Saga о Флуаре и Блангиефлёр* (*Flóres saga*). Отдельное место занимает *Saga о Тристане и Исонд* (*Tristrams saga ok Ísöndar*), представляющая собой пересказ «Тристана» Томаса, написанный несомненным норвежцем, братом Робером (1226). Некоторые из этих текстов бесценны, потому что они основываются на оригинальных произведениях, многие из которых в настоящее время утеряны.

Ясно, что в целом саги представляют для нас очевидный интерес. Они не имеют явного эквивалента на Западе и не являются по-настоящему ни романами, ни хрониками, ни легендами или сказками. Остается добавить, что дух, пронизывающий эти произведения, также весьма оригинален и неповторим.

◆ Ценность саг. Стилль

Как мы уже говорили, сагу определяет ее стилль, удивительно однородный, к какой бы категории она ни относилась. Тексты саг носят преобладающе повествовательный характер, то есть они настолько нагружены разного рода сведениями, что изложить их вкратце практически невозможно — проще было бы переписать! Мы уже отмечали, что в сагах отсутствуют лирические мотивы (как, впрочем, и во всей средневековой исландской литературе). Разумеется, саги могут иметь драматический характер; это проявляется, например, в разбиении повествования на сцены или в организации диалогов; они могут быть проникнуты эпическим духом, — вполне осознанно, за счет некоторого преувеличения и очевидного упрощения; сага также может быть героической благодаря масштабу страстей и действий ее персонажей, или сатирической — вплоть до карикатурности.

Но в любом случае саги имеют повествовательный характер, а их стилль отличают реализм, динамизм и сжатость.

Рассмотрим эти характеристики подробнее. Во-первых, реализм. В сагах не найдешь никакой фантастики и чудес, лишь незначительное число подобных сюжетов присутствует в легендарных сагах. Большое количество фактических сведений, содержащихся в сагах, объясняется тенденцией к биографичности. Но даже в биографическом жанре авторы саг

остаются в рамках повествования. Действие развивается постепенно, не выходя за пределы банальной повседневности: некто уехал косить сено, остановился, чтобы завязать шнурок на обуви; женщина развешивает белье, мужчина отъезжает на поиск отбившейся лошади и т. д. Содержанию соответствует и язык: никаких изысков, никаких утонченных, виртуозных оборотов, «слова следуют бытию», нередко они позволяют ощутить несколько утомительное однообразие повседневных поступков. Отсюда следует и очевидная объективность авторов — они почти всегда остаются анонимными и никогда не проявляют себя в повествовании напрямую, никогда не говорят от первого лица, хотя, похоже, всегда имеют свое мнение относительно происходящих событий, что позволяет сохранить ощущение мнимого простодушия, в результате чего часто возникает впечатление, что автор просто вынужден сказать то, что говорит. Таким образом остаются неиспользованными различные способы эмоционального воздействия на читателя, такие, как выразительные эпитеты, повисания, расчлененные фразы и т. д. В сагах, за редким исключением, не встретишь и никаких описаний природы, никаких подробных портретов персонажей: они характеризуются только своими действиями, лишь иногда суждение о них окружающих формулируется в резких и лаконичных фразах.

Динамизм саг определяется тем, что действие находится в них на переднем плане. Саги кажутся сжатыми во времени, в них не приветствуются отступления от основной темы, в изобилии используются глаголы, а любые персонажи характеризуются прежде всего своими поступками. Как мы уже говорили, композиционные приемы могут сильно различаться вследствие мозаичной организации текста, в результате которой мотив А порождает тему В, из которой развивается эпизод С, из которого, в свою очередь, вырастает отступление D, из которого следует Е, позволяющее вернуться к эпизоду В, что приводит к F, и так далее. И тем не менее ничто не вставлено в текст просто так, разговора ради; когда ставится последняя точка, становится очевидно, что было сказано все необходимое, ничто не осталось незаконченным. В текстах саг постоянно ощущается присутствие конечной цели.

И последняя черта — сжатость, если не сказать лаконичность повествования, которая следует из всего изложенного выше. В мире, где произнесенное слово и вызванные им последствия более значимы, чем все остальное, приходится быть очень скупым на слова. Взамен возникает удивительное владение литотой, иронией, убийственной недомолвкой.

Огромная мощь каждого предложения, экономия средств, мастерское применение различных приемов рождает великое искусство, которое — невероятным, чудесным образом! — создает удивительное впечатление объективности повествования, иллюзию его историчности, и нам сегодня известно, что эти тексты саг прежде всего являются произведениями искусства, сознательно написанными в духе реализма.

Очевидно, что эти особенности отражают видение человеком жизни и мира и в конечном счете определяют высокое значение саг, на чем мы остановимся немного подробнее. Вспомним то, что говорилось здесь по поводу обрядов рождения, а также по поводу отношений человека и религии. По поверьям исландцев, родившийся человек находится во власти богинь судьбы. Ничто не достанется ему за так — без усилий, бесплатно, в судьбе его не будет ничего абсурдного (это слово не переводится на старонорвежский), потому что все в руках высших и вещей сил. Впрочем, они обеспечили человека силой и способностью добиться успеха (*eiginn máttir ok megin*), масштаб которого в известном смысле соответствует тому, насколько «заинтересованы» в этом успехе высшие силы. И поэтому человек знает, что он не одинок, что в нем обитает священный дух, хранителем которого он является, частица священного, которая станет его судьбой. Его честь — ключевое понятие этики Севера — основывается одновременно на осознании этой «заинтересованности» и желании ее обеспечить. Если каким-либо образом

посягнуть на честь человека (оскорбление может быть нанесено разными способами — от вероломного обвинения или пренебрежительной улыбки до физического ранения), — то страдать будет даже не личность, а ее священная составляющая, осознанно униженная, и таким образом любое нанесенное оскорбление, согласно этому видению мира, превращается буквально в кощунство. То есть согласно такому пониманию этого единства оскорбленный вправе восстановить целостность своей священной составляющей, отомстив обидчику. Месть нельзя называть долгом — это доказывают все созданные в христианские времена кодексы законов, однако она является неотъемлемым правом человека. Судьба, честь и месть, — вот три краеугольных камня, на которых основывается достоинство и само существование героя саги.

Наконец, существует и «личная история» героя саги, нередко являвшегося реальным историческим персонажем. Едва достигнув совершеннолетия, он уже знает, каким должен стать. И суть его жизни определяется тремя глаголами: необходимо, чтобы он познал себя таким, каким есть, затем чтобы он согласился с этим, и, наконец, чтобы он принял себя таким. Для самопознания требовался не только самоанализ: нужен был и взгляд со стороны (в этом лишний раз проявляется значимость семьи), а также предсказания предков. Знаменательно, что так или иначе, любой значительный персонаж саги (а также в конечном счете все первые лица героического цикла «Эдды») знает заранее, какой будет его судьба, которая открывается ему во множестве знаков, предсказаний, сновидений. И в итоге он принимает свою судьбу — без возмущения, насмешек, а тем более жалоб: «Раз Судьбе было угодно предуготовить мне такой жребий, приговор ее нельзя отворотить никак; я существую лишь для того, чтобы быть тем, чем являюсь, то есть самим собой, и я должен доказать это своими поступками и только ими». То есть я должен принять себя таким, какой есть. Такая характеристика удивительно подходит величайшему из героев, Сигурду Фафниробойце, убийце дракона Фафнира, каким предстает он перед нами в песнях «Эдды»; то же самое можно сказать и о героях любой из саг, ставших героями именно по этой причине, и не следует забывать о том, что он собственной жизнью доказал эти великие принципы. Если было сказано, что человек этот *söguligr*, то есть достоин быть описанным в саге, то значит, он принял эти незыблемые законы и покорился им. Он велик именно потому, что подчинился всеобщему порядку, потому что нашел в нем путь для реализации собственной свободы.

Нам пришлось так подробно остановиться на сагах, с одной стороны, потому что они представляют собой наиболее яркий и характерный вклад средневековых исландцев в западную литературу, с другой — ввиду того, что они являются наиболее типичным выражением исландского *Weltanschauung* (мировоззрения). Саги следует считать наиболее важным элементом того, что мы неоднократно называли «исландским чудом».

Церковная литература

◆ Несколько предварительных оговорок

Мы еще не закончили наш рассказ об удивительной литературе Исландии. На предыдущих страницах мы уже упоминали известные произведения «иностранный» литературы, которыми вдохновлялись исландцы или по крайней мере они хорошо их знали. Сейчас самое время сказать, что интеллектуальное любопытство этих людей с самого начала было просто поразительным.

Это можно измерить одним важным критерием: количеством переводов с иностранных языков, выполненных в Исландии с момента начала «эпохи письменности». Мы знаем,

например, что христианские религиозные произведения (Библия, комментарии к Писанию, святоотеческие писания и главным образом многочисленные жития святых) очень рано были переведены на исландский язык. Мы также уже говорили о том, что Церковь не только приносила свои тексты — параллельно она распространяла полное классическое образование. Вряд ли необходимо напоминать, что собственно литература началась с религиозных рукописей, и что авторы почти всех трудов, которые мы знаем, были либо клириками — как, например, Ари Торгильссон, либо имели церковное образование — как, по всей видимости, Снорри Стурлусон. Этот факт вынуждает нас относиться с некоторым недоверием к подлинности и автохтонной достоверности произведений, которыми мы сегодня располагаем. Примером тому может служить уже неоднократно упоминавшаяся нами великая эддическая песнь *Речи Высокого*, которая, на наш взгляд, в существенной мере передает этические представления викингов (и средневековых исландцев). Однако не стоит принимать этот текст целиком и полностью за чистую монету: текстологические исследования свидетельствуют о том, что этот текст является составным и собран из элементов, восходящих к различным эпохам. Этим он весьма напоминает некоторые великие библейские книги, в частности, книгу Екклесиаста!

Конечно, не следует отрицать оригинальность средневековых исландских текстов — необходимо просто несколько пригасить тот необузданный энтузиазм, с каким эта культура преподносится отдельными учеными в виде бриллианта чистой воды.

◆ Другие литературные жанры

Помимо представленных выше, на острове между 1150 и 1350 годами существовали и другие литературные жанры. Совершенно очевидно, что средневековая литература Исландии возникла на основании ассимиляции и подражания всему тому, что было принесено с материка клириками и воспринято островитянами.

Возьмем исторические сочинения, уже не раз упоминавшиеся на страницах этой книги. Все книги древних авторов, распространявшиеся в монастырях континентальной Европы, были известны и исландцам: естественно, это соображение касается не только собственно истории. Таким образом, не следует удивляться существованию *Саги о Троянцах* (*Trójumanna saga*), восходящей к *Повести о падении Трои* Дарета Фригийского, или *Истории мира* (*Veraldar saga*), переводу труда Беда Достопочтенного, или *Саг о римлянах* (*Rómverja sögur*), которые не появились бы, не знай исландцы сочинений Саллюстия и Лукиана. Речь здесь идет не о совершенно исключительной страсти исландцев к Истории с большой буквы, но о моделях, которые они выбирали. Когда современный исландский специалист Эйнар Олаф Свейнссон говорит о древней литературе своей страны, что она была «наполовину духовная, наполовину светская», он совершенно точно отражает суть вопроса.

Что касается рассказов о чудесах, которые обычно предшествуют по времени житиям, то их существуют целые собрания (*jarteinaboekr*), которые с трогательной верностью повторяют латинские образцы. Кроме того, для нас наиболее ценным моментом является то, что из них мы можем почерпнуть массу деталей повседневной жизни.

Произведения Отцов Церкви были, разумеется, переведены на исландский язык, и их сюжеты в дальнейшем воспроизводились — порой даже слишком активно — не только в сагах об епископах, но и в различных прозаических произведениях например в некоторых сагах об исландцах. Что же касается житий святых, о которых мы неоднократно упоминали, то отметим, что в них не только приведены «истории» персонажей или ситуаций; внимание *sagnatennu* первую очередь привлекало видение мира: жизнь святого описывается с самого рождения, в

повествовании он должен пройти через испытания, в результате которых он становится святым. С той же точки зрения рассматривается и герой саги: однажды обстоятельства вынуждают его подвергнуться *skapraun*, испытанию характера, и если он торжествует над обстоятельствами, то становится достойным саги, *söguligr*. Трудно найти лучшую иллюстрацию этого принципа, чем фигура святого Олафа в изображении Снорри Стурлусона: поначалу он предстает перед нами распутным викингом, достаточно бессовестным, но достойным и внимательным к указаниям Судьбы (то есть в христианском понимании — пути, предначертанном Богом). Затем, по мере развития повествования, мы видим, как Олаф Харальдсон буквально делает себя великим королем, затем великим святым, становясь таким, каким его будут знать впоследствии; этот текст следует воспринимать в развитии, он имеет мало общего с застывшими статуями средневековых готических соборов.

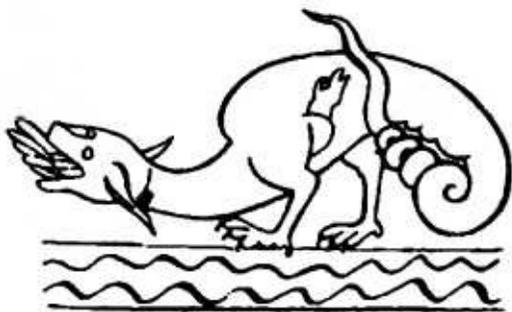
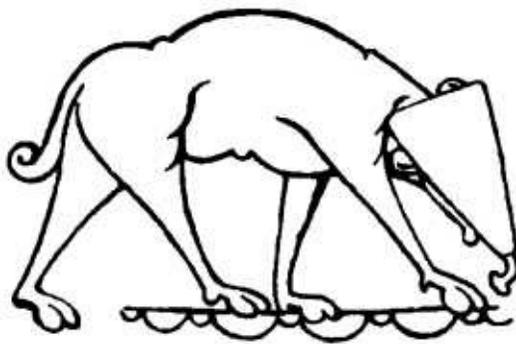
Сохранился также объемный сборник проповедей, в который вошли труды авторитетных церковных писателей и богословов — Тертуллиана, Оригена, Григория Назианзина, Григория Нисского, Льва Великого, Григория Великого. *Диалог* последнего стали одним из наиболее вдохновляющих источников для создателей саг; свидетельства знакомства с ними существуют даже в такой «светской» саге, как *Saga о Ньяле!*

Не следует забывать и о придворной и рыцарской литературе, легшей в основу так называемых рыцарских саг. Три великих повествования этого жанра известны в своих исландских версиях: история Карла Великого (*Karlamagnúss saga*), короля бриттов Артура (существует лэ Марии Французской в исландской версии — *Strengleikar*) и история Александра Великого — существует даже *Saga об Александре*, перевод «Александриады» Готье де Шатильона, причем мы знаем имя переводчика этого произведения: им был епископ Бранд Ионссон, живший в конце XIII века.

◆ Научные труды

Давайте теперь поговорим о науке — какой ее понимали в то время, то есть такой, какой она была в средневековой Исландии.

Теология в ту пору занимала основное место, что и неудивительно. Приведем в качестве примера *Люцидарий* Гонория Августодунского, известного в Исландии под названием *Elucidarius*. Что касается точных наук, то здесь ситуация несколько более затруднительна. Достойны упоминания всего несколько научных открытий. Поскольку скандинавы, а в особенности викинги, были великолепными мореплавателями, однако не располагавшими при этом навигационными инструментами — в частности, компасом, — они поневоле становились непревзойденными астрономами. Многие исландцы обладали солидными познаниями в этой области. Одним из главных небесных ориентиров им служила звезда Одда (*Stjörnu-Oddi*), о которой упоминается во многих письменных источниках, хотя мы не знаем, о какой именно звезде идет речь. Астрология — дисциплина, отчасти близкая к астрономии, имела в Исландии довольно много поклонников, в том числе и влиятельных; в частности, епископ Йон Огмундарсон, о котором мы уже говорили, был большим знатоком этой науки, равно как и Сэмунд Сигфуссон Мудрый; они даже якобы посещали «черную школу» (*svarta skóli*), то есть Сорбонну, чтобы познакомиться с этой наукой.

*Три сказочных животных,
взятые из иллюстраций
к исландской версии Физиолога
(XII век): слон, кит и нильская
птица по имени Гидрис*

Из области естественных наук нам известны две исландские версии Физиолога Филиппа Таонского (если только первоисточником их не стали *Этимологии* Исидора Севильского, являвшиеся, по-видимому, одной из любимых книг средневековых исландских авторов). Дошедшие до нас манускрипты снабжены превосходными иллюстрациями. С другой стороны, достаточно прочесть саги, чтобы обнаружить, насколько были распространены глубокие медицинские познания, необходимые для того, чтобы залечивать раны, полученные в походах и войнах, и также для того, чтобы определять размеры должных компенсаций оскорбленным. Познания эти могут иметь отчасти итальянское происхождение и связываться с *Regimen Sanitatis Salemitanum* (Салернский кодекс здоровья). Знакомство с ним, по всей видимости, осуществлялось напрямую, путем посещения либо Салерно, либо одной из школ-филиалов — например в Монпелье или Сен-Жиль-дю-Гар.

Эти необычные человечки также взяты из исландской версии Физиолога: циклоп, большеух и скифский гиппопод

О законах и кодексах здесь было сказано уже достаточно много, так что едва ли стоит повторяться. Не стоит утомлять читателя, перечисляя мелкие юридические труды, которые нам оставили исландцы, за исключением сводов уголовного права (*Grágás*) и церковного законодательства (*Kristinna laga þáttur*).

Мы уже упоминали о трудах по искусству и филологии. Наилучшим примером последних могут послужить скорее всего сочинения по грамматике. Согласно традициям той эпохи, различные авторы стремились описать исландский язык для обучения ему. В результате появился *Грамматический трактат* (*Málskufroedi*). Существуют по меньшей мере три различные версии этого произведения, написанные в разное время. Первый грамматический трактат, возможно, написал автор *Саги о людях из Лососевой Долины*, брат Стурлы Тордарсона, автора *Islendinga saga*. При этом он продемонстрировал невероятную эрудицию и точность. Автор не только знает различные языки, среди которых греческий и иврит, но и способен применять описательные структуралистические методы, на восемь веков предвосхитившие самые новейшие открытия в языкознании.

На этих страницах мы способны уместить всего лишь самый общий обзор того, на что были способны средневековые исландские клирики. Следует помнить о столь масштабном проникновении литературы в жизнь исландского общества для того, чтобы справедливо оценить истинное значение скальдических и эддических поэм, а также саг.

Римур

И все же после утраты Исландией независимости и подчинения острова сначала Норвегии, а затем Дании, литературный дар, похоже, начинает оставлять исландцев. Приблизительно к 1350 году все великие литературные жанры, о которых мы рассказывали, словно бы исчерпывают себя, хотя по-прежнему остаются популярными саги жанра *lygisögur* — то есть ложные саги, которые не выдерживают никакого сравнения с древними.

Фактически талант народа продолжает проявляться только в поэзии. С самого начала XIV века мы видим возникновение и расцвет нового жанра, чисто исландского — даже при том, что

его название, видимо, имеет французское происхождение — *rímur* (мн. ч. *ríma*). *Ríma*— это производное от скальдического *drottkvætt* которым мы говорили в свое время (см. Поэзия скальдов, глава 6). Это поэтическое произведение состоит из четырех строк (*ferskeyttr hátttr*) с аллитерациями и конечными рифмами на французский манер. Допускались разнообразные варианты и уже рассмотренные нами словесные приемы (хейти и кеннинги). Но в целом форма была намного проще, чем форма скальдических поэм. Посмотрите относительно простой пример, образец *ferskeyttr hátttr*, где аллитерации отмечены знаком «=», а рифмующиеся слова выделены курсивом.

Nú mun rað at fara á foetr
= =
Frýr þú hugarins draugi
=
Dagrinn liður drjúgt til noetr
= =
Dimma tekr í haugi (<i>Griplur</i> III 29)
=

Смысл стиха:

Вот пора вставать на ноги,
Идти навстречу ярости призрака,
День движется к ночи,
Темнота спускается на холм.

Этот жанр приобрел большую популярность, не утратив ее и в наши дни. Самым прекрасным образцом его, без сомнения, был *Skida ríma*, который датируется XV веком: этот отрывок восходит к описаниям видений, пользовавшимся большой популярностью в Средневековье, и изображает в 202 строках злоключения некоего Скиды, посетившего во сне Валгаллу, где ему пришлось преодолеть различные препятствия.

Можно сказать, что римурами средневековая исландская литература и завершилась. Здесь мы не говорим о мелких поэтических жанрах, таких, как песни, считалки и баллады, которые долгое время были весьма популярными. В любом случае малозначительные сюжеты вытеснили те утонченные формы, в которых природная одаренность исландцев могла проявиться наиболее ярко.

Наиболее выдающиеся авторы

Любопытно будет составить список имен знаменитых писателей Исландии согласно их месту в литературе страны, поскольку, как мы уже говорили, обычно они оставались анонимными, особенно когда речь идет о прозаических трудах. Не следует забывать о том, что у древних исландцев не существовало отчества, так что мы расставляем их в алфавитном порядке согласно именам. Предложенный список нельзя считать исчерпывающим!

◆ Ари Торгильссон Мудрый

Родился в 1067 году, умер в 1148. Этот священник из Западной Исландии считается «отцом литературы» своей страны. Он принадлежал к знатной семье и был воспитан одним из сыновей епископа Ислейва, первого из прелатов этой страны. Его монументальный труд *Книга об исландцах* (*Íslendingabök*) вышел в свет около 1120 года. На его страницах Ари Мудрый излагает историю заселения своей страны с самого начала. Книга написана на исландском языке, что было довольно необычно в то время, когда все писали на латыни, — как, например, предшественник Ари, Сэмунд Сигфуссон. В произведениях Ари уже присутствуют все те достоинства, которые обеспечили долгий успех саг: динамика повествования, экономия изобразительных средств, использование литот и, как следствие, сжатость текста. В то же самое время они уже обладают (как и сочинения многих преемников Ари) достоинствами, предвосхищающими работы современных историографов: Ари цитирует различные источники, обращается к свидетелям, сопоставляет полученные от них сведения, старается добиться объективности. Возможно, что Ари был автором *Книги о заселении Исландии* (*Landnámabók*), которая положила начало целой плеяде книг этого жанра. Очень важен тот факт, что современники дали ему прозвище Мудрого (*fróðr*) — честь, которой удостоились всего два или три человека, что подчеркивает значение этого автора.

◆ Эгиль Скаллагримссон

Перу этого яркого персонажа приписывают одну из трех величайших саг об исландцах, *Сага об Эгиле, сыне Грима Лысого*, возможно, все же написанную самым знаменитым средневековым исландским писателем Снорри Стурлусоном. Эгиль жил в X веке, и его характер вполне соответствовал нашему представлению о викинггах — людях дерзких, кровожадных, жестоких, грубых и чаще всего жадных. Эта сага полна описаний рискованных путешествий, грабежей, жестоких боев и грубых попок. Кроме того, герой ее наделен опасными магическими способностями. И в то же самое время Эгиль — верный друг и брат, любящий человек, который, не колеблясь, женился на вдове своего брата, чтобы защитить его честь... и состояние. Как верный союзник он покрыл себя славой в одном из сражений (возможно, в сражении при Брунанбурхе), защищая своего друга, английского короля Ательстана. Однако в первую очередь он был несравненным скальдом. Свои первые строфы он сложил едва ли не в детстве! Эгиль оставил нам три поэмы, и не исключено, что из-за них-то и была составлена посвященная ему сага. Первая из поэм относится к классическому жанру «выкупа за голову» (*Höfuðlausn*), то есть представляет собой хвалу королю Эйрику Кровавая Секира, взявшему скальда в плен и собравшемуся казнить его. Эта похвала обеспечила Эгилю прощение, что свидетельствует об обычаях, принятых в этом мнимом варварском обществе. Вторая была написана в память о лучшем друге Эгиля, знатном херсире Аринбьорне (*Arinbjarnarkviða*). И, наконец, в старости Эгиль имел несчастье потерять двух своих сыновей: лишенный, таким образом, наследников, он страдает и в отчаянии призывает смерть. Одна из дочерей Эгиля находит способ облегчить тоску отца и советует ему сложить поэму в память о сыновьях. Он уступает ее настоянию и по мере сочинения осознает, что воздвигает своим детям великий памятник. Его *Sonatorrek* (*Утрата сыновей*) стала жемчужиной скальдической поэзии. Эгиль начинает с того, что проклиная бога поэзии и бога мертвых, который похитил его сыновей. Но при этом он отдает себе отчет в том великом деле, которое собирается свершить ради славы своего рода, и первоначальные кощунства превращаются в хвалебный гимн тому, кто дал ему способность воспеть человеческую судьбу.

◆ Эйстейн Асгримссон (умер в 1361)

Этот монах, по-видимому, был довольно беспокойным человеком (ему явно не удавалось соблюдать обет целомудрия, и он дошел до того, что даже досаждал своему аббату!). В качестве покаяния он составил около 1343 года поэму, которую, согласно пословице, хотел бы написать любой исландец — *Лилия* (*Lilja*). Это один из шедевров скальдической поэзии. В ста строфах (количестве, равном числу букв в молитве *Ave Maria*) он хвалит Деву Марию, лилию среди цветов. Мало какая из исландских поэм может похвастаться подобной виртуозностью и глубиной религиозного чувства.

◆ Гуннлауг Лейфссон (умер в 1218)

Норвежский король Олаф Трюггвассон (правивший всего лишь пять лет, с 995 по 1000 год, и прославивший истинным образцом северной доблести) особенно нравился исландцам, и по крайней мере три автора посвятили ему свои саги. Монах Гуннлауг Лейфссон из монастыря Пингейрар и монах Одд Снорассон сложили сагу об этом короле на латыни. Текст саги был потерян, так же, как перевод на исландский язык, однако сопоставление с другими версиями показывает, что эта сага была очень похожа на жизнеописание святых. Известно также, что Гуннлауг Лейфссон составил жития святого Амвросия и епископа Иона Огмундарсона, причисленного к лику местных святых. Он также перевел на исландский язык *Историю королей Британии* Гальфрида Монмутского, известную под названием *Breta sogar*.

◆ Хальфред Оттарсон Трудный скальд (X век)

Этот скальд, наделенный сложным характером (давшим ему прозвище), дружил с Кормаком Огмундарсоном; известна история его неудачной любви к прекрасной Колфинне. Будучи виртуозом своего дела, он заслужил «сагу скальда», то есть стал героем собственной саги. Он стал знаменитым благодаря своей *Hákonardrápa* (поминальная хвалебная речь в честь ярла Хакона), где присутствует своеобразный синтез языческой и христианской традиций.

◆ Хаук Эрлендссон (XIV век)

Интересен тем, что был одним из первых «правителей» (мн. ч. *lagmaðr*) Исландии, поставленных королем Хаконмом Хаконарсоном после утраты островом независимости. Хаук также являлся автором одной из версий *Книги о заселении Исландии*, называемой *Hauksbók*, «Книгой Хаука», которая во многом повторяет книгу Стурлы Тордарсона. Действительно, *Hauksbók* представляет собой обширную компиляцию, потрясающую своим разнообразным составом: здесь содержатся тексты договоров, саг и эддических поэм. Этот труд — идеальный пример так называемой церковной литературы. Полезно коснуться содержания этой книги, состоящей из нескольких сотен томов. Наряду с только что упомянутой версией *Landnámabók*, в ней можно найти и *Сагу о христианизации Исландии* (*Kristni saga*), и некоторые вытекающие из нее саги, относящиеся к различным категориям — такие, как *Сага о верных братьях* (*Fóstbræðra saga*), *Сага об Эрике Рыжем* (*Eiríks saga rauða*), легендарная *Сага о Хейдрексе* (*Heiðreks saga*), *Сага о Троянцах*, по Дарию Фригийцу (*Trójumanna saga*), *Сагу о бреттах*, *Breta sögar*, или *Historia Regnum Britannia*, автором которой был Гальфрид Монмутский, и многочисленные «пряди», *þoettir*. Разумеется, Хаук не был их автором, он всего лишь переписал

эти тексты. Далее здесь можно найти целый спектр литературы энциклопедического типа, которая покрывает всю гамму знаний той эпохи (их перечисление было бы слишком долгим), и вариант *Прорицания Вёльвы*, шедевра поэтической «Эдды». Наконец, здесь же содержится *Elucidarius*, теологический трактат, являющийся переводом книги *Луцидарий*, вышедшей из-под пера Гонория Отунского.

◆ Карл Йонссон (умер в 1213 году)

По непонятной причине этот значительный писатель довольно долго дождался заслуженного признания, звания равного среди *sagnamenn* или авторов саг — в данном случае тех, которые называют «королевскими» (*konungasögur*); он также принимал активное участие в создании саг типа *samtíðarsögur* (саги о современниках). Впрочем, именно он является автором признанного шедевра — *Saga о Sverripure*, или *Sverris saga*, написанной в честь норвежского конунга. Карл Йонссон был аббатом знаменитого монастыря Пингейрар, который стал питомником исландских писателей, в особенности авторов исторических сочинений. По приказу короля он составил по крайней мере первую часть текста, называемую *Gryla* — возможно, отчасти под королевскую диктовку. Произведение скорее всего датируется 1202 годом. Оно представляет огромный интерес, поскольку написано клириком и является описанием жизни короля-клирика, имевшего сильные трения с Церковью Норвегии, и потому является собой великолепный пример такта и дипломатии. Эта сага заслуживает того, чтобы именоваться настоящим историческим документом, — редкий случай в этом жанре, что не мешает ему оставаться примером изысканности и мастерства. Забавный факт: популярность этой саги в Норвегии весьма высока.

◆ Кормак Огмундарсон (X век)

Этот исландский скальд, возможно ирландского происхождения, был одним из величайших поэтов страны и мастером жанра, столь редкого в Исландии — любовной лирики. Он был удостоен «саги скальда» (*skáldssaga*), *Kormáks saga Ögmundarsonar*, в которой цитируются его поэмы. Речь в саге идет о несчастной страсти к прекрасной Стейнгерде, которая вышла замуж за другого (эта особа дважды побывает замужем), что приведет к тому, что он выступит против соперников с ужасной клеветой, наказанием за которую станет ссылка в Норвегию. Там он выступит с хвалой — как обычно, в стихах — в честь ярла Сигурда и умрет, произнося при этом стихи в честь своей возлюбленной. Поэзия Кормака отличается богатством ритмов и образов. Современные исследователи хотят видеть в нем достойного соперника авторов различных версий истории Тристана и Изольды. Очевидно, что шедевры Кормака Огмундарсона сильно отличаются от обычного средневекового исландского литературного творчества.

◆ Одд Сноррасон (конец XII века)

По неизвестным нам причинам этот монах из монастыря в Пингейраре составил на латинском языке, одновременно с другим монахом, Гуннлаугом Лейфссоном, свою версию жития норвежского короля Олафа Трюггвассона, являвшегося одним из величайших преобразователей страны. Ныне текст жития утерян, но, без сомнения, существовала его исландская версия. Более четкая в агиографическом отношении, чем сага Гуннлауга, версия Одда позволяет нам проследить, каким образом жанр жития преобразуется постепенно в сагу в

узком смысле этого термина.

◆ Олаф Фрордарсон Белый скальд (конец XIII века)

Это брат Стурлы Тордарсона — автора *Islendinga saga*, и при этом племянник Снорри Стурлусона. Будучи великим скальдом, он прежде всего являлся автором авторитетного *Первого грамматического трактата* (*Fyrsti Málskrufroedi*), одного из наиболее необычных научных трудов, оставленных нам исландцами. В нем приведено, как было принято в то время, описание исландского языка, которое демонстрирует не только значительную ученость этого автора (который знал множество языков, в том числе иврит), но и значительное, на несколько веков, опережение своего времени, поскольку в нем мы можем увидеть ряд положений теории структурализма, получившей широкое распространение в наши дни. Его перу, по-видимому, также принадлежит одна из наиболее красивых *Íslendingasögur* — *Laxdoela Saga* (*Сага о людях из Лососьей Долины*).

◆ Сэмунд Сигфуссон Мудрый (1056–1133)

Нам немного известно об этом выдающемся писателе. Сэмунд пользовался особым авторитетом, поскольку на его труды было сделано множество ссылок. Он был священником и основал свою школу — как мы сказали бы сегодня, культурный центр — в Одди, в центре острова, где получили образование многие видные деятели средневековой исландской истории, в том числе Снорри Стурлусон. Кроме того, он был главой крупного клана и сыграл значительную роль в истории своей страны. Он составил на латыни ныне утерянную хронику королей Норвегии, положив таким образом начало новому жанру, пользовавшемуся впоследствии значительным успехом. Ему приписывается также много других произведений, в частности, версия поэтической «Эдды», но, по нашему мнению, это предположение не имеет под собой достаточных оснований.

◆ Сигхват Тордарсон (995?–1045)

Возможно, самый великий исландский скальд. Он был большим другом норвежского короля Олафа Харальдссона (святого Олафа), который сделал его коннетаблем и своим доверенным лицом. Тордарсон является автором *Vikingavísur* (*Строфы Викингов*), в котором довел *dróttkvætt* (скальдический размер) до редкого совершенства. В своей поэме *Bersöglisvísur* (*Свободные строфы*) он советует королю Магнусу, сыну святого Олафа, не пытаться отомстить убийцам своего отца, являя образец элегантности, свободы высказывания и такта. Великий путешественник, он также является автором *Строф о путешествии на Восток* (*Austrfararvísur*) где «отчитывается» за свою дипломатическую поездку по Швеции, предпринятую в 1019 году, и *Строф о путешествии на Запад* (*Vestrfararvísur*), во время которого он посетил Францию и Англию.

◆ Снорри Стурлусон (1178/9–1241)

Если бы Снорри не был исландцем и писал на языке более известном, чем его собственный, нет никакого сомнения, что он занял бы одно из первых мест среди средневековых западных

писателей. В любом случае среди исландских писателей он является наиболее впечатляющей фигурой, и его творчество даже по прошествии стольких веков демонстрирует удивительную современность.

Он был одним из сыновей знаменитого Хвамм-Стурлы Тордарсона, основателя беспокойного рода Стурлунгов (*Sturlungar*), приведших к завершению драматическую судьбу их страны. Важную роль в этом сыграли бесконечные споры за право занимать высокую должность фоста (*fóstr*), которые отец Стурлунгов вел со своим давним соперником — Ионом Лофтссоном из Одди. Ион был потомком норвежских королей; в его доме история была кумиром, и очевидно, что именно там Снорри изучил главные правила своего искусства. Он обогатился за счет удачного брака и вскоре с головой ушел в политику. Два раза его избирали законоговорителем. Снорри был человеком большой житейской смекалки, он много раз отправлялся в Скандинавию (в Швецию, и главным образом в Норвегию), где бывал на приеме у королей.

Однако наибольший интерес эта личность представляет с интеллектуальной точки зрения. Являясь высококлассным скальдом, Снорри отдавал себе отчет в том, что после двух веков христианства молодые поэты не обладают необходимыми знаниями для совершенствования в традиционном искусстве стихосложения, поскольку оно требует глубокого знания древней мифологии, умения слагать хейти и кеннинги. Поэтому Снорри составил для них нечто вроде учебника, известного под названиями «Прозаической Эдды», «Эдды Снорри» или «Младшей Эдды» (см. «Эдда», глава 6). Это сочинение включает в себя *Мемрику* (*Háttatal*), *Поэтику* (*Skáldskaparmál*, или разъяснение стилистических фигур) и трактат о нордической мифологии (*Gylfaginning*, или *Видение Гюльви* — по имени вымышленного шведского короля). Без этого произведения объем наших сведений о мифологии Севера сократился бы в существенной степени. *Видение Гюльви* представляет собой пространный, разнообразный по сюжету текст, содержание которого варьируется от бурлеска (*Путешествие Тора к Локи*) до высокого трагизма (смерть Бальдра, картина Рагнарёка). Именно благодаря Снорри мы можем сегодня читать и интерпретировать скальдическую поэзию, наиболее сложную из всего того, что было создано на Западе.

Однако Снорри на этом не остановился. Около 1225 (?) года он начинает слагать свою *Heimskringla* (*Круг земной*), или *Сагу о королях Норвегии*, ставшую одной из великолепнейших образцов так называемых королевских саг (*konungasögur*), вершиной которых является *Сага об Олафе Святом*, которую Снорри сложил вначале независимо от других, но затем включил ее в единый цикл. У этого сочинение есть все признаки саги. К этому следует добавить особенную философию Снорри, довольно рационалистическую. Он считал Историю неизбежным соединением причин и следствий. Он считал, что ее творят великие люди, и видел в ней постоянное движение, управляемое Судьбой. Кроме того, очень вероятно, что Снорри был также автором одной из великих саг об исландцах, *Egils saga Skallagrímssonar* — *Саги об Эгиле, сыне Грима Лысого*.

Его погубили жажда власти и жадность. Он начал плести интриги против норвежского короля Хакона Хаконарсона (того, кто впоследствии захватил Исландию), чтобы захватить власть надо всем островом и стать полновластным его правителем. Вскоре он позволил себе послушаться короля, за что тот незамедлительно отомстил, приказав убить поэта в подвале роскошного дома, который Снорри построил себе на западе Исландии, в Рейкьяхольте.

Сходство между Снорри и Цицероном было подмечено достаточно давно: ясный ум, такая же тонкость и несколько скептический взгляд на жизнь, взгляд мудреца. И те же слабости!

Являясь племянником Снорри Стурлусона, он, как и его дядя, был политическим деятелем и знаменитым писателем, а также скальдом и высококлассным рассказчиком (*sagnamaðr*). Он является автором *Íslendinga saga* (*Сага об исландцах*), ставшей центральным текстом внушительной компиляции, названной *Сагой о Стурлунгах* (потомках Хвамм-Стурлы, являвшегося дедом Стурлы Тордарсона). *Íslendinga saga*, как и любая сага о современниках (*samtíðarsaga*), является летописью фактов — в данном случае тех, которые приведут Исландию к утрате независимости в 1262–1264 годах. Но этот текст выходит за пределы саг: это нечто вроде трактата по политической или исторической философии, в которых со ссылками на Писание доказывается, что любая страна, раздираемая на части изнутри, неминуемо погибнет. С удивительной пронизательностью, рассудительностью и корректностью Стурла показывает, как жаждущие власти соперничающие группировки в конце концов погубят друг друга, сделав ее легкой добычей алчного норвежского короля. Эта сага написана с таким мастерством, что сын этого короля, Магнус Исправитель Законов, в конце концов закажет ему составление саги о своем отце — *Hákonar saga Hákonarsonar*. С высокой степенью вероятности Стурла также был автором одной из пяти величайших саг, относящихся к категории *Íslendingasögur* — *Grettis saga*, *Саги о Греттире*. Не исключено, что именно он сложил *Сагу о христианизации* (Исландии, разумеется) — *Kristni saga*. Возможно, что именно он является автором и наиболее красивой версии известной *Книги о заселении Исландии* (*Landnámabök Íslands*), одного из самых оригинальных трудов, составленных в Исландии в Средние века.

У Стурлы не было размаха своего дяди; как писатель он не столь подвержен настроениям и не любит масштабных теорий. Это великий прагматик, позволяющий фактам говорить самим за себя; он, так же, как и его дядя, любит поэзию и сверхъестественное, не систематизируя их.

◆ Стурмир Карасон Мудрый (1170?-1245)

Этот священник был «секретарем» Снорри Стурлусона. Он составил одну из версий *Саги об Олафе Святом*, равно как и свою версию *Книги о заселении Исландии*. Его прозвище *hinn fródi*— мудрый, которого удостоились немногие из его соотечественников, дает понять, что он был весьма ценим за свои знания. Как и Гуннлауг Лейфссон и Одд Сноррассон, он был выходцем из знаменитого монастыря Пингейрар. Он является представителем той плеяды клириков, без которых исландская литература, особенно саги, никогда не увидела бы свет.

◆ Тормод Берсасон, скальд Черных Бровей (XI век)

Высококлассный скальд, который также является одним из двух главных действующих лиц знаменитой *Fóstbræðra saga* (*Сага о верных братьях*) и другом короля Олафа Святого, рядом с которым он погиб во время сражения при Стикластадире в 1030 году. Его прозвище возникло от страсти к прекрасной Колбрун («чернобровый»).

VII Искусство

Зная о склонности скандинавов к ручному труду, трудно предположить, что исландцы не создавали произведений искусства, которые с честью выдержали бы сравнение с их литературными шедеврами. Однако тяжелые материальные условия, различные бедствия и разрушительное действие времени сделали свое дело, и в результате от этого богатого наследия до сегодняшнего дня мало что сохранилось, так что мнение об искусстве средневековой Исландии не приходится составлять на основании редких дошедших до наших дней образцов.

В этой главе нам придется ограничиться всего лишь кратким обзором, поскольку достаточные основания для крупного исследования, к сожалению, отсутствуют — ведь каким бы удивительным ни казалось нам исландское средневековое искусство, количество произведений его все же весьма незначительно по сравнению с разнообразием произведений литературных. Современные исландцы обыкновенно говорят, что саги и поэмы заменяют им соборы и замки, и потому являются истинным воплощением национального духа. Фактически список произведений, о которых мы могли бы рассказать, получается довольно коротким.

Однако следует заметить следующее: во-первых, поскольку строительный камень и древесина в этой стране вулканов практически отсутствуют, а недра ее довольно скудны, то древние мастера испытывали нехватку материалов, при помощи которых они могли бы выражать и совершенствовать свой творческий гений. То, что было у них под рукой — дерево или ткань, — постоянно подвергалось жестокому разрушительному действию времени, тем более учитывая неустроенность и ненадежность условий жизни, ставшие обычным делом в течение «черных веков» (с XV по XIX), когда Исландия медленно двигалась к восстановлению независимости. Нет никакого сомнения в том, что исландские мастера могли бы создать значительные произведения искусства: это доказывают редкие сохранившиеся образцы их творчества. И дело отнюдь не в небрежности потомков и современников. Поселения исландцев часто подвергались пожарам, не говоря уже о других стихийных бедствиях, уничтоживших произведения искусства. Так, например, в сборнике *Diplomatarium Islandicum*, содержащем свод разнообразных документов, касающихся этой страны, сохранились списки существовавших в то время церквей; эти документы констатируют наличие большого числа ныне не существующих храмов, унесенных потоком времени. Один пример: мы знаем, что исландцы были большими мастерами в искусстве ткачества или вышивания великолепных гобеленов, хотя в Национальном музее Рейкьявика сохранилось всего несколько редких экземпляров. Ковры просто не могут противостоять действию времени, равно как и фрески, написанные на дереве, или вырезанные из этого же материала рельефы. Кстати, до нас дошли сведения отнюдь не обо всех существовавших прежде объектах. Например, страшный пожар в Копенгагене (1728) погубил значительную часть коллекции, которую сумел собрать Арни Магнуссон, о котором мы еще будем рассказывать.

Арни Магнуссон

Кроме того, ввиду определенных исторических обстоятельств можно предположить, что исландские художественные сокровища во многом были нагло разграблены датскими властями и вывезены из страны: множество прекрасных работ находятся сегодня в иностранных музеях, как, например, замечательный гобелен *Grenjadarstaðir*, выставленный ныне в музее Клуни в Париже. Даже в отношении литературных шедевров понадобилось невероятное великодушие и преданность делу Арни Магнуссона (1663–1730), неутомимо коллекционировавшего все пергаменты, которые ему удавалось найти. Он выискивал их повсюду — на фермах, даже за подкладкой одежды (так, в одной епископской митре был обнаружен служивший ей подкладкой пергамент, содержащий две страницы одной древней рукописи), спасая от забвения и от уничтожения тексты, о ценности которых мы уже столько говорили. Сейчас имя Арни Магнуссона носят два института, в которых ученые изучают древние манускрипты — один в Копенгагене, а другой в Рейкьявике.

Понятно, что искусство Исландии — земли новозаселенной, возникло только в конце IX века. Лишь после христианизации страны увлечение художественным творчеством становится более распространенным. Сегодня довольно трудно бывает выделить из общей массы скандинавских произведений искусства подлинно «исландские»: предметы, о которых мы будем говорить далее, ничем не отличаются от тех, которые вышли из-под рук викингов, являя тенденции, общие для всей Скандинавии в целом.

Итак, обратимся к краткому обзору того художественного наследия, которым, безусловно, располагала эта страна, судя по отдельным образцам, которые дошли до нашего времени.

Архитектура

Начнем с архитектуры, о которой трудно сказать что-либо конкретное. Конструкция исландских ферм практически не отличалась от подобных построек в континентальной Скандинавии. Церкви, которых осталось очень мало, весьма похожи, как своим планом, так и внутренним убранством, на европейские церкви, построенные в романском стиле. Если верить

весьма оригинальному средневековому тексту, содержащему проповедь по поводу дарения построенной церкви, не исключено, что некоторые религиозные постройки сооружались согласно особому методу *stavkirker* (деревянные каркасные церкви, обшитые по вертикали досками), но по этому поводу приходится лишь строить догадки. В Исландии осталось очень мало поддающихся датировке средневековых церквей. На страницах одной из епископских саг приводится яркое описание колокольни церкви Скалахольта (епископства на юге острова), однако отсутствуют подробности, которые позволили бы нам составить о ней конкретное представление. Увы, и этот храм подвергся разрушительному действию времени.

Живопись

В отношении изобразительного искусства положение несколько менее безнадежно. Но и здесь оригинальность отсутствует — явно ощущается влияние романского стиля, по-видимому, принесенного с материка Церковью. Сохранилось несколько изображений святых; в епископских сагах упоминается внутреннее убранство церквей в виде картин, надписей и портретов — естественно, не сохранившихся до наших дней. На некоторых деревянных рельефах уцелели остатки краски, свидетельствующие о том, что раскраска резных изображений являлась достаточно распространенной практикой.

*Страница рукописи (XIV век) из Стърна,
исландского перевода Библии:
Авраам готовится принести в жертву Исаака*

Музыка

Столь же скудны наши сведения о музыке. Ясно лишь, что при декламации эддических песен и даже саг в Исландии использовали арфу, лютню, а также *lúdr*, современный *lur*— нечто вроде длинного рожка, похожего на швейцарский альпенгорн. И все! В одном из документов,

правда, содержится ритмизованная запись службы святому Торлаку, датируемая второй половиной XIII века и записанная при помощи старинной системы обозначений, принятой в Европе с X века, что свидетельствует о том, что исландцы были знакомы с этим методом. В саге о епископе Ионе Огмундарсоне говорится, что этот прелат привел в основанную им школу французского священника, предложив ему преподавать *sönglist*— искусство пения, о котором мы практически ничего не знаем, хотя можно не сомневаться в том, что в Исландии существовало магическое пение, *galdr*; и, как мы уже говорили, скальдическая поэзия с ее необыкновенно сложной композицией также могла произноситься нараспев под музыку с целью ее лучшего восприятия. Все попытки разгадать способ декламации скальдических песен (псалмодии, «завывания», модулированное чтение и т. д.) оказались напрасными. Едва ли они зачитывались ровным и невыразительным голосом, но этим наши предположения и ограничиваются.

Скульптура

Иначе дело обстоит в области скульптуры. В этой области сохранилось наибольшее количество ценных и интересных свидетельств. Следует помнить, что скандинавы вообще были мастерами обработки дерева, и их достижения — например, корабль викингов — до сих пор вызывают искреннее восхищение. Исландия, никогда не располагавшая достаточным количеством леса на значительные проекты — например, на постройку кораблей, тем не менее, оставила прекрасные произведения искусства в жанре резьбы по дереву. Особенно это касается резных панелей, украшавших интерьер церквей. Сохранилось несколько фрагментов одной из таких панелей, происходящие из Флататунга (Скагафьорд, на севере страны), с вырезанными на них сценами, которые изначально были раскрашены. На этих резных плахах изображены Христос и апостолы в стиле, в Норвегии называемом стилем *Ringerike*, восходящем к англосаксонским образцам XI века. Исландский специалист Сельма Йонсдоттир, считает, что это произведение обнаруживает византийское влияние и было создано в конце XII века: оно являлось частью более обширной композиции (по крайней мере семи метров шириной), изображающей Страшный суд.

*Деталь резьбы по дереву
из Флататунги
(север Исландии), XI век*

Мы знаем подобные композиции в Швеции и в Прибалтийских странах — все эти страны располагаются на восточном пути, которым нередко пользовались викинги из Восточной Скандинавии (варяги), о чем мы уже неоднократно говорили на этих страницах. В других местах (Модруфеле, а также Храфнагеле, расположенном в Эйяфьорде, на севере острова), были найдены вырезанные из дерева в романском стиле фигуры драконов.

*Вырезанная из дерева голова
Христа из Упсира
(север Исландии), XII век*

Один из шедевров такого рода был найден в Вальфбьёфсстадире: это церковный портал, датирующийся приблизительно 1200 годом и первоначально являвшийся входом в *skáli*. С лицевой стороны его изображен рыцарь со львом. На оборотной части рыцарь своим мечом пронзает дракона: здесь мы имеем дело с явной иллюстрацией к переводу «Ивейн, или Рыцарь со львом» Кретьена де Труа, носившего название *Ívens saga* (если, конечно, речь не шла о *Sage o Tidrike Бернском*). Это удивительное произведение древней северной работы по дереву наверняка норвежского происхождения, с привлечением европейских — французских в данном случае — сюжетов. В другом месте, в Саудафелле, над дверями в *skáli*, согласно одной из саг, были прикреплены вырезанная из дерева голова животного (скорее всего оленя, *dýrshöfuðsdyrr*) и нос корабля (*brandadyrr*). Возможно, что в наиболее зажиточных жилищах существовал обычай покрывать резьбой балки, как, например, об этом говорится в *Flugumýrr: váru öll hús mjök vöndu á at smið*, «все жилища были изящно украшены скульптурами». Сохранилась великолепная голова Христа из Упсира в Сварфадардалре (север Исландии), вырезанная из березы согласно романским канонам (она датируется XII веком). Она изображает Христа в образе царя, в короне и с бородой, с безмятежным выражением лица. Это произведение нельзя назвать единственным в своем роде, о чем свидетельствуют экспонаты, выставленные в Национальном музее Исландии в Рейкьявике, но и там можно только с грустью удивляться малому количеству дошедших до нас произведений.

Декоративное искусство

Наши знания о континентальном древнескандинавском декоративном искусстве позволяют ожидать, что талант исландцев должен был проявить себя и в этой области. В этом нет ничего неожиданного: средневековые скандинавы были не столько великими творцами изысканных форм, сколько, скорее, первоклассными мастерами орнамента. Особенно ярко это проявилось в

религиозном искусстве. В древних текстах многократно упоминаются витражи, золотые или позолоченные ларцы, раки с реликвиями святых или золотые украшения, скульптуры из кости, заалтарные образа. Знаменательно, что в одной из саг о епископах особенно упоминается талант одной женщины, некоей Маргрит, являвшейся *oddhögust*— лучшим резчиком по дереву в своей стране. В исландском языке нет слова «художник»: в нем используется уже известный нам термин *smíðr*(ремесленник), иногда в сочетании с прилагательным *hagr*(это превосходная степень), означающим «умелый в работе руками».

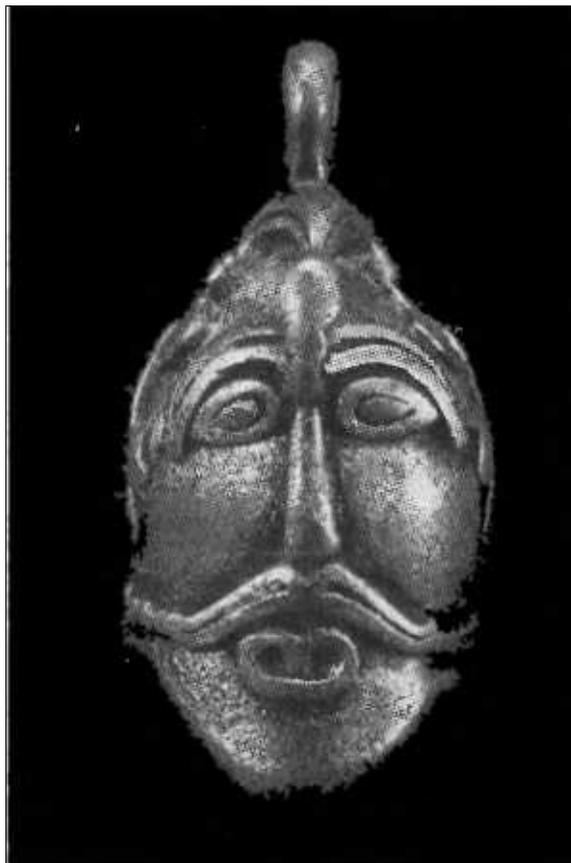
Несколько прекрасных золотых браслетов эпохи викингов (найденны в северной Норвегии)

Остается упомянуть о прекрасных гобеленах — которые, возможно, служили покрывалами на кроватях. На них изображены исторические сценки, эпизоды из Библии или из житий святых — как, например, изображение святого Мартина, которое мы можем увидеть в музее Ключи: оно доставлено туда из Гренёадарстадира. На нем изображено двенадцать медальонов, в которых последовательно представлены сцены из *Saǰu o Martine*(*Martinus saga*), наиболее значительные эпизоды из жизни святого. Поражают виртуозность переплетений, окружающих каждый из этих эпизодов, и качество красок. И снова эта работа относится к романскому стилю и датируется, разумеется, XII веком. Однако другой подобный гобелен, на котором изображены эпизоды из жизни Христа, от Рождества до положения во гроб, а также Ноев ковчег и Древо жизни, явно относится к византийскому типу!

Естественно, в Исландии изготовлялись и украшения, выполненные очень искусно в технике чеканки, филиграни и перегородчатой эмали. Эти украшения относятся к стилю викингов. К сожалению, их осталось очень немного — по причинам, о которых мы уже говорили, но качество венцов, окаймленных золотом, серебряных «змеиных языков», золотых колец с печаткой, браслетов и колец, украшенных драгоценными камнями и геммами, фибул различной формы, украшений седел или торжественных парчовых одежд, а также прекрасного оружия, впечатляет.

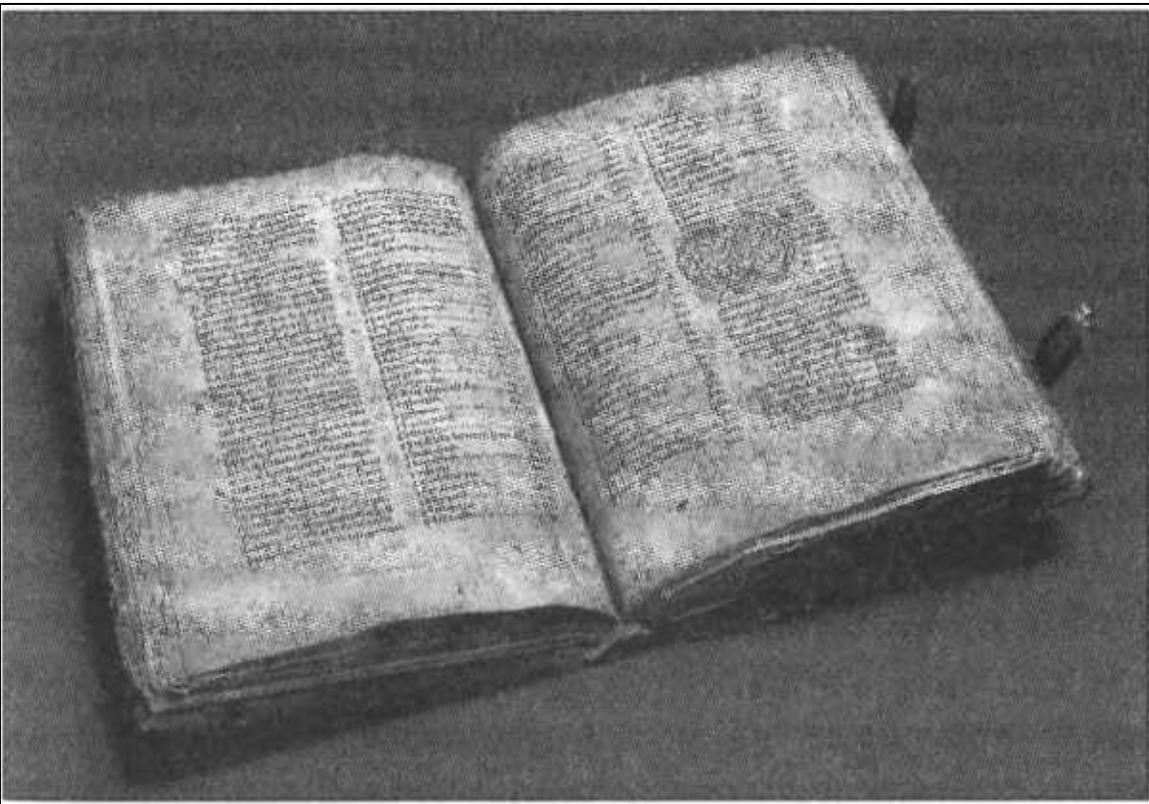
В *Hungruaka*, одной из саг о епископах, весьма эмоционально описывается золотая чаша епископа Клаенга, усыпанная драгоценными камнями. Скандинавские мастера предпочитали изображать стилизованных животных: именно такой орнамент изображен на жезле епископа Пали Йонссона (умершего в 1211 году). Искривленная часть жезла представляет собой голову волка, кусающего неопределенное животное. Вызывает восхищение реликварий Кельдура (*Keldur*) в Рангарвеллире, изготовленный в виде маленького домика, на крыше которого в овале изображен окруженный ангелами Христос во славе. На вертикальной панели помещено

полностью позолоченное распятие, выполненное в позднероманском стиле. На распятии вырезан орнамент из листьев аканта.

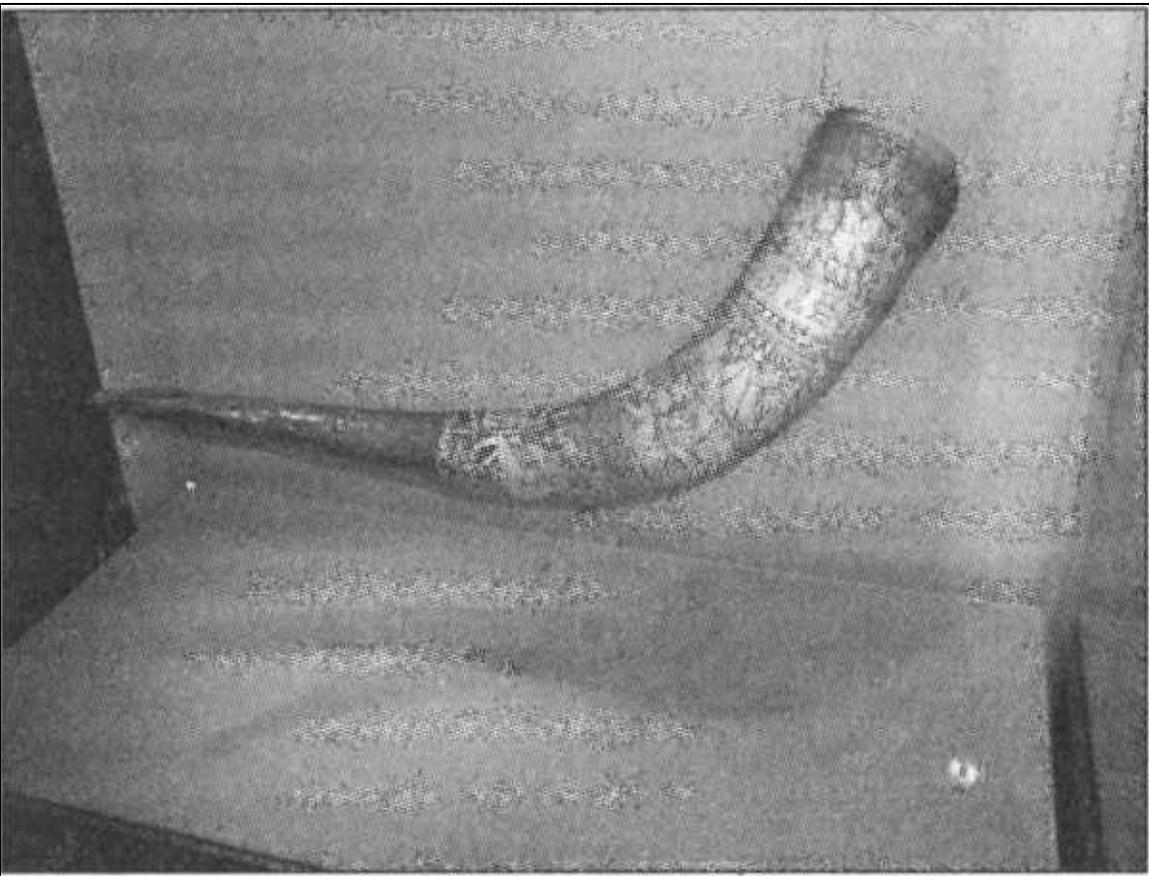
*Серебряная подвеска
из Швеции. IX-X в.*

Стоит еще раз обратиться к прекрасным рукописям, хранящимся в фонде Арни Магнуссона, столь заботливо описанным Йонасом Кристианссоном, его бывшим директором. Великолепные буквицы манускриптов *Staðarhólsbók* (конец XIII века), *Skarðsbók* (XIV век) и главным образом *Flateyjarbók* (конец XIV века) и, несколько ранее, иллюстрации к исландской версии *Физиолога* (около 1200 г.) соединяют — как везде в то время на Севере — великолепную наивность, в лучшем смысле этого слова, с необыкновенным реализмом и страстью к стилизации. Изображение Девы Марии в латинском календаре, относящемся приблизительно к 1300 году, поражает редкой элегантностью и чувством гармонии пространства и цвета, которые выдерживают сравнение с наиболее значительными «континентальными» работами подобного рода.

Манускритт Stjórnarskrá. Конец XIII в.

В заключение повторим: трудно углядеть в этих творениях местную оригинальность. При их оценке знатоки колеблются между романским, готическим, примитивным и византийским стилями. Нам кажется очевидным, что в этой области не следует искать по-настоящему автохтонных произведений. Мы все чаще возвращаемся к утверждению, что только в литературных произведениях или чисто лингвистических материалах (особенно в скальдической поэзии!) Исландия наиболее ярко сумела проявить свой талант. Возможно, мнение это сочтут спорным. Вероятно, прекрасные жилища видных бондов, особенно склонных к роскоши и хвастовству (как у Олафа, прозванного «павлином», являющегося одним из главных персонажей *Saги о людях из Лососьей Долины*), были отлично декорированы и украшены гордо выставленными на всеобщее обозрение расписными деревянными резными панелями, гобеленами, резной мебелью. Это производило такое сильное впечатление, что известный скальд Ульф Уггассон описал *skáli* Олафа в очень красивой поэме, озаглавленной *Húsdrápa* (напомним, что *dráпой* называлась хвалебная песнь, пропетая в данном случае дому).

Украшенный рог викингов

Как мы не раз уже говорили на этих страницах, обитая посреди суровой природы, исландцы любили не только развлечения на открытом воздухе, но и различные виды интеллектуальных игр.

Игры и «спорт»

Совершенно естественно, что это маскулинизированное общество любило физические развлечения. Достаточно перечитать «Эдду» Снорри: когда бог Тор посетил загадочного гиганта Утгарда-Локи, ему предложили показать свою силу в физических испытаниях — беге, борьбе и... в искусстве пить без меры. Давайте оставим в покое аллегорический аспект этого отрывка и обратим внимание на то, что в нем показаны превосходные примеры испытаний физической силы. В конечном счете в сагах, где изображены «чемпионы», почитавшиеся за их физические подвиги — *Saga о Глуме Убийцеили* в большей степени в *Saga о Греттире* — этаком местном Геркулесе, не говоря уже о *Saga о Гисли, сыне Кислого*, — везде заметно почтение, с которым исландцы относились к физическим упражнениям.

Эти игры — назовем их так — не были совсем уж грубыми: необходимо было соблюдать набор правил, иногда довольно сложный. Это входило в концепцию «великого человека», выработанную для себя этим сообществом, любящим равновесие: мы уже говорили, что оно с позором отвергало *garþr* — хвастунов. Возвращаясь к Греттиру Сильному — его уважали не только за его физические данные, но и за ум, за способность сочинять скальдические строфы, и главным образом за его магические способности и дар общаться со сверхъестественными существами: впрочем, именно магия его и погубила.

В современной Исландии до сих пор существует национальная борьба, или *glíma*. Оба противника надевают ремни на бедра, поясницу и руки. Хвататься можно именно за эти ремни, стараясь повалить противника на землю. Допускались также различные захваты, которые были должным образом систематизированы. Ясно выделяется практика поединка, или *hólmanga* (смысл этого слова: «уступи остров», *hólmr*). Мы уже говорили в главе о юриспруденции, что такая дуэль могла иметь также юридическое осмысление — она представляла собой средство завершить затянувшийся спор между двумя противоборствующими сторонами. Поединками дело решалось достаточно часто; они также могли иметь юридическое и религиозное значение (как был вариант ордалии): на земле растягивали скользкую бычью шкуру, противники вставали на нее, не выходя за границы обозначенной таким образом площадки, и схватывались между собой; цель поединка состояла в том, чтобы опрокинуть противника на землю. Естественно, были допустимы любые удары. За ходом поединка следили судьи.

Плавание, весьма почитаемое занятие на Севере в Средние века, также не соответствовало нашим современным представлениям об этом виде спорта. Без сомнения, требовалась хорошая выучка, чтобы плавать в этой стране, где вода очень холодная. Греттир, о котором мы только что упоминали, приобрел огромную известность тем, что был способен проплыть большое расстояние между западным берегом Исландии и островом Дрангей. Существовал также особый вид поединка: двое мужчин одновременно погружались в воду и пытались продержаться там как можно дольше. Это был очень популярный вид спорта: если верить Снорри Стурлусону, знаменитый норвежский король Олаф Трюггвассон показывал в нем поразительные результаты.

Knattleikr, или игра с битой и мячом, представляла собой нечто среднее между американским бейсболом и английским крикетом. Популярность этого спорта была необычайно велика. Каждый игрок имел по бите, или *knattré*, которой он ударял по кожаному мячу, набитому конским волосом, который затем старались поймать на лету и послать за отмеченную на земле границу. Эта игра была довольно жестокой и грубой и, как мы подозреваем, нередко перерастала в обычную драку. Существовал вариант, который напоминает нашу игру в «четыре угла»: в нее играли вчетвером, и каждый старался вытеснить противника из его «угла». Разумеется, в эту игру можно было играть и на льду, ведь коньки уже тогда были обычным делом.

О беговых играх в текстах сообщается очень мало. Однако они существовали, и в них играли на «тропинках», прочерчиваемых перед игрой. Цель игры состояла в том, чтобы пробежать «тропинку» из конца в конец, иногда несколько раз подряд, обогнав всех своих соперников. В эту же игру играли на коньках на льду. Естественно, что, как и весь Север, Исландия знала лыжи. Однако соревнования по бегу на лыжах в текстах не упоминаются.

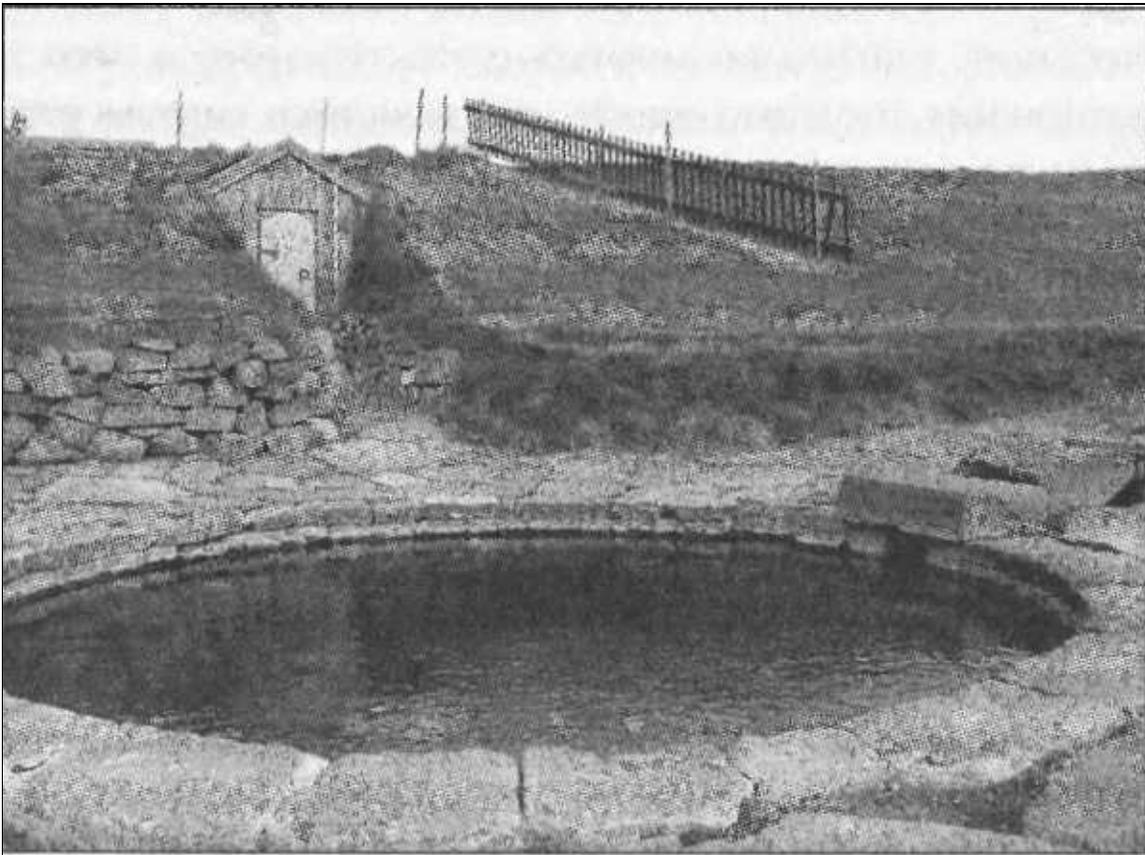
Так же, как в любой стране того времени, в Исландии практиковались поединки с оружием, хотя в текстах о них упоминается довольно редко. В нескольких сагах рассказывается о поединках на мечах, а порой даже на особенно грозном оружии — топорах и даже секирах с широким лезвием (*breiðøx*). Такое оружие обычно применялось и в бесчисленных сражениях, о которых повествуется в сагах. Однако в Исландии не было рыцарских турниров, принятых в континентальной Европе, и довольно удивительно то обстоятельство, что стрельба из лука, с которым отлично управлялись везде на севере, не нашла в Исландии широкого распространения, хотя древние викинги были прекрасными лучниками. Для того чтобы найти пример стрельбы из лука, придется обратиться к текстам легендарных саг, где действие происходит не в Исландии, а в континентальной Скандинавии. Возможно, что этот факт вызван отсутствием на этом северном острове необходимой древесины.

Конные бои — *hestádt*, *hestavígi* или *hestapiing* (*hestr* — лошадь), пользовались на острове невероятной популярностью. В них участвовали маленькие лошадки, специально подготовленные для боя (эта порода существует до сих пор — ее представители не пони, но намного мельче континентальных лошадей). В этом поединке одна лошадь кусала другую и вставала на дыбы, пытаясь повалить соперника на землю или заставить его убежать. Коней дубинками подгоняли хозяева. Этот жестокий спорт часто перерастал в драку, поскольку удары дубинки нередко попадали вместо животного по противнику, однако это развлечение (с ним связаны многие эпизоды саг) всегда вызывало большое скопление народа. Владельцы боевых лошадей относились к своим животным, как мы к своим автомобилям. Они очень заботились о селекции, дрессировке и выработке у них соответствующих навыков. Существовали также лошадиные бега (*hestskeið*). В любом случае конь являлся предметом особых забот. Некоторые кони настолько высоко ценились, что владельцы посвящали их какому-либо богу (например, Фрейру в *Саге о Храфнкеле, годи Фрейра*) и без колебаний могли убить любого, кто без разрешения сядет на них верхом.

Видом спорта можно считать и сбор дягиля, растения, известного своими лекарственными свойствами, который, если верить *Саге о верных братьях*, происходил в поистине акробатических условиях, так же как и сбор яиц морских птиц. Для этого обвязывались веревкой и спускались с обрыва, стараясь дотянуться до растений или до гнезд. Понятно, что это было особенно опасный вид спорта.

С учетом природных условий Исландии, обладающей естественными горячими источниками, любимым развлечением была баня (*laug*, мн. ч. *laugar*). Бассейны этих источников или бань были самых разных размеров, как это можно увидеть и сегодня. Купались там, естественно, голышом; никакой излишней стыдливости в этих краях не существовало. Терапевтическая ценность бань являлась общеизвестной, однако во многих сагах говорится, что в купальнях, помимо этого, предавались самым разным развлечениям; баня служила местом встреч и бесед. *Snorralaus*, или баня, которую устроил Снорри Стурлусон около своего жилища и в которую можно было попасть во время плохой погоды по крытому переходу, пользовалась особой любовью. Она существует до сих пор.

Домашние развлечения пользовались большой любовью исландцев, особенно в течение длинных зимних вечеров, когда собравшиеся у очага члены одной семьи беседовали между собой, слушали рассказы или читали поэмы или саги. В *Saga o Торгиле и Хафлиди*, входящей в состав компиляции *Sturlunga Saga*, рассказывается, например, о знаменитой свадьбе, произошедшей в Рейкьяхolare в 1119 году: во время пира множество поэтов декламировали свои поэмы, а в конце различные люди вставали, чтобы прочесть саги (которые в большинстве относились к категории легендарных саг, причем некоторые из этих саг дошли до наших дней). Но и обычными вечерами, не прекращая ткать на своих знаменитых вертикальных станках, исландцы предавались разговорам и развлечениям. В частности, популярны были рассказы о заморских путешествиях, поскольку для исландца отправиться за пределы острова было все равно что попасть в другой мир. Засиживаться дома надолго считалось дурным тоном. Одно и то же слово, *heimskr* (от *heimr*, «очаг») обозначает наши понятия «домосед» и «идиот». То же значение у слова *kolbítr* (буквально: «кусающий угли», то есть все время сидящий возле очага), при этом такой человек нередко попадает в легенды; однако, если он и служит предметом насмешек за эту привычку в молодости, нередко случается так, что в нужный момент он проявляет себя героем, когда подворачивается случай выйти из апатии и продемонстрировать свои достоинства.

Баня Снорри Стурлусона. Бассейн с горячим источником

В свободное время также были очень распространены словесные поединки. Исландцы очень любили задавать друг другу загадки, о чем сообщается в некоторых эддических текстах (*Речах Вафтруднира* или в «Эдде» Снорри, а *Видение Гюльвицеликом* посвящено им): речь шла о том, чтобы бросить вызов знаниям своего собеседника, задавая ему вопросы, в частности религиозного характера. Описание игры в загадки мы находим в легендарной *Саге о Хервар и Хейдреке Конунге*, где содержатся *Загадки Гесшумблинди*, причем в игре участвует сам Один. В этом интеллектуальном мире, где, напомним, знание, умение, «наука» ценились наиболее высоко, все могло стать предметом вызова. В часто цитированной здесь песне *Речи Высокого* нет более позорного определения, чем «тот, кто ничего не знает». Словом, исландцы охотно состязались в знании древних текстов, пословиц и поговорок (*Герой Саги о Греттире*, в частности, в определенный момент говорит только пословицами) — короче говоря, в любой форме знания.

Отдельно надо рассказать об особенно популярном развлечении, называвшемся *mannjafnaðr* (буквально: сравнение персонажей). Собравшиеся разделялись на две команды, и каждая команда выбирала своего «лидера» — героя саги, бога и т. д. Затем они по очереди защищали любимого героя, раскрывая те его достоинства, которые, по их мнению, определяли его превосходство. Учитывая несдержанный нрав исландцев и их стремление не допустить над собой чьего бы то ни было превосходства, эти словесные поединки нередко заканчивались весьма бурно, поскольку никто не хотел признаваться в своей ошибке. Состязание в *mannjafnaðr* происходило, в частности, во время свадьбы в Рейкьяхolare, о которой упоминалось выше. Однако наиболее известен норвежский пример этого состязания. Это соревнование, согласно Снорри Стурлусону, который с удовольствием описывает эту сцену в *Круге земном*, устроили между собой король Сигурд Йорсальфар и его брат Эйстейнн. Разновидность подобного состязания определялась выбором *futtrúi*, каковой термин мы уже определяли по другому поводу. Им мог стать предмет, животное, персонаж или бог, достоинство которого всячески

расхваливали.

Отдельно следует остановиться на развлечениях сатирического плана, которые исландцы особенно любили. Их словарь был удивительно богат понятиями, позволяющими выражать насмешку, сатиру и т. д. Подобное развлечение состояло в том, чтобы изображать человека мимикой, высмеивая его, стараясь испортить его репутацию. Сохранились обидные строфы, сочиненные в адрес представителей соперничающих кланов, в которых таковых сравнивали с кобылой и с различными частями тела этого животного, сопровождая это весьма сомнительными намеками! Таким развлечениям предавались в ходе длительных попоек, обыкновенных на Севере в то время. При этом человек, умевший пить, пользовался особым уважением. Пиво (*öl*) или мед (*mjöðr*) развязывали языки обыкновенно молчаливых исландцев, и все присутствующие начинали подшучивать друг над другом.

Следует упомянуть еще одно развлечение. С конца XII века в Исландии было распространено исполнение баллад, в датском языке называвшихся *folkeviser* (что можно перевести как народная баллада). По-исландски такие простые и ритмичные баллады назывались *dans* (мн. ч. *dansar*). Исполнители выстраивались в замкнутую цепочку, образуя хоровод, который медленно начинал кружиться, притопывая в такт песне и двигаясь вслед за ведущим, который пел припев, в то время как хоровод пел основные куплеты. Тексты носили повествовательный характер, а в их качестве часто использовались эддические поэмы и саги. «Припев» же, что любопытно, был совсем иной природы и выражал совсем иные чувства, чем текст куплетов. Очевидно, что подобные развлечения могли проходить главным образом вне дома, но не исключено, что подобным образом могли развлекаться и в *skáli*. Из содержания древних текстов следует, что эти *dansar* были в основном сатирического характера. Например, в *Саге об исландцах* Стурлы Тордарсона целый клан с удовольствием предавался этому занятию, высмеивая некоего Лофта: «И люди Брейктаболстада вышучивали Лофта, распевая в его адрес различные *dansari* отпуская насмешки». Стоит ли добавлять, что результатом подобных развлечений нередко становились кровавые ссоры! Намеки могли также носить грубый и позорящий характер. Если верить сагам, это развлечение считалось особенно любимым — в среде древних исландцев смех очень редко, если не сказать никогда, бывал добродушным.

Но возвратимся в *sháli*: исландцы знали и использовали также различные настольные игры — тавлеи (*tafl*, слово восходит к латинскому *tabula*; существовал также термин *hneftafl*, или *hnefatafl*). К ним, разумеется, относились шахматы (*skáktafl*), которые были хорошо известны на Севере с самого начала X века, о чем сохранились надежные свидетельства. Игра эта, вероятно, попала туда с Ближнего Востока. Существовали различные ее варианты: например, фигуры по шахматной доске перемещались на основании броска игральных костей, задача пешек состояла в том, чтобы окружить «короля». Археологи обнаружили также игры, похожие на нашу современную игру в «волка и ягнят». Была известна и игра вроде трик-трака, по-видимому, привезенная из Франции, ее исландское название — *kvátra* — вероятно, возникло от французского *quatre* — четыре. Наконец, очень популярна была игра в кости (*hlútfall*, где слово *hlútr* аналогично нашему понятию «партия»). О ее популярности свидетельствуют саги о епископах или саги о современниках. Эти игры были совсем не безобидны, ведь вера во всемогущество судьбы (случая, если угодно) принадлежала к числу наиболее глубоких внутренних убеждений северян, так как еще Тацит, писавший о Германии, упоминает жеребьевку.

Ну а итог этой теме следует подвести с помощью неисландского источника. Около 1150 года правивший на Оркнейских островах знаменитый ярл Рогнвальд, также являвшийся известным скальдом, составил ставшую знаменитой вису:

Я знаю девять искусств:
Я мастерски играю в шахматы;
Я редко ошибаюсь в чтении рун;
Я умею хорошо читать, резать по железу и дереву;
Я отлично хожу на лыжах,
Я хорошо владею луком, и хорошо гребу;
И я умею подчинять свой разум:
Сочинению лэ и игре на арфе.

В этих строках ясно проступает то, что вызывает у нас такое восхищение, — комплексный, открытый и гармоничный характер исландской культуры. Следует лишь заметить, подтверждая уже неоднократно сказанное, что чисто физические развлечения (гребля, катание на лыжах, стрельба из лука) не являлись основными забавами ярла.

В целом совершенно ясно, что исландцы не скучали долгими зимними вечерами. Не отрываясь от ткацкого станка с полотном вадмели, мужчины и женщины (которые еще и вышивали, натягивая ткань на небольшие деревянные рамки) предавались самым разным развлечениям. Они разговаривали, танцевали, пили хорошее пиво, проверяли сообразительность друг друга, рассказывали о подвигах предков, во всех подробностях описывая их приключения. Разговоры при этом порой бывали довольно вольными, так что церковь впоследствии запретила сочинять *mansöngsvísur*, то есть любовные строфы, посвященные женщинам. Мы уже говорили, что особенность саг как раз и состоит в этой удивительной смеси героических эпизодов и деталей самой обычной повседневной жизни, — подобных примеров в западном Средневековье довольно мало.

Для того чтобы подробно рассказать о повседневной жизни исландцев в Средние века, понадобилось бы написать увесистый том. Поэтому мы хотели бы просто привлечь внимание читателя к нескольким наиболее необычным ее моментам. Важно не забывать, что Исландия была «дочерью» средневековых скандинавских народов, и все наши описания в общих чертах соответствуют и быту Норвегии, Дании или Швеции между 1000 и 1400 годами, а особые, отличительные черты образа жизни населения страны определяются своеобразными условиями климата, природы и национальным характером.

Повседневные дела, прием пищи

Как все крестьяне, исландец вставал рано — чаще всего вместе с солнцем, за исключением середины лета, когда ночь в Исландии является понятием почти не наблюдаемым. Далее он отправлялся в хлев и на конюшню к домашним животными, а затем возвращался завтракать. Ели исландцы всего два раза в день: утром (*dagverðr*) они плотно затракали, а обедали (*náttverðr*) примерно в 18 часов вечера. Подобный обычай сохранился во всех германских странах. Основой питания были молочные продукты (особенно *sýra*, молочная сыворотка, которая использовалась как напиток, и *skýr*, крайне жирный творог) и рыба; мясо ели редко. Основным блюдом являлись каши и крупы. Мясо было предназначено только для важных okazji, праздников или пиров: в еду главным образом шла баранина, так как мясо крупного рогатого скота было редко и дорого. Как правило, мясо варили в воде, а затем в случае необходимости жарили на открытом огне: археологами обнаружены многочисленные железные вертела, котлы, грили в виде спирали и т. д.

Утро обычно было занято различными работами по дому — у хозяина всегда хватало дел: необходимо было исправлять загородки, изготавливать сельскохозяйственные инструменты, сани, лыжи. Если подобной нужды не было, можно было пойти порыбачить в близлежащей реке или на озере, или вместе с несколькими родственниками или товарищами выйти на ловлю в открытое море. Много хлопот было и со скотиной: требовалось следить за здоровьем животных, клеймить их, стричь в специально предназначенных для этого загонках и т. д. Как мы уже говорили, бонд был мастером на все руки, он умел искусно обрабатывать дерево, металл, кожу, кость, делая из них необходимые инструменты, совсем не обязательно являвшиеся произведениями искусства.

Если возникала необходимость навестить соседа или кого-то из родственников, исландец запрягал свою приземистую лошадку (скорее, похожую на пони), каковая порода сохранилась в Исландии и доньше. Она отличалась мягкостью шага, оригинальностью хода, называемого *tölt* (разновидность рыси), и удивительной устойчивостью: это было единственное животное, которое без труда могло двигаться по лавовым, поросшим травой полям, на которых так легко подвернуть ногу. К тому же лошади этой породы обладали превосходным характером и в целом были достойны того огромного уважения, с которым к ним относились древние исландцы. Специалисты пока пребывают в недоумении относительно того, откуда была заимствована эта порода — с севера Норвегии или с англосаксонских территорий, но в любом случае этот конек замечательно акклиматизировался в Исландии, а волосы его длинной гривы и хвоста отлично подходили для изготовления гобеленов, ковров и даже одежды. Лошади эти и в самом деле являются достоянием исландцев, которые относятся к ним с тем нежным вниманием, которое

мы порой проявляем к нашим автомобилям. Конь нередко становился предметом бурных, порой даже кровавых раздоров; он работал, а после соответствующей выучки умел развлекать толпу — о чем уже говорили в главе, посвященной досугу.

Маленькая исландская лошадь

Продолжительность рабочего — и светового! — дня менялась в соответствии со временем года, и надо помнить, что этот ритм не соответствует тому, к чему привыкли народы юга. Ненастыя могли иметь довольно затяжной характер, так что уход за дорогами и их содержание вплоть до начала XIX века во всей Скандинавии являлись главной задачей, которую ставила перед человеком природа. Дороги приходилось мостить камнем — что представляет собой довольно трудную задачу в стране с вулканической почвой, однако нельзя было позволять дорогам раскисать. В древности владельцы земельных участков были очень озабочены состоянием проходивших через их территорию дорог: весной они пытались осушать их после таяния снегов, зимой занимались уборкой снега, боролись с обледенением отдельных участков, старались избегать образования сугробов, сооружали из камней дорожные вехи, указывавшие дорогу путникам, заблудившимся в тумане, и так далее. Кроме того, постоянно приходилось заботиться о постройках — с одной стороны, потому что они делались из очень ненадежных материалов (дерн, легкие балки, очень мало камней), а с другой стороны, потому что вторым врагом исландца после воды был ветер, резкие порывы которого были способны в одночасье разрушить все то, что человек долгое время и с большим трудом создавал.

Хотя уход за коровами, видимо, был скорее уделом женщин, не исключено, что мужчины также занимались этим. Пока неясно, знали ли в Исландии об унавоживании почвы с целью ее удобрения: по крайней мере на основании *Саги о Ньяле Сгоревшем*, написанной около тысячного года, можно предположить, что практика эта считалась там нововведением! В конечном итоге можно сказать, что сельскохозяйственные приемы в Исландии ничем не отличались от принятых в Скандинавии и континентальной Европе, учитывая, как уже говорилось, что почвы Исландии не слишком годились под обычные продовольственные культуры наших широт. Например, в средневековой Исландии, по-видимому, не существовало огородов, так что монахам-переводчикам порой приходилось прилагать немалые усилия, чтобы

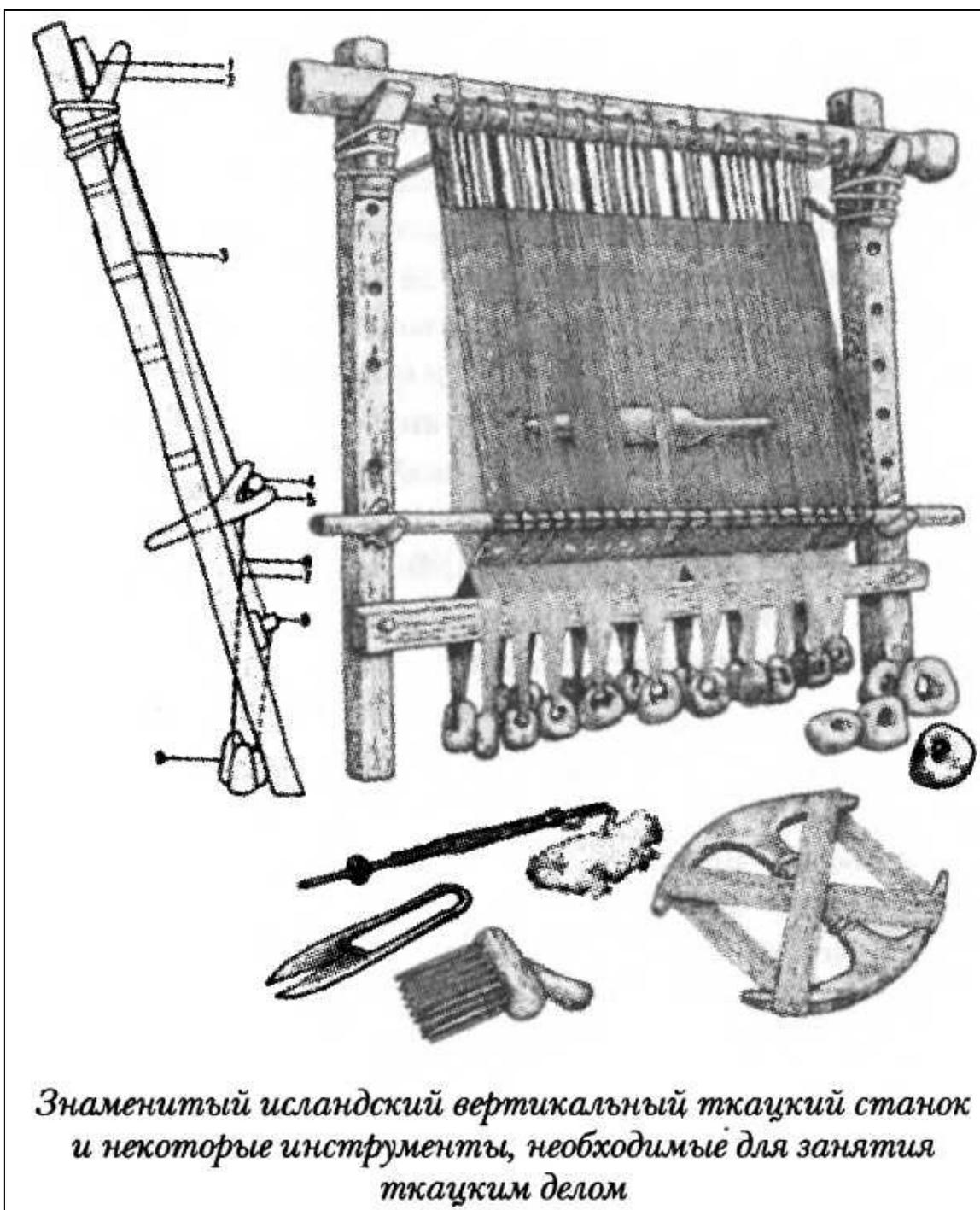
правильно передать содержание французских, немецких или англосаксонских текстов, переводимых на исландский язык, и разъяснить своим соотечественникам смысл всевозможных деталей, которые ничего не говорили исландцу XII–XIII веков.

Вечер наступал или очень рано (между октябрем и мартом) или очень поздно (между маем и концом августа), так что не следует сравнивать привычки людей, живущих на этих широтах, с нашими! Обычный ужин исландца, *náttverðr*, состоял из густого отвара на основе мяса или рыбы, и овощей (в основном репы, но использовались и бобы; добавим также, что в меню обычно фигурировали сушеные водоросли). Все это загущали грубой мукой и ели, сдабривая пряностями или чем-то вроде соуса, на манер кетчупа. Следует уточнить, что гастрономические изыски не были приняты в кухне древних скандинавов, равно как и исландцев, и это остается верным и в наши дни!

Летом, когда сельскохозяйственных работ было много, а также осенью, когда велись такие важные работы, как сбор урожая, стрижка овец и, наконец, забой скота и обработка полученного мяса, труд занимал большую часть времени. Вечер был длинным. Помимо работы, исландцы занимались различными видами развлечений на открытом воздухе, о которых мы уже говорили (см. Игры дома и развлечения, глава 8). Вопреки тому, что можно было бы подумать, это не было общество одиночек, напротив: эти люди не упускали ни одного случая, чтобы повстречаться, собраться ради деятельности, не связанной с политикой, — как, например, тинг, и без колебаний садились на коня, чтобы отправиться на значительное расстояние ради того, чтобы повидаться с родственниками, друзьями, соседями. Если лаконизм, то есть забота о продуманности каждого слова («языком плетется веревка, на которой тебя повесят», — гласит исландская поговорка), был типичным качеством героя исландской саги, то из этого отнюдь не следует, что эти мужчины и женщины были молчаливыми, напротив! Они вели долгие разговоры на самые разные темы, особенно обстоятельно обсуждая далекие поездки (поскольку почти все исландцы были заядлыми путешественниками), а также все интересные или необычные факты. В летописях сохранилось упоминание об одном особенно бурном тинге, участники которого забыли про все раздоры, узнав о возвращении в страну епископа «из заморского путешествия», поскольку все хотели услышать подробный рассказ о его поездке! Стоит ли напоминать, что в Исландии и сегодня не спрашивают: «Как дела?». В исландском языке этому выражению соответствует *Hvað er at fréttaf*— «Какие новости?»

◆ Зимние ночи

Зимой, без сомнения, жизнь исландца кардинально менялась. «День» становился очень коротким, а «ночь» — очень длинной. И люди занимались любыми делами, которые могли сопровождаться разговорами: ремонтом снастей, учеными занятиями, а также делом жизни любого исландца, вне зависимости от пола: ткачеством на знаменитом вертикальном ткацком станке, на котором изготавливали вадмель, о которой уже многократно говорилось на этих страницах. С ткачеством было связано много профессий. Археология сохранила многие из них; это занятие даже упоминается в одной из поэм, *Darraðarljóð*, процитированной в *Саге о Ньяле Сгоревшем*. Там герой встречает зловещих женщин (возможно, валькирий), которые собираются ткать на подобном станке ужасную ткань из человеческих волос, при этом роль грузил играют человеческие черепа, челнок сделан из кости, трамбовка из другой кости и т. д.

Традиционный исландский ткацкий станок не позволял выполнять изыски, возможные на привычном нам горизонтальном ткацком станке, но с его помощью получалась великолепная и теплая шерстяная вадмель.

Остаток долгого трудового дня был посвящен деятельности, которую можно назвать «интеллектуальной»: составлению и декламации всевозможных поэм, чтению наизусть саг или подобных им текстов — таких, как *poettir*, или «пряди», являвшиеся миниатюрной разновидностью саг, а также играм в загадки и другие короткие игры. Говоря о необычайной плодovitости исландской культуры между XI и XIV веками, не стоит сомневаться, что эти длинные, темные зимние дни весьма способствовали зарождению и появлению на свет огромного количества литературных произведений, которыми мы сегодня восхищаемся. У исландцев были также и другие занятия — такие, например, как пение и музыка, однако, к несчастью, от этого наследия не сохранилось почти ничего, что позволило бы нам составить свое мнение о музыкальной культуре островитян.

Из того, что мы знаем про обычный день исландца, складывается впечатление, что жизнь островитян была довольно размеренной, а основные виды деятельности — от самых простых до

наиболее сложных с интеллектуальной точки зрения — распределенными между членами семьи. К этому следует добавить, что одни и те же литературные произведения могли обращаться как к самым низменным вопросам (например, отправление естественных надобностей в *Sage o Snorri годи*), так и к сложнейшим, трудноразрешимым научным проблемами (таким, как филологические построения анонимного автора *Первого грамматического трактата*, обогнавшего свое время приблизительно на восемь веков).

Женщина и ребенок

Мы уже говорили о важной роли хозяйки дома, но не стоит упускать возможность еще раз сказать несколько слов о женщине и ее положении, особенно в нашу эпоху торжествующего феминизма, добившегося права гражданства и в скандинавских землях. Однако не следует переносить современные реалии на глубокую древность.

Средневековая Исландия была тем, что социологи называют аграрной культурой. Определяемое этим термином видение человека и общества являлось решительно маскулинным, и основание для этого было совершенно естественным, основанным на физической силе: владение двуручным мечом и управление парусным судном — работа не для слабых женских рук. С другой стороны, трудовые обязанности в таком обществе были четко разграничены. Мужчина — рыболов или викинг, охотник или торговец, отправлялся в поход, нередко на несколько месяцев (например, на теплое время года, то есть с мая по сентябрь), передавая руководство фермой жене. Конечно, она имела слуг, «рабов», одного или несколько помощников или взрослых детей, способных исполнять важные работы, но тем не менее именно она оставалась ответственной за бесперебойный ход работ. При этом она сама принимала участие в ежедневных работах или по крайней мере руководила ими. Тем самым формировалось и ее телосложение, которого не было у женщин запада или юга Европы.

Кроме того, за века выработалось нечто вроде разумного компромисса, согласно которому у каждого, и у мужа и у жены, имелась своя особая область деятельности. Даже сегодня человек, вошедший в традиционный скандинавский дом, не может не заметить деревянную планку, закрепленную на полу под входной дверью. Он ошибочно может подумать, что она служит исключительно как преграда для проникновения сквозняков: но это отзвук древних обычаев. Эта планка на древненорвежском называлась *stokki* и имела юридическое и сакральное значение — если это в данном случае не одно и то же. Каждый, кто переступал через нее, тем самым оказывался внутри «дома» в юридическом смысле и проникал за священную ограду — *hýbýli*, что соответствует нашему понятию «жилища». В результате убийство, например, совершенное тем, кто переступал эту планку, считалось более серьезным преступлением, чем преступление, совершенное с внешней стороны, так как тем самым наносился урон священной составляющей жилища. Но у этой планки была и другая, юридическая ценность: она ограничивала территорию, внутри которой безраздельно царила хозяйка дома (*húsfreyja*). *Húsfreyja* становилась полноправной владительницей *innan stokks* (или *innan húss*, так как термин *hús* применяется к любому зданию, включенному в состав фермы), едва переступив планку у порога дома. Мужчина отвечал за все то, что оказывалось и происходило *útan stokks* — вне этой планки. Таким образом, разделялись сферы влияния обоих полов, оставляя каждому полную свободу в исполнении своих прерогатив.

Старинная исландская ферма Лауфас близ города Акюрейфи

В средневековом скандинавском обществе женщина пользовалась очевидным уважением, что проявлялось не только в исключительно материальном аспекте. В некотором смысле именно женщина обеспечивала передачу из поколения в поколение обычаев и образа жизни. Более того: именно она в первую очередь должна была обучать или по крайней мере воспитывать многочисленных детей, которые рождались у нее и у других сожительниц хозяина дома. В этом смысле она была хранительницей семейных ценностей и традиций — как традиций ее собственного клана, так и клана ее мужа, и именно она должна была передать их своим потомкам; существует предположение — соблазнительное, но не подтвержденное источниками — что именно женщина рассказывала саги или декламировала генеалогические поэмы. Иначе говоря, она была хранительницей великих традиций, без которых не было бы семьи. В результате она становилась воплощением чести своего клана, и во многих сценах саг именно женщина напоминает мужчинам своей семьи об их долге перед кланом, если они слишком долго медлят с осуществлением необходимой мести, которая только и может смыть нанесенное оскорбление. Это, возможно, объясняет, почему женщина чаще, чем мужчина, оказывалась колдуньей или волшебницей: ведь тайное знание исходило из традиций, носительницей и хранительницей которых она была. При любом положении дел очевидно, что женщина пользовалась значительными возможностями и уважением, чего не было во многих других средневековых обществах.

Оставаясь в пределах исландского дома, добавим еще пару слов о ребенке и его воспитании, поскольку на эту тему нам известно немного. Следует просто отметить, что взрослым ребенок считался сначала в возрасте двенадцати, а затем четырнадцати лет. Похоже, что ребенок являлся предметом активной воспитательной работы, так как считалось, что он способен сам позаботиться о своем выживании уже в довольно раннем возрасте. Например, очень показателен тот факт, что в текстах саг слово *madr*; обозначающее взрослого человека, встречается много чаще слова «ребенок» (*barn*). Нам не известно, кто учил детей тому, что не могла преподать ему его мать. Существовали ли «учителя», жили ли они постоянно на ферме, включавшей большое число зданий и вмещавшей довольно много народа, либо они были

странствующими, как это было принято в течение многих последующих веков? Каким образом и чему учили детей, существовали ли особые обряды инициации для подростков — мальчиков или девочек? Мы этого не знаем — дети практически не упоминаются в сагах, за редким исключением — таким, например, как *Сага об Эгиле, сыне Грима Лысого*. Кроме того, в *Саге о Глуме Убийце* имеется описание того, как двое мальчишек играют на полу в *skali*, — обычная бытовая сцена.

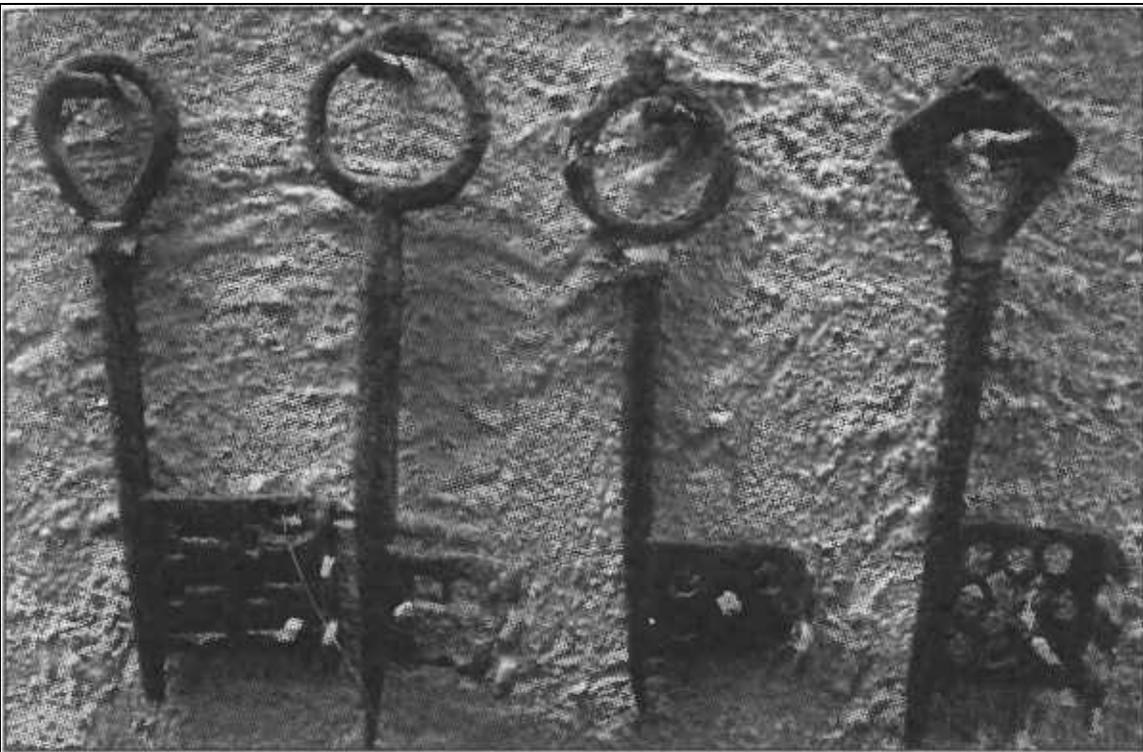
Сексуальность

Существует невесть откуда возникшее мнение, которое выразил один английский автор следующими словами: любовные переживания волновали исландцев в самую последнюю очередь.

Мы уже имели возможность близко познакомиться со взглядами средневековых исландцев на человека, жизнь и весь мир (см. Саги, глава 6). Бесспорно, саги являются удивительно целомудренными текстами, порой они даже кажутся преувеличенно добродетельными. Этому имеются различные объяснения, которые не противоречат друг другу. Одно из них состоит в том, что вопросы чувств, страсти и секса не являются предметом права или закона, которые имели высшую ценность в глазах исландца. Согласно природе вещей — то есть Природе с большой буквы — отношения между мужчиной и женщиной должны существовать и происходить всем известным образом. С другой стороны, суровые реалисты, которыми были исландцы, отлично знали, что влюбленность и некоторый эротизм, который мы зовем здоровым, являются частью нашей жизни. Однако во всей обширной компиляции Саги о Стурлунгах можно найти только две цитаты, имеющие более или менее эротическую окраску, что решительно не похоже на южные — галльские или латинские — представления. С другой стороны, ясно, что дух континентальной Европы того времени должен был казаться абсурдным нормальному исландцу: так и видишь те усилия, которые пришлось приложить в 1226 году переводчику романа о Тристане и Изольде, истинному норвежцу, чтобы заставить читателя поверить, что люди действительно могли умереть от любви!

◆ Сожительство

Исландское общество и его законодательство допускали сожительство, не приводившее к серьезным последствиям. Официальная супруга имела ряд отличительных признаков: она носила на поясе ключи от сундуков, где лежали наиболее ценные предметы утвари, а ее волосы в знак статуса были заколоты пучком. Только она могла по праву пользоваться юридическими и материальными правами, сопутствующими ее положению. Сожительнице или сожительницам требовалось, чтобы «друг» официально признал их, — что происходило очень редко по вполне естественной причине. Предоставление им подобных прав нарушало внутриклановое равновесие, что было довольно опасно, поскольку официальные наследники крайне редко соглашались признать эту связь и детей, которые могли родиться от этих параллельных союзов, и могли претендовать на доступ к имуществу в случае, если они были узаконены должным образом и официально признаны их отцом. В текстах законов четко разграничиваются *skilgetinn* — законные дети, и *óskilgetinni* или *laungetinn* — дети побочные или «зачатые тайно».

Ключи от домашних сундуков. Их носили на поясе только законные жены исландцев

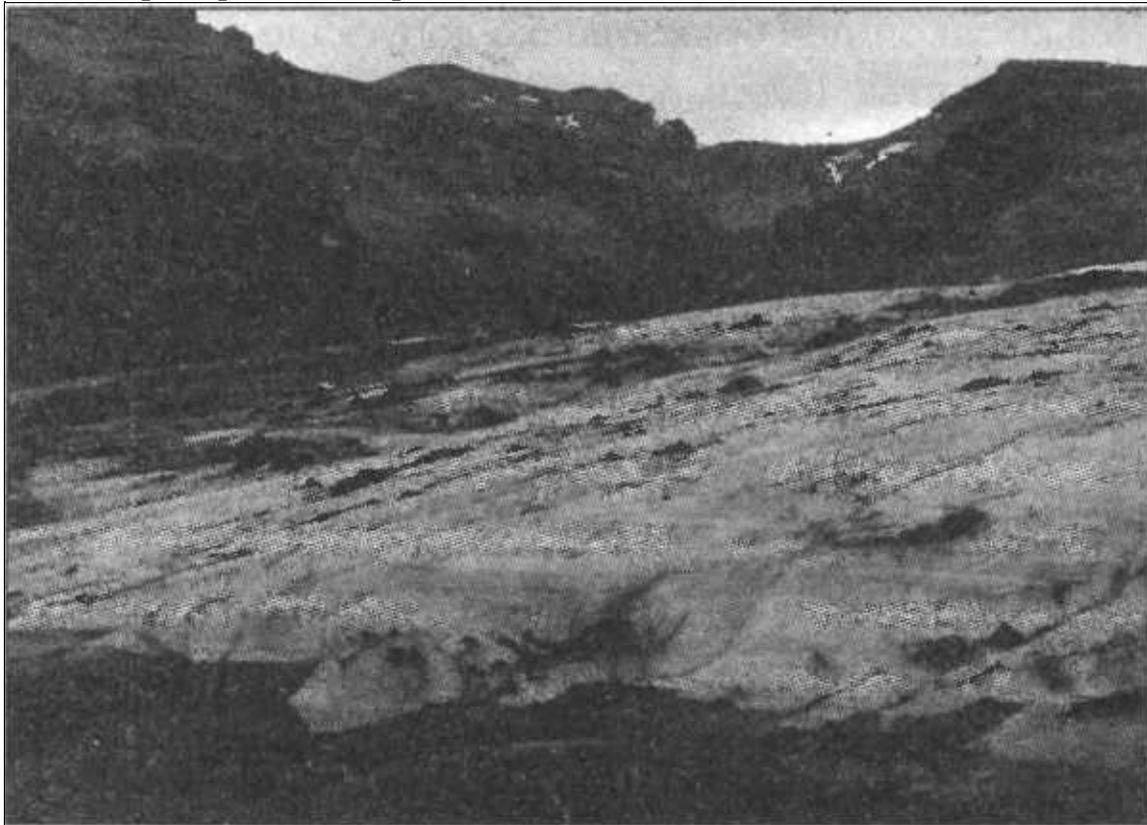
Исландское общество официально признавало только законный брак, однако допускало и институт сожительства (один мужчина, помимо жены, мог иметь и одну или несколько сожительниц). Очевидным образом возникали и совершенно абсурдные ситуации, становившиеся, впрочем, предметом особых саг, «саг о скальдах» (*Сага о Гуннлауге*, *Змеином языке* или *Сага о Хальфреде Трудном скальде*); необходимо также отметить, что любовники (мужчины-скальды) старались не выражать своих чувств открыто: они выражали их в скальдической форме, крайне изощренной и завуалированной (см. Скальдическая поэзия, глава 6), — кто хочет, тот поймет!

Мы говорим о правилах внешней благопристойности только для того, чтобы отдать должное точке зрения, которая могла бы показаться странной для человека, хорошо знакомого со средневековой западной литературой. Следовало бы также напомнить — это весьма важно — что насилие над женщиной и сексуальные извращения, в особенности гомосексуализм, были радикально запрещены исландским законодательством. Для мужчины не существовало более серьезного оскорбления, чем словечко *argr* (или, метатеза, *ragr*), означающее пассивного гомосексуалиста. Человек, застигнутый на месте преступления — изнасилования или гомосексуального акта, — более не охранялся законом и, по сути дела, переставал быть человеком. Его могли безнаказанно преследовать, убить, сжечь и т. д. Подобный проступок полностью выводил его за пределы мира людей!

Жилище и обстановка

Площадь Исландии составляет несколько сотен тысяч квадратных километров, то есть четверть нынешней Франции, но значительная часть этой территории непригодна для жизни: ледники (слово *йюкуль* (*jökull*) обозначает не собственно ледник, но смесь лавы, грязи и камней, то есть явление, которое совершенно незнакомо Европе), лавовые поля, иногда достигающие впечатляющих размеров. Типичным исландским пейзажем являются старые

лавовые поля, занимающие холмы и долины и покрытые травой (это в исландском языке называется *hraun*), — нагромождение совершенно безжизненных камней, часто образующих крутые утесы, и т. д. Для проживания здесь пригодны только побережье и несколько речных долин. В результате поселения островитян довольно плотно сгруппированы. Тип маленького изолированного дома-хутора здесь практически не известен. Другой важной особенностью этой страны, о которой мы уже говорили, является ее климат — постоянные дожди, туман, снег и главным образом ветер, нередко совершенно безжалостный.

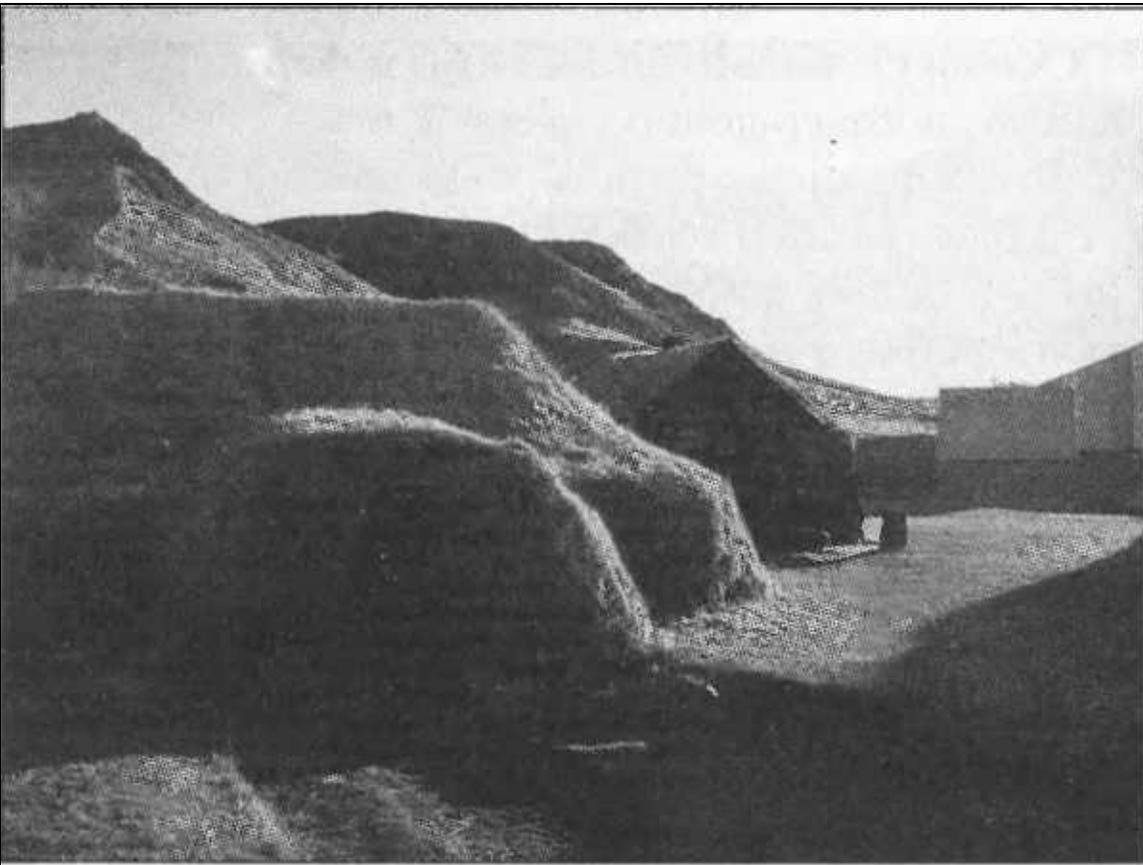

Исландский ледник — смесь лавы, грязи и камней

◆ Ваер

Основной жилой единицей была ферма, *baer*. Она выглядела совершенно по-особенному. Речь здесь идет не об одном крупном сооружении, а о целом ансамбле зданий, большего или меньшего размера. Очень больших домов здесь не строили. Около Рейкьявика существует музей на открытом воздухе в современном скандинавском стиле — *Árbaer*, где сегодня можно получить представление о сооружениях, которые мы здесь описываем.

Принцип строительства был довольно простым: на фундаменте из крупных камней (достаточно редких в этой вулканической стране) возводились низкие стены из дерновых блоков, расположенных перекрестными рядами, идущими в противоположных направлениях: первый ряд влево, второй — вправо, и так далее. Кровля была очень низкой (на нее даже мог забираться скот; знаменитая сцена из *Пер Гюнта* Ибсена доказывает, что в Норвегии подобные дома существовали еще в XIX веке) и состояла из полосок дернины, поросших травой. Стены и крыша должны были обеспечивать герметичность жилища в этой стране, где постоянно идет дождь и нужно сохранять тепло очагов.

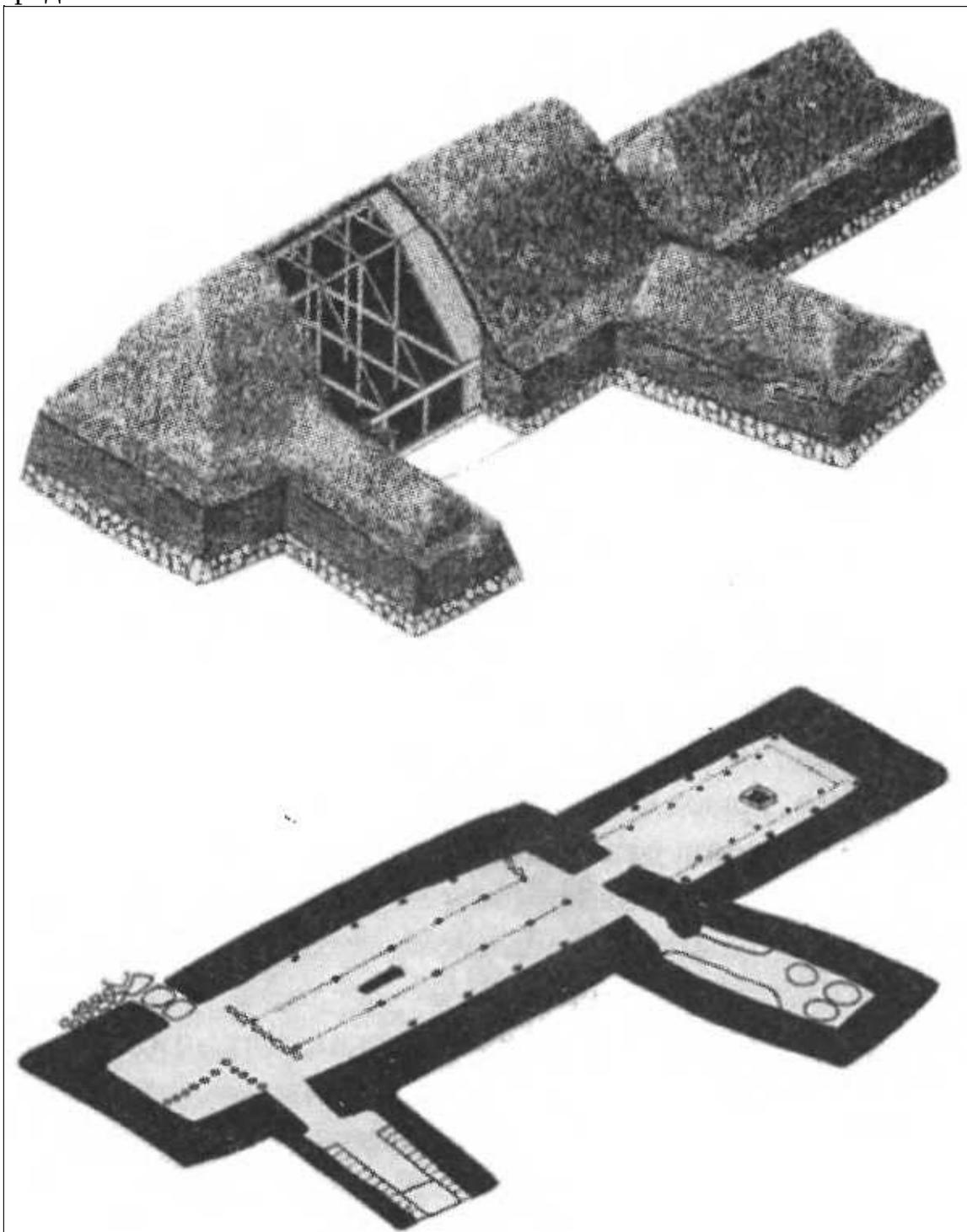

Исландская ферма. Музей в Скогафелле

Как правило, ферма состояла из группы небольших зданий, каждое из которых представляло собой *hús*, то есть дом (в английском языке *house*, в немецком *Haus*). Главный дом назывался *skáli*, однако этот термин мог применяться также к гостиной, или жилой комнате, где люди проводили большую часть дня. Каждое из сооружений, входивших в состав фермы, имело свое особое назначение: прачечная, кузница, сарай, кладовая для запасов, баня (*badstofa*, похожая на сауну, но не являющаяся ее точной копией, хотя принцип здесь тот же: очень горячий пар образуется, когда водой плещут на раскаленные камни), различные служебные помещения, сараи, молочная ферма, конюшни, хлева, пристройки, используемые как туалеты и т. д. Все домики соединялись один с другим при помощи крытых галерей или переходов, сделанных из деревянных реек (что-то вроде решетчатого настила), позволяющих, не пачкая ног, переходить из одного домика в другой, поскольку земля здесь обычно представляет собой липкую грязь. Все эти сооружения были окружены чем-то вроде изгороди, земляного вала или небольшой стенки, называемой *gardr* (отсюда возникло современное слово *gärdi* или *gaard* в континентальных скандинавских языках) и являющейся юридической границей фермы. Как и в других местах, в Исландии часто случалось, что соседи-соперники пытались передвинуть *gardr*, чтобы увеличить собственные владения. Многие саги повествуют об этих конфликтах, примером чему является *Сага о Глуме Убийце*. Скот в предназначенных для него сооружениях содержался только зимой. В теплое время животных обычно выгоняли на пастбища в горы с пастухами, которые укрывались там в специально построенных для этого временных укрытиях, или *setr* (обычай, пришедший из Норвегии, где он сохранился до сих пор). Управляться со стадом было довольно трудно, особенно согнать осенью овец, разбредшихся в разные стороны: в новелле Гуннара Гуннарссона под названием *Avent* весьма красочно описываются приключения пастуха, пытающегося собрать своих баранов.

Существовали и фермы изысканные, предвосхищавшие искусство создания домашнего уюта, столь дорогого современным скандинавам. В качестве примера можно назвать

расположенный на западе страны Рейкьяхолт, где жил Снорри Стурлусон, который, по-видимому, довел понятие «роскоши» до крайнего предела. Его *sháli* имел подвал (где писатель и был убит), а крытый зимний переход вел к подобию бассейна, где этот сибарит охотно принимал своих гостей, чтобы побеседовать с ними (едва ли только на литературные темы). Это была роскошная версия обыкновенного фермерского дома; его *baðstofa* (ванная), основанная на том же принципе, что и финская сауна, представляла собой разновидность бани, столь любимой и ценимой в Средние века.

*Реконструкция фермы Stong на юге Исландии.
Главное жилое помещение, или skáli, справа;
отдельные дома соединены друг с другом*

Похоже, существовали и двухчастные *sháli*, разделенные перегородкой, отделяющей женскую половину, или *kvinnaskáli*, от мужской.

На подобной ферме могли проживать в среднем около сотни человек — членов семьи в широком смысле, о чем мы уже говорили, а также друзья, «клиенты» и *útaða*, находящиеся на попечении хозяев (см. Бедняки и бродяги, глава 2).

Теперь давайте зайдём в *skáli*, которому обязательно предшествует разновидность небольших крытых сеней, или *tun*, игравших очень важную роль в языческие времена: именно в этом помещении содержалось животное — свинья или лошадь, которое приносилось в жертву во время великих праздников зимнего солнцестояния, или йоля. Даже после христианизации страны *tun* сохранил свое сакральное значение и посвящался обычно какому-то великому святому.

◆ Skáli, или жилое пространство

Skáli — основное жилое помещение исландской фермы-усады. Это было прямоугольное здание различного размера, которое могло разделяться на несколько «отсеков», которые назывались *stofa*. В *skáli* попадали через две двери, расположенные в каждом торце здания. Эти двери закрывались на запор при помощи хитроумно сделанных замков: стоит вспомнить, что исландцы и скандинавы вообще были искусными кузнецами. Примерно посередине *skáli* располагался продолговатый очаг, в котором постоянно поддерживался огонь. Огонь использовался для обогрева дома, освещения (но при этом в столбы, подпирающие крышу, вставлялись дополнительные факелы или свечи) и главным образом для приготовления пищи (иногда для этого отводили специальную часть здания, называвшуюся *eldhus*, дом огня, или *eldskáli*, от *eldr* — огонь). Вдоль длинных стен, обшитых панелями, на некотором расстоянии от наружной стены, а в случае необходимости — и вдоль торцовых стен, были устроены лавки со съёмными сиденьями: они одновременно представляли собой сундуки, где хранились наиболее ценные предметы и одежда, а также необходимые постельные принадлежности, включая одеяла. Когда наступал вечер, скамьи преображались в кровати, на которых, как всегда в то время, спали скорчившись. Днём эти скамьи, игравшие важную роль в повседневной жизни, служили сиденьями. Посреди одной из более длинных стен располагалось возвышение, или *öndvegi*: место, где сидел хозяин дома, а также наиболее значительные из его гостей (на этом возвышении могли поместиться несколько человек). Напротив места хозяина дома располагалось аналогичное возвышение, предназначенное также для значительных гостей. Первоначально, если верить *Книге о заселении Исландии*, *öndvegi* имело главным образом священное значение; без сомнения, оно — или по крайней мере опорные столбы — было украшено изображением божества, там стояла и наиболее ценная мебель.

На этом рисунке, выполненном на основании археологических находок, показан принцип распределения внутреннего пространства исландского дома и занятия его жителей

Пол делали из утоптанной земли, на которую сверху могли класть съемный помост — *gólf*, или *set*, изготовленный более искусно и заканчивавшийся крупной балкой, или *setstokkr*. В некоторых домах в боковом конце *skáli* были устроены подмости — *pallr*, предназначавшиеся для женщин. В полу перед каждой скамьей располагались два отверстия, в которые устанавливали съемные столы (это делалось только для приема пищи). Такова была обычная обстановка дома того времени; иногда еще встречались угловые шкафы для хранения продовольствия или одежды, но подобный вид мебели не был достаточно широко распространен.

Домашней утвари обычно было немного: деревянные ведра, металлические котелки или глиняная посуда (последнюю приходилось импортировать: в Исландии практически нет глины и стеатита, необходимых для ее изготовления), деревянные половники на очень длинной ручке, деревянные миски, рога или стаканы для питья, предметы роскоши, привезенные из Европы, жаровни, имевшие форму спирально закрученного прута с длинной рукояткой, щипцы, деревянные кадки. Дорогие предметы — такие, как украшения или амулеты, — обычно хранились в маленьких круглых деревянных коробочках, украшенных резными узорами или чеканкой.

Очевидно, что обстановка в жилом помещении не всегда бывала приятной: дым от огня, полутьма... Порой там, конечно же, было душновато! Печную трубу заменяло отверстие в

крыше, не было и окон — только узкие отверстия в верхней части невысоких стен, «застекленные» свинным пузырем, растянутым на округлой раме. Существовали и некоторые украшения интерьера: до нас дошли, например, очень красивые гобелены с вытканными рисунками на библейские темы, резные дверные панели, с иллюстрациями к переводным французским куртуазным романам. Известный скальд Ульф Уггасон даже посвятил одну из своих наиболее красивых поэм — *Húsdrúpa*, вдохновенному описанию подобной панели в жилище очень значительного вождя Олафа, прозванного Павлином.

Брошка в форме маленького щита

Skáli иногда отделялось перегородкой от *stofa*, представлявшей в то время нечто вроде гостиной, то есть более-менее общей комнаты, в которой были установлены кровати (*rekkja*). Кровати могли находиться в своеобразных альковах (*lokrekkja*, *rekkja* = кровать), которые закрывались изнутри на запор, *lok*. Подобным образом другая перегородка могла изолировать помещение, используемое для кухонных нужд — *eldstofa* или *eldhús*.

Понятия удобства, в том смысле, как мы понимаем его сегодня, для средневекового исландца не существовало, как не знали его скандинавские воины, отплывавшие от родных берегов в уютной ладье. Нравы того времени были довольно грубыми.

Однако не будем впадать в крайности. Важную роль в Исландии играло юридическое понятие *hýbýli*, означавшее нечто вроде законного обиталища, дома с домочадцами. Вот пример того, из чего состоял *hýbýli* около 1250 года на востоке острова, согласно современным событиям *saga* — *Svínfellinga saga*. Речь идет о половине церковного имущества, владелец которого был осужден, и потому теперь принадлежащего его противнику согласно практике *féránsdómr*, о которой мы уже говорили ранее (см. Тинг и альтинг, глава 2): это тридцать дойных коров, двенадцать *kúgildi* (стоимость коровы) недоимым крупным рогатым скотом, четыре рабочих быка, сто двадцать овец, пятьдесят баранов, семьдесят ягнят-однолеток, двадцать лошадей, двадцать пять свиней, пятьдесят гусей, двенадцать щитов, двенадцать копий, шесть морионов (шлемов), шесть кольчуг, десять сундуков и постельные принадлежности в таком количестве, сколько можно было погрузить на коня!

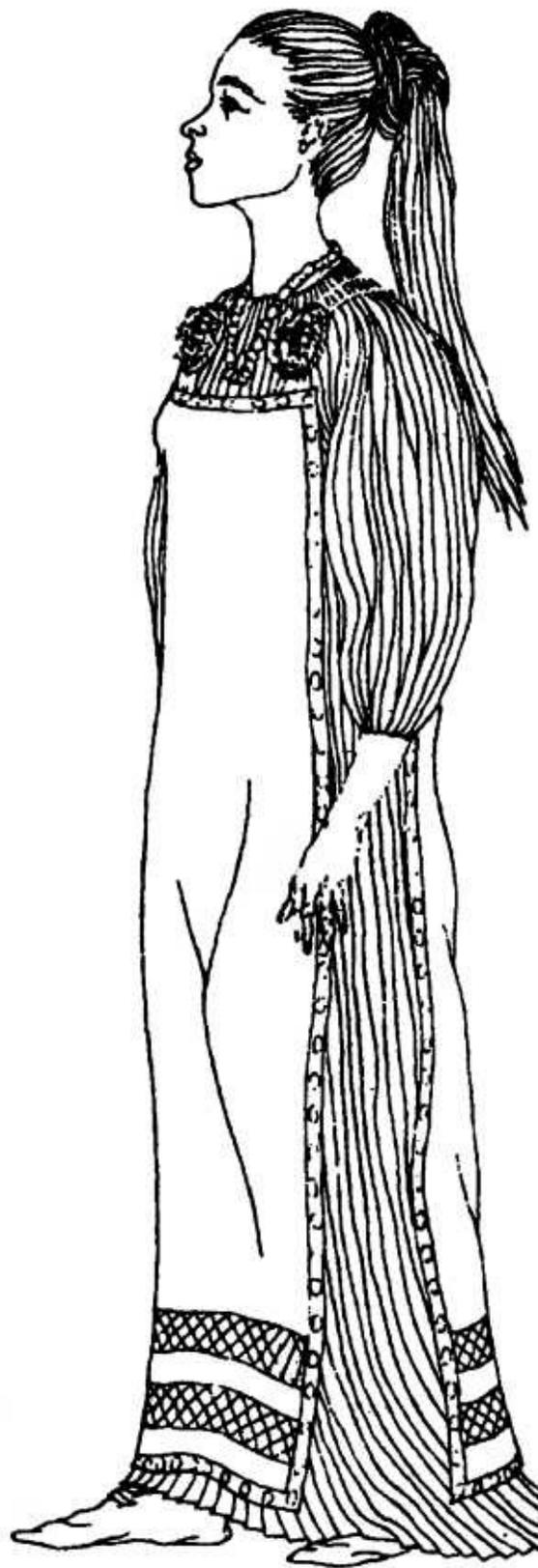
Одежда

Очевидно, что повседневная одежда не носила и следов той изысканности, которая была свойственна этой культуре. И причины этого очевидны: полная забот обывденная жизнь

островитян практически исключала какую-либо ненужную роскошь, а поскольку в этом мире совсем не было так называемой придворной жизни — то есть не было королей, принцев, замков и всего того, что требовало украшать свою внешность и четко обозначать ранг, то об изысканных одеяниях речь и не заходила. Однако это не означает, что средний исландец, будь то мужчина или женщина, не любил украшений. Напротив, мы знаем примеры щеголей, которых описывает едва ли не каждый мало-мальски стоящий *sagnamaðr* (автор саг). Особенно популярной считалась одежда из ярко-красной материи — она на равных конкурировала с бархатом, который авторы саг настолько любили, что называли его «божественной тканью», *gudvefr*.

Итак, никаких изысков, только удобство и надежность. Основной тканью для одежды, как мы помним, была неоднократно упомянутая выше вадмель. Она являлась настолько качественным материалом, что ее использовали как валюту при торговых сделках. Ткань эта была красива даже в некрашеном виде (цвета руна исландских овец), однако ее еще и красили. Краски получались либо путем вываривания различных растений, либо перемальвания ракушек, что давало различные оттенки коричневого, черного, светло-кремового или бежевого цветов, которые и сегодня удивляют своей элегантностью.

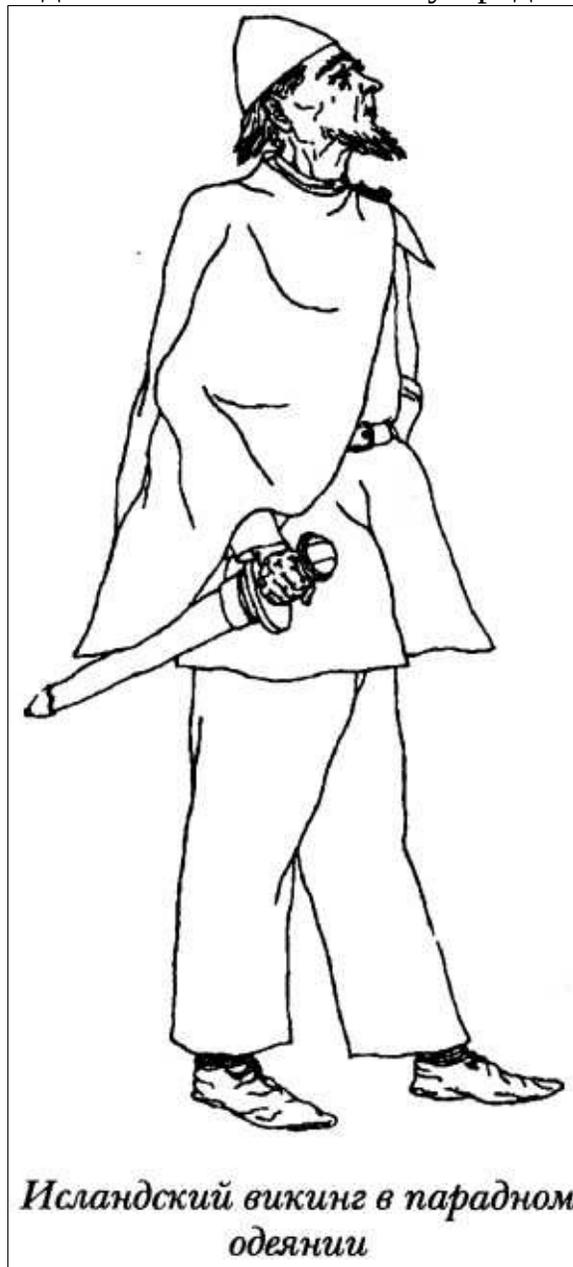
Мужчины носили короткие брюки, похожие на кельтские *брака*, которые заканчивались у колена. Они стягивались кожаным поясом, часто украшавшимся бронзовыми позолоченными пластинками, на которых могли быть вырезаны или вытиснены различные рисунки. На ноги они надевали грубые носки, сверху удерживавшиеся шнурованными обмотками. Обувь шилась из цельного куска кожи, искусно закладываясь вокруг подъема, и шнуровалась. Верх тела покрывала рубаха, шившаяся с вырезом по бокам и спускавшаяся до середины бедра. Сверху надевали короткий кафтан, иногда снабжавшийся капюшоном, прикреплявшимся к воротнику, — это была *ópra*, используемая и в наши дни. На головах исландцы носили фетровые шляпы. Нижнего белья, которое является итальянским изобретением XV века, в средневековой Исландии не существовало.

*Молодая исландка на рубеже
первого и второго тысячелетий
нашей эры. Распущенные
волосы и отсутствие ключей
на поясе свидетельствует
о том, что она не замужем*

Женщины носили длинное платье из ровной или плиссированной ткани, стянутое в талии поясом: к этому поясу прикреплялись ключи от сундуков, где хранили наиболее ценные

предметы утвари; мы знаем, что эти ключи были знаком достоинства хозяйки дома — *húsfreyja*. Верхняя часть платья позволяла при необходимости обнажать ту или другую грудь — женщина в то время была почти постоянно беременна до тех пор, пока была способна рожать детей. Полы ее одеяния были свободны и удерживались брошками, служившими предметами особой гордости той, кто их носила: это были обычно очень красивые металлические предметы тонкой работы. Длинный матерчатый фартук закрывал всю переднюю часть тела. На высоте левой груди к брошке были прикреплены различные домашние предметы — нитки, иглы, ножницы и т. д., необходимые для решения мелких повседневных задач. Голова покрывалась платком. При этом незамужняя исландка носила волосы распущенными, а замужняя хозяйка дома закручивала волосы в пучок. В случае больших праздников или различных церемоний женщина надевала головной убор, называемый *faldr*, который являлся чем-то вроде рога из накрахмаленной ткани, острие которого было направлено вперед, что создавало довольно странный для нашего восприятия силуэт. Этот *faldr* был очень ценным предметом. В одной из семейных саг — *Сага о людях из Лососьей Долины* — рассказывается о ссоре, возникшей между двумя соперницами, ставшей следствием зависти к этому предмету убранства.

Исландский викинг в парадном одеянии

Мы уже говорили о больших расстояниях, рассеянности жилья, суровости климата и сложности рельефа, характерных для Исландии. Мы также подчеркивали достоинства местной исландской лошади (см. Повседневные дела, глава 9), без которой жизнь островитян, о которой мы уже столько говорили, была бы невозможна, или по крайней мере сильно осложнена.

Исландия знала два основных транспортных средства — телегу и сани. Прежде чем рассказать о них подробнее, обратим внимание на отсутствие лодок. Мы знаем, что на острове никогда не было достаточного количества лесов, чтобы заниматься кораблестроением. В этом отношении страна была полностью зависима от континентальных скандинавских «собратьев». И главная причина упадка Исландии, равно как «долгой ночи», начавшейся с конца XIV века, связана именно с отсутствием древесины. Поскольку лодок местного производства не существовало, не было и ни масштабной рыбной ловли, ни дальних путешествий. Похоже, печальное осознание этого факта стоит за полным влюбленности описанием великолепного корабля норвежского короля, называвшегося «Длинной Змеей», приведенным Снорри Стурлусоном в его *Саге об Олафе Трюггвассоне* (см. *Круг земной*).

Одна из тех брошей из серебра, золота или бронзы, которые носили исландцы

Археологи извлекли из земли остатки средневековых саней и телег: и те и другие были изготовлены с большим техническим совершенством. Достаточно рассмотреть норвежские образцы, которые были обнаружены в корабле, найденном в погребальном кургане в Осеберге, и выставленном в Музее викингов в Бюгде, близ Осло. Конечно, они не исландские, однако они ничем не отличаются от тех, которые были в ходу на острове в то же самое время; в обоих случаях речь идет об одних и тех же транспортных средствах, выполняющих одну и ту же важную функцию. Их могли украшать резьбой, равно как и элементы конской упряжи; они

вообще являются собой поле для разнообразных технических ухищрений.

Словарь некоторых основных понятий

Чтобы помочь читателю легче ориентироваться, мы решили упорядочить несколько ключевых терминов на исходном языке в алфавитном порядке.

álfr: альв, эльф. Сверхъестественное создание с малопонятным статусом, относится к тому же разряду, что и боги, асы или ваны. Существовал культ альвов, о чем свидетельствуют некоторые саги.

alþing: альтинг, главный тинг всей Исландии. Проходил во второй половине июня в Тингвеллире, на юге острова. Там принимали решения, важные для всей страны. Истинное сердце общественной и политической жизни страны.

arfr: наследство или достояние. Выражение *leiða iarfoz* означает вводить кого-то в права наследования, делать из него наследника.

áss(мн. ч. **oesir**): асы, одна из двух «семей» богов древнескандинавского пантеона. Они ведали — преимущественно, но не исключительно — вопросами власти, военной силы и, частично, магии.

ausa barn vatni: обряд окропления, который, по-видимому, практиковался сразу после рождения младенца.

boer: ферма, место жительства бонда. Основной тип поселения в стране, не знавшей ни деревни, ни города. Немного напоминает галло-римскую виллу. Состояла из нескольких зданий, каждое из которых имело свое конкретное назначение.

bóndi(мн. ч. **boendr**): бонд, основная единица древнескандинавского общества. Свободный крестьянин-рыбак-землевладелец, происходящий из хорошей семьи, способный перечислить на память несколько поколений своего рода, имеющий право предъявлять иски, принимать участие в общественных ассамблеях, имея полное право голоса, и пользующийся, в случае оскорбления, возможностью получения полной компенсации. Бонд был основой средневекового исландского общества, именно о бондах повествует большинство саг и других литературных произведений. В его разносторонности есть что-то удивительное: он обладает всеми свойствами, которые определяют идеального человека той эпохи.

bót: компенсация. Основной принцип исландской юриспруденции, который означает, что любое нарушение предполагает компенсацию (какой бы природы она ни была).

dis(мн. ч. **disir**): диса, охраняющее божество, управляющее судьбой и воинскими доблестями. Обладает двойной природой, как и валькирии.

drápa: драпа, одна из разновидностей поэзии скальдов. Своеобразный панегирик, способ восхваления некоего человека. В случае необходимости включала в себя «припев», то есть совокупность из нескольких регулярно повторяющихся строк.

félag: тип ассоциации, обычная практика, состоявшая в том, чтобы объединять товары (fe) для выполнения различных видов деятельности.

fjorbaugsgardr: незначительное наказание или изгнание на срок, ограниченный во времени, а также, в случае необходимости, в пространстве.

fjörðungr: фьердунг, «четверть», название каждого из четырех административных подразделений страны.

flokkr: флокка, еще один тип скальдической поэмы. Не имела «припева».

fóstr: традиция передачи на воспитание ребенка на несколько лет знакомому, другу или другому члену семьи. Служила способом расширить степень влияния клана. Слово *fóstri* равно обозначает «приемного» ребенка или «приемного» отца.

frelsingi или **leysingi, frjálsgjafi:** раб, который был отпущен своим хозяином в силу неких

заслуг, выкупленный или каким-то способом извлеченный от своего рабского состояния. Таким образом, это человек, ставший свободным, вольноотпущенник. Впоследствии мог достичь состояния бонда.

fulltrúi: предмет (например, амулет) или сверхъестественное создание, по отношению к которому человек проявляет особое почтение.

fylgja: фюльгья, дух, охраняющий человека, за которым он «следует» (смысл глагола fylgja) и который воплощает его судьбу. Если он относится ко всей семье, его называют *oettarfylgja* (*oett* = семья).

garðr: участок, барьер или небольшая стена, ограничивающая ферму. Имеет сакральное и юридическое значение.

gifta или **goefa** (оба термина происходят от глагола **gefa**, давать): Удача, даваемая человеку силами судьбы. Владелец этого дара — *giftumaðr*. Антоним — *úgiftumaðr* означал прямо противоположное и применялся к особенно неудачливому человеку.

goði: изначально священник-жрец на службе определенного сообщества. Постепенно он приобрел светские полномочия, которые в конце концов превратили его в «вождя» в независимой Исландии. Возможно также, что подобные полномочия имелись у него с самого начала.

goðorð: годорд, понятие, проистекающее из предыдущего, так как оно возникло из понятия *goð*, *guð* — бог. Определяет одновременно духовную и светскую власть, которой обладают носители этого звания, или *goðorðsmaðr* (называемые также *mannaforráð* — от «администрация», «управление людьми»). Эта власть одновременно юридическая, административная, законодательная и экономическая. К годорам примыкали люди, называемые *þingmenn* (мн. ч. *þingmaðr*), которые сопровождали годоров на тинг. *Goðorð* мог передаваться по наследству или продаваться, по частям или полностью. Он не всегда совпадал с географическими границами. Значимость этого понятия постепенно увеличивалась, и в конечном счете именно годоры решили судьбу Исландии.

hamingja: хамингия, охраняющее божество, привязанное к семье. Порой появлялось в виде гигантской женщины. См. *oettarfylgja* и *fylgia*.

hamr: внутренняя сущность, которой обладает любой человек и которая способна покидать материальную оболочку; одна из разновидностей души.

heimanfylgja: приданое женщины (буквально — «то, что за нею следует из ее родного дома (*heimr*)»). От его размера нередко зависела удача брака, который почти всегда являлся сделкой (*kaup*, *brúðkaup*).

heiti: хейти, вид синонимии или метонимии, одна из обязательных фигур скальдической поэзии.

hólmganga: поединок, который первоначально должен был происходить на острове (откуда название, *hólmr* = остров) или в любом случае на строго ограниченной площади. Проходил в виде схватки с оружием или рукопашной. Имел юридическое значение: это был крайний способ решения спора между двумя мужчинами в случае, когда законы были бессильны.

hreppr: оригинальное учреждение независимой Исландии, занимавшееся вопросами взаимопомощи, страхования жизни или различных рисков. В особенности оно занималось поддержкой бедняков или нуждающихся.

hugr: одно из понятий, связанных с исландским средневековым представлением о душе. Соответствует *anima mundi* (лат. душа мира).

jól: Июль, скандинавское Рождество, важный праздник, происходивший в дни зимнего солнцестояния. Находился под эгидой дис или альвов (термины *dísablóti* или *álfablóti* являются взаимозаменяемыми). Продолжался одну-две недели.

kviðri л и **búakviðr**: присяжные, присутствовавшие при каждом юридическом разбирательстве. По-видимому, существовали только в независимой Исландии. Мнение *kviðr* было для суда решающим.

kenning(мн. ч. **kenningar**): кеннинг, вид развернутой метафоры или парафраза, одна из обязательных фигур скальдической поэзии.

knattleikr: игра в мяч с битами, весьма уважаемая исландцами.

landvoettir: ландвоетты, охранные духи, привязанные к конкретному месту (мн. ч. **landvoettr**). Исландцы относились к ним с особым почтением.

leid: осенний тинг, где оценивались решения, принятые на альтинге.

lögmaðr: у этого слова есть два значения: первоначально — человек с глубокими познаниями в законах, а после потери независимости так назывался губернатор Исландии, назначавшийся королем Норвегии.

lögrétta: место, где во время заседания альтинга находились *godari* л и *godorasmenn*; синоним суда.

lögsögumaðr: «законоговоритель». Президент альтинга, в обязанности которого входило прежде всего громкое троекратное провозглашение закона. Его выбирали на три года. Должен был иметь глубокие познания в законах.

mannjafnaðr: вид словесного поединка, при котором каждая из двух команд выбирала себе покровителя, идеального лидера, которого затем требовалось рьяно защищать.

minni (**drekka minni**, слово **minni** означает память): тост в память богов и предков, который обязательно поднимался в начале или во время пира.

mundr: «наследство от мужа», которое приносил жених невесте и которое становилось после брака собственностью женщины.

nið: нид, один из магических обрядов времен язычества, направленный на ослабление противника, которого хотели убить таким весьма изощренным способом.

öndvegi: возвышение, на которое садился хозяин дома. Имело сакральное значение.

prima signatio: христианский обряд, разновидность малого крещения, который давал нехристианам право торговать с христианами. По-видимому, этот обряд регулярно применялся викингами, что отчасти объясняет ту легкость, с какой Север обратился в христианство.

sejðr: сейд, один из скандинавских языческих магических обрядов. Совершался главным образом в целях гадания и прорицания судьбы.

seli или **seir**: временное укрытие для людей и животных в горах во время летнего сезона.

skáli: главное здание фермы, жилой дом.

skógarmaðr: (буквально лесной человек) человек, осужденный на полное изгнание.

tafl (**hneftafl**): игра в «тавлеи», разновидность нашей игры «волк и овцы».

þing(термин, не имеющий формы множественного числа): тинг, сезонное собрание всех свободных людей одного округа с целью совместного принятия решений, касающихся права, экономики и других общественных вопросов. Обычное учреждение древних германцев, среди которых исландцы все же стоят особняком. Тинг имелся в каждом административном округе Исландии. См. альтинг.

úmagi: человек, находившийся на попечении у сообщества — либо ввиду его старости, либо по причине бедности, либо вследствие недуга.

útburðr: оставление на большой дороге новорожденного, которого по той или иной причине отец не хотел держать при себе.

vaðmál: вадмель, разновидность грубой шерстяной ткани, предназначенной для изготовления одежды. Служила также средством оплаты.

vanir(мн. ч. **vanr**): ваны, другая «семья» богов древнескандинавского пантеона (см. oesir).

Отвечали главным образом за плодородие и плодovitость.

várþing: весенний тинг, который подготавливал проведение альтинга.

vetrnoetr(буков, зимние ночи): три дня в конце октября, которые официально открывали зиму.

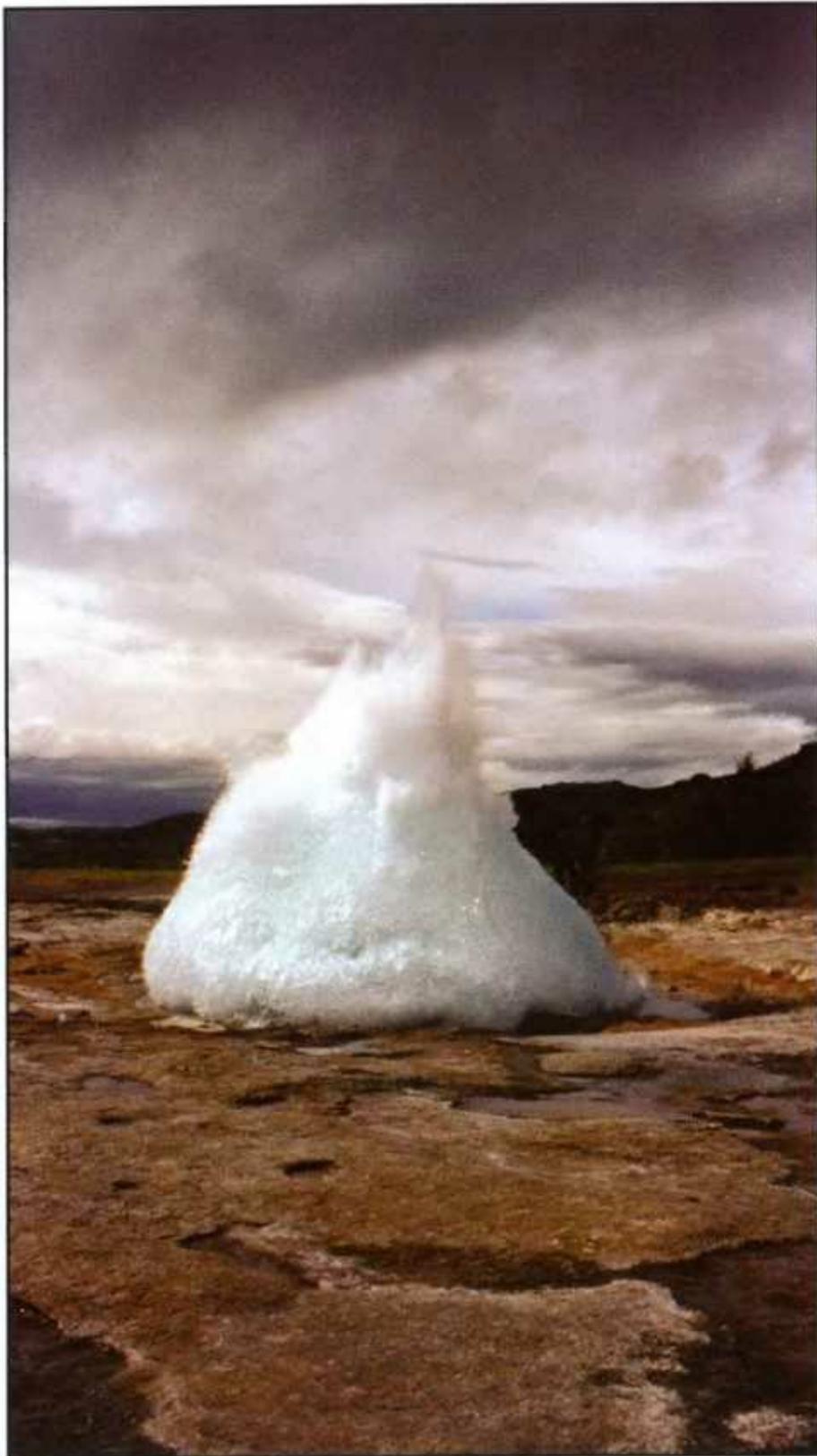
visa: виса, название строфы в скальдической поэзии..

Вулканическая лава. Активная вулканическая деятельность на острове способна причинить известные неудобства

Но в целом климат острова вполне приемлем для жизни, особенно в западной и южной частях острова

Многие из исландских гейзеров функционируют постоянно

Деттифосс — один из наиболее красивых водопадов мира

Меч викинга

На шлемах викингов не было рогов, не говоря уже о крыльях птиц, пиках и остриях

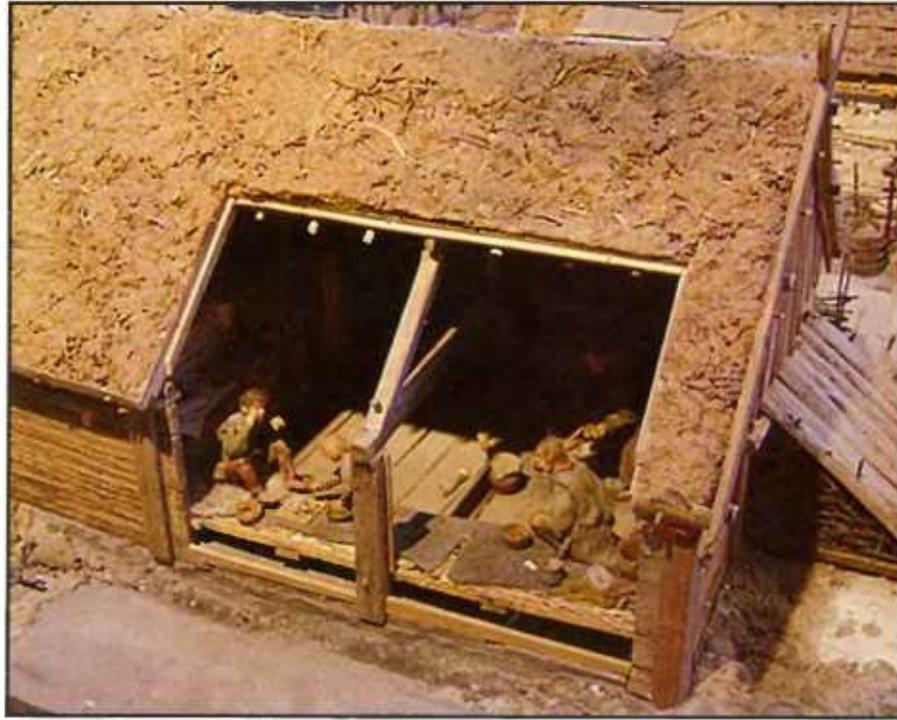
Ворон — «чайка ран»

Разведение овец обеспечивало исландцам относительно высокий уровень благосостояния

Исландские лошади не пони, но намного мельче континентальных лошадей

Реконструкция жилища викингов

Типичный исландский дом

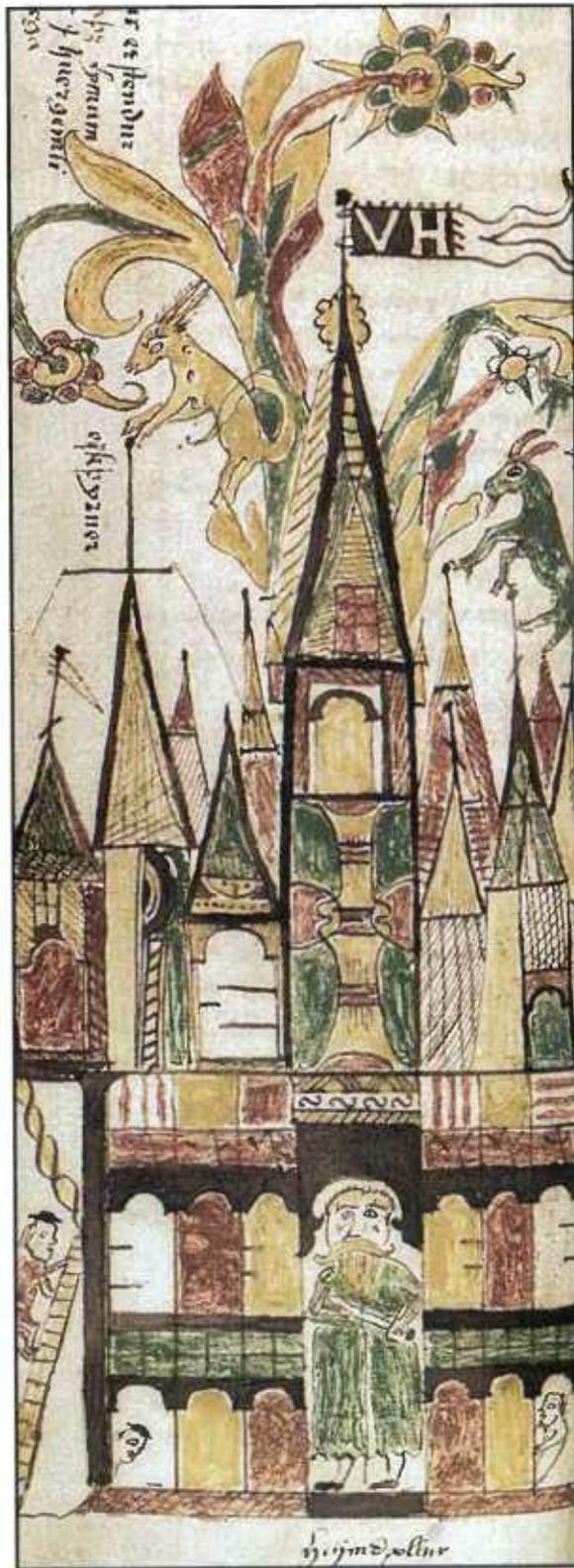
Памятник Лейфу Эйриксону в Рейкьявике

Валькирии. Художник П.-Н. Арбо

Первая страница «Эдды» Снорри Стурлуссона.
Манускрипт из Уппсалы

Врата Вальхаллы.
Исландский манускрипт XVII в.

Мировой змей Ёрмунганд,
пойманный на бычью голову.
Исландский манускрипт XVII в.

Один является
важнейшим
богом
языческого
пантеона,
уходившего
корнями в
древние
времена

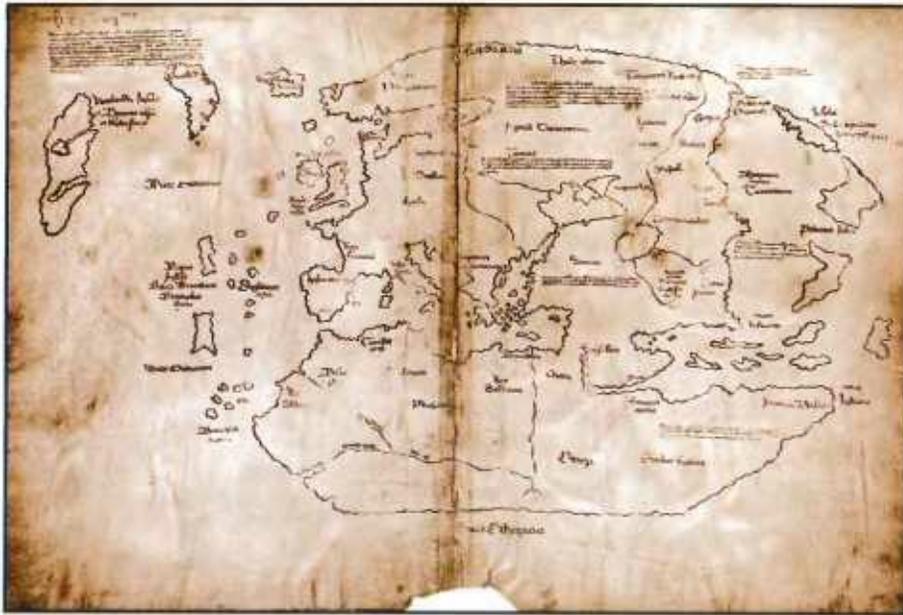
Локки — вор
и «трикстер»
северной
мифологии

Убийство
Бальдра.
Исландский
манускрипт
XVIII в.

Хеймдаль,
трубящий в рог.
Исландский
манускрипт
XVIII в.

«Карта Винланда»

Резная деталь корабля викингов

Карта Исландии А. Ортелия. XVI в.

Восковая фигура викинга
из исландского исторического музея

В Младшей Эддеэто Один, Вили и Ве.

Переводится также как ива или вяз.